

Глава 1.

Адриан Владимирович Македонов: парадоксы судьбы

§ 1. Смоленский период (1927 – 1937)

1.1. Вступление в жизнь.

Адриан Владимирович Македонов родился в Смоленске 9 мая (22 мая по нов. стилю) 1909 года. Он вырос в атмосфере высоких гражданских идеалов, поскольку принадлежал к семье старой интеллигенции, которую всегда волновала судьба страны.

Бабушка, Маргарита (Харита) Николаевна Волынская (по мужу Македонова) (1858-1944), была дочерью титулярного советника, владела имением в Костромской губернии. Дедушка, Лев Васильевич Македонов (1859 – после 1914), был родом из Соликамска, происходил из крестьянской семьи, но сумел получить высшее образование в Московском техническом училище. Они оба были активными участниками движения новонародников. В 1884 году их привлекли к дознанию по делу московских народовольцев С.В. Сотникова и М.К. Лаврусевича и по приказу министра внутренних дел выслали в Воронежскую губернию, где они прожили несколько лет вместе со своими детьми – сыном Кириллом и дочерью Екатериной.

О Лье Васильевиче Македонове можно узнать из Энциклопедического Словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В Воронеже он служил в должности секретаря уездной земской управы, много сделал для организации продовольственного дела во время голода 1891-1892 годов и улучшения школьного дела в губернии. Его всегда привлекали научные исследования. Опираясь на статистические данные, он изучал экономику, уклад жизни жителей южных районов России. Обладая огромной работоспособностью, Лев Васильевич выпустил несколько книг объёмом от 250 до 600 страниц, постоянно сотрудничал с периодическими изданиями, писал статьи для отдела географии Словаря Брокгауза и Ефрона.

До конца жизни Лев Васильевич оставался верен идеалам молодости, считал необходимым служить делу просвещения русского народа. «Гнёт старого режима, – писал он в очерке 1907 года, посвящённом Н.Ф. Бунакову, своему единомышленнику, – в течение веков пригибавший личность и попиравший её человеческие права, не мог не отравить и её сознания, не растлить до известной степени её общественного характера. Рабская идеология, усердно внушаемая всеобъемлющей государственной опекой, слишком долго всасывалась в мягкую натуру русского человека, чтобы возможно было сразу с ней покончить...»¹.

¹ Македонов Л.В. Николай Федорович Бунаков, его жизнь и деятельность. СПб.: Издание М.М. Гутцац, 1907. 44 с. С. 3.

Маргарита Николаевна в 1895 году приняла решение вместе с дочерью переехать в Смоленск, где продолжала оставаться под негласным надзором полиции, вращаясь «исключительно среди лиц сомнительной политической благонадёжности»². Ей не раз удавалось ускользнуть из-под полицейского надзора и отправиться то к братьям в Волынскую и Могилёвскую губернии, то к мужу в Воронеж, то к кому-то в Вологду. В Смоленске сначала она работала фельдшерницей-акушеркой, затем ей удалось открыть школу рукоделия для девочек, а также вместе с товарищами организовать публичную библиотеку в Заднепровском районе города, пожертвовав в её фонды более 500 томов различных изданий. Долгие годы Маргарита Николаевна оставалась главной сотрудницей библиотеки.

Вполне естественно, что Екатерина Львовна Македонова (1883-1938) ещё в молодости тоже увлеклась идеями народовольцев. Закончив в 1899 году с серебряной медалью Смоленскую Мариинскую женскую гимназию, она поступила в VIII дополнительный педагогический класс Воронежской Мариинской женской гимназии и через год получила аттестат, дающий право на домашнее преподавание истории и географии, а также начальное преподавание русского языка и арифметики. Вернувшись в Смоленск, Екатерина Львовна занялась преподавательской работой. В годы первой русской революции вместе с матерью она участвовала в эсеровском движении, продолжавшем традиции народничества; была пропагандистом Смоленского комитета партии социалистов-революционеров среди крестьян. В 1906 году она была арестована Смоленским губернским жандармским управлением по подозрению в совершении террористического акта и в течение двух месяцев находилась в заключении в смоленской тюрьме. Через пятнадцать лет, в 1921 году, когда её сыну Адриану было уже 12 лет, Екатерина Львовна вновь была арестована, но уже органами ВЧК, по подозрению в контрреволюционной деятельности. Этот арест, к счастью, оказался краткосрочным. В 1920-е годы она смогла устроиться экономистом в Смоленском губернском отделе торговли, позже вернулась к преподаванию: в 1930-е годы Екатерина Львовна преподавала английский язык на курсах иностранных языков при еврейском педагогическом училище.

Екатерина Львовна обладала сильным, непримиримым характером, была готова вступить в открытое противостояние с любым проявлением зла. Остро ощущая любую несправедливость, она всегда брала под свою защиту человека, который в этом нуждался. Близкая к творческой молодёжи, Екатерина Львовна вместе с сыном участвовала и в литературных встречах, которые порой напоминали военные баталии, и умела дать отпор беспринципным демагогам.

Своего родного отца – Адриана Эмильевича Флесса – Македонов не знал, поскольку ещё до его рождения родители, не состоявшие в законном браке, расстались. Уже в зрелые годы, в роковом 1937 году, они однажды

² Илькевич Н.Н. Харита Македонова: под негласным надзором полиции // Учёные записки Смоленского государственного педагогического университета. Смоленск: СГПУ, 1997. С. 272.

встретились, но близкими людьми не стали. О А.Э. Флессе известно крайне мало. В личном архиве Македонова хранится фотокопия удостоверения отца, запрошенная им в 1967 году. Благодаря ему мы знаем, что в 1920 году Адриан Эмильевич служил начальником отдела штаба Заволжского военного округа, а в 1937 году он жил в Москве, занимал должность ревизора Всесоюзного треста «Автотрактородеталь».

В метрическом свидетельстве Македонова от 28 мая по ст. стилю 1909 года в качестве отца указан Владимир Карлович Альтберг – законный супруг Екатерины Львовны. Брат и мать отчима значатся восприемниками при крещении мальчика. До 1930-х годов Адриан носил либо фамилию «Альтберг», либо двойную фамилию «Альтберг-Македонов».

Отношения между Адрианом Владимировичем и его приёмным отцом не успели сложиться. В годы гражданской войны В.К. Альтберг ушёл воевать на Астраханский фронт в составе 300-го красноармейского полка, где был представлен к ордену Красного знамени. Однако с войны вернуться ему было не суждено: в 1919 году он умер от сыпного тифа.

В браке с Владимиром Карловичем у Екатерины Львовны родился ещё один сын – Юрий, но мальчик рано умер. Сохранившиеся детские фотографии говорят о том, что братья были очень похожи.

В раннем детстве Адриан Владимирович жил не с матерью, он воспитывался в семье бездетных крестьян Якова и Федосьи Лавровых в деревне Боровой Смоленского уезда, где в далёком 1906 году Екатерина Львовна Македонова создавала крестьянское братство. Возможно, личная и бытовая неустроенность вынудили её на какое-то время отдать своего маленького сына на воспитание в крестьянскую семью, где мальчик заодно смог приобщиться к сельскому труду.

И только когда пришло время получать образование, мать перевезла сына в Смоленск. Учебное заведение выбиралось не случайным образом. Его отдали в Показательную школу II-й ступени, созданную при педагогическом факультете Смоленского государственного университета. Пятилетний курс обучения Македонов прошёл за два с половиной года (январь 1923 – июнь 1925). В свидетельстве об окончании школы его знания по всем предметам были оценены только двумя отметками: «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно», что соответствовало «хорошо» и «отлично»³. Предстояло выбрать вуз и определиться с будущей профессией.

Ещё в школе Македонов увлёкся поэзией. Вместе со своим другом Александром Гитовичем, впоследствии известным советским поэтом, он начал посещать различные творческие вечера, в том числе литературного объединения «Арена» (1921-1925), ставшего своеобразным прообразом будущего Смоленского отделения Союза советских писателей. Оно объединяло писателей самых разных художественных стилей: от авторов, увлекающихся футуризмом и имажинизмом, до крестьянских поэтов. На одном из вечеров

³ Котова Э.Л. Материалы архивного дела студента А.В. Македонова // Русская филология: Учёные записки СГПУ. Т. 6. / Сост. и ред. В.С. Баевский, М.Л. Рogaцкина. Смоленск, 2002. С. 215-230. С. 221-222.

«Арены» Македонов впервые увидел Михаила Исаковского, читающего стихи «без частого для поэтов того времени “завывания”». Позже он вспоминал, что стихотворение не произвело на него «особого сильного впечатления, и было далеко от мыслей и чувств 14-15-летнего школьника», он запомнил из него только две строчки: «Не сказала она мне – “не надо”, / Но я понял и сам отошёл»⁴.

В то же время Македонов всерьёз интересовался точными науками. Школьные педагоги в рекомендации для поступления в вуз сочли нужным отметить «исключительно хорошие способности» юноши в области математических дисциплин⁵.

В 1925 году в Смоленском государственном университете (СГУ) было два факультета – педагогический и медицинский, на первом из них было два отделения – физико-техническое и словесно-историческое.

На какое из них пытался поступить Македонов, неизвестно, но с первой попытки стать студентом университета ему не удалось. Почему? Вопрос пока остаётся открытым. В то время абитуриенты не сдавали вступительных экзаменов, главной задачей было получить разрешение специальной отборочной комиссии Смоленского Губкома по командированию в высшие учебные заведения. Возможно, препятствием оказалось «неправильное» социальное происхождение Македонова. Он был вынужден поступить на школьное отделение педагогического техникума, находившегося в селе Алексино Дорогобужского уезда Смоленской губернии. «Алексинский педагогический техникум, – вспоминал Македонов, – в котором я проучился два года, как и многие другие аналогичные учебные заведения, был создан в бывшей помещичьей усадьбе с большим парком. Рядом работал большой совхоз и конезаводство. В техникуме преподавали весьма разные люди, в т.ч. остатки местной ещё до-революционной интеллигенции и даже один бывший священник (который преподавал пение). Учащиеся техникума были в основном дети крестьян, весьма разного возраста, но были также дети бывших деревенских священников. Обстановка была очень пёстрой, сложной. Но характерным для всех было стремление к культуре, знаниям. Литературный кружок регулярно посещало более 80 человек – больше половины учащихся, которые выступали со своими стихами, а наиболее способные в дальнейшем стали печататься»⁶. Здесь Македонов познакомился с поэтом Дмитрием Осиним, о творчестве которого в будущем ему предстояло писать.

С Алексинским педтехникумом у Македонова связаны и печальные воспоминания. К этому времени относится его неудачная попытка стать членом ВЛКСМ. Для юноши, стремящегося посвятить свою жизнь борьбе за счастье советского народа, это был болезненный удар. Что стало его причиной? Тём-

⁴ Македонов А.В. Михвас // Воспоминания о М. Исаковском. М.: Советский писатель, 1986. С. 77-101. С. 80.

⁵ Котова Э.Л. Материалы архивного дела студента А.В. Македонова ... С. 221.

⁶ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1996. 448 с. С. 71-72.

ное социальное происхождение? Возможные конфликтные ситуации? Неизвестно. Но через несколько лет литературные противники Македонова будут использовать этот козырь против него.

Проучившись в техникуме два года (1925-1927), он получил квалификацию учителя школы I ступени с сельскохозяйственным уклоном и смог, наконец, поступить в университет. В 1927 году юноша был зачислен студентом на отделение языка и литературы педагогического факультета СГУ. В личном деле студента Адриана Македонова сохранилась зачётная книжка, благодаря которой мы можем судить и о его успеваемости, и о плане учебной работы отделения словесности тех лет. Кроме двух учебных практик по методике преподавания русского языка и литературы, Македонов был аттестован по тридцати восьми дисциплинам: двадцати шести специальным предметам (из них восемь было по педагогике), четырём общеобразовательным и восьми, связанным с обучением военному делу («Материальная часть винтовки. Ручные гранаты. Ружейные гранаты Дьяконова», «Топография. Тактика пехоты», «Стрелковое дело» и пр.). Почти по всем учебным дисциплинам он получил просто «зачёт», и лишь по пяти предметам его знания были оценены как «весьма удовлетворительно» или «отлично» («Введение в изучение литературы», «Поэтика», «Западноевропейская литература», «История русской литературы до XIX века», «История русского языка»). Трижды встречается и оценка «удовлетворительно»: дважды по предмету с настораживающим названием «Комплекс тактик» и один раз по «Методике военной работы в гражданской школе». Очевидно, что военное дело Македонова привлекало мало.

Зато он не был в стороне от общественной жизни вуза. Известно, что в 1929 году Македонов занял третье место на чемпионате Смоленского университета по шахматам. Первокурсником он стал одним из активных участников литературных кружков, созданных при кафедре литературы СГУ и Доме работников просвещения.

Уже на первом курсе Македонов заявил о себе как способный литературный критик, эрудированный, стремящийся даже в небольшой по объёму рецензии дать обстоятельный, по возможности глубокий анализ художественного текста. Ориентируясь в первую очередь на синтетическую критику В.Г. Белинского, идеологические требования он совмещал с эстетическими критериями оценки. Окончательно решив связать свою жизнь с литературой, в конце 1927 года он вступил в РАПП и начал с завидной регулярностью печататься в одном из столичных журналов. Адриану Македонову было 18 лет.

Москва манила начинающего критика... И летом 1929 года, заканчивая второй курс университета, Македонов решил перевестись на литературное отделение МГУ. Одной из причин был недостаточно высокий уровень преподавания литературы на факультете: «Литературоведческий цикл в общем плане <...> в те годы не занимал ведущего места. Обычно многие дисциплины этого цикла по тем или иным причинам не дочитывались до конца, а то и вовсе не

читались <...>⁷. Кроме того, на педагогическом факультете почти не велась научная работа. Македонов же к тому времени осознал, что его призвание – не преподавание литературы, а её исследование. В заявлении с просьбой о переводе в МГУ Македонов так объяснил своё решение: «В процессе своей работы, как студента, я убедился, что имею наклонности и способности к научно-исследовательской работе в области литературоведения и что занятия педагогическими дисциплинами ни в коей мере не способствуют моей подготовке к этой работе и органически противоречат складу моих интересов и способностей. Кроме того, я уже работаю, как литературный критик, в соответствующих организациях и периодических изданиях, главным образом, в Российской Ассоциации Пролетписателей и в журнале “На литературном посту”. Считаю поэтому, моё дальнейшее пребывание на педфаке нецелесообразным (выделено Македоновым – Э.К.) и прошу посодействовать мне в отношении перевода (выделено Македоновым – Э.К.) в специальный литературный В.У.З. Адриан Македонов. <...> 2.06.1929»⁸. К заявлению был приложен доброжелательный отзыв заведующего кафедрой литературы профессора Н.И. Ефимова. О его переводе в Московский университет перед руководством СГУ ходатайствовал секретариат РАПП, считая «крайне желательным, чтобы тов. А.В. МАКЕДОНОВ <...> перешёл в вуз, дающий ему возможность специализироваться в наиболее интересующей его области – области литературоведческих дисциплин»⁹. Руководство Смоленского университета не возражало против его перевода, но по невыясненным обстоятельствам Македонов все-таки остался учиться в Смоленске. В 1930 году он экстерном закончил четырёхлетний курс обучения в университете и посвятил себя литературной и организаторской работе.

1.2. Литературная жизнь Смоленска конца 1920-х – 1930-х годов.

В первые послереволюционные десятилетия интерес к литературе и в целом к художественному творчеству в стране был огромен. В одной только Смоленской губернии, по скромным подсчётам, было не менее пятисот человек, пытавшихся найти своё место в литературе. «Но среди них, – признавался М.В. Исаковский, – едва ли наберётся один десяток, который пишет более или менее хорошо»¹⁰.

До появления первых литературных организаций писательские силы Смоленщины объединялись в кружках или «консультативных пунктах», созданных при литературных отделах губернских газет «Звезда», «Известия», «Рабочий путь», «Смоленская деревня» и других местных органах печати, а также при учебных и просветительских учреждениях (Смоленском университете, губернском Доме работников просвещения и пр.).

⁷ 40 лет Смоленскому государственному педагогическому институту имени Карла Маркса. Смоленск, 1958. С. 60.

⁸ Котова Э.Л. Материалы архивного дела студента А.В. Македонова ... С. 221-222.

⁹ Там же... С. 222.

¹⁰ М.И. <Исаковский М.> Как надо и как не надо писать стихи // Рабочий путь. 1927. 4 декабря.

По воспоминаниям Македонова, литературные кружки 1920-х годов «формально кем-то контролировались, но по существу были вполне самостоятельными организациями просветительского характера. Программы работ кружков (как и литературных групп при газетах) ни с кем обычно не согласовывались; на собрания приходили кто хотел и выступали с чем и как хотели <...>. Тем не менее не помню каких-либо злоупотреблений литературного или тем более политического характера этими свободами. Посещаемость некоторых кружков была очень хорошей (до 80-100 человек); главную массу посетителей составляли и люди, просто интересовавшиеся литературой, и люди, сами пытающиеся писать и выступать как поэты, прозаики и критики. Обсуждение имело вполне демократический и откровенный характер, и происходил естественный отсев случайных и бездарных элементов и отбор наиболее способных, активно любящих литературное дело <...>. Так формировалась широкая среда, благодатная почва возникновения и роста новых литературных, журналистских или хотя бы активно-читательских сил»¹¹.

После самороспуска «Арены» в Смоленске делались попытки создания отделений «Кузницы», ЛЕФа и «Перевала», но все они просуществовали недолго. В марте 1926 года было создано «Литобъединение» смоленских писателей, которое тоже оказалось недолговечным.

Наконец, в декабре 1926 года в Смоленске под эгидой газеты Смоленского обкома ВЛКСМ «Юный товарищ» (1920-1929) возникла группа «Комсомолия», ставшая «ежевечерним пристанищем и первым литературным институтом» для многих молодых авторов¹². Здесь они «учились анализировать произведения своих товарищей, изучали произведения современной и дореволюционной русской литературы, теорию словесности, стремились овладеть мастерством художественного слова»¹³. Один из постоянных участников этих встреч Сергей Фиксин вспоминал о всеобщем увлечении поэзией, которая и в 1920-е годы продолжала владеть умом и сердцем молодых писателей: «Проза почти никого из нас не привлекала, кроме, пожалуй, радиожурналиста Василия Ардаматского. Даже староста нашей литгруппы Дмитрий Осин, много позже выпустивший несколько книг прозы, и тот ограничивал себя только стихами и песнями»¹⁴.

17 членов группы «Комсомолия», среди которых были Е. Марьенков, Д. Осин, С. Фиксин и другие смоленские авторы, сыгравшие заметную роль в истории смоленской литературы, стали ядром ассоциации пролетарских писателей Смоленска. Не случайно Владимир Смолин, одно время руководивший

¹¹ Македонов А. Михвас [Неопубликованная часть статьи] // ГАСО. Ф. 2436. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 162-240. Л. 177-178.

¹² Фиксин С.А. Первая даль поэта // Воспоминания об А. Твардовском. М.: Советский писатель, 1978. С. 16-38. С. 16.

¹³ Шурыгина Л.В. Литературный Смоленск второй половины 20-х годов // Учёные записки. Вопросы русской литературы XIX-XX вв. Вып. XXVII. Смоленск: СГПИ, 1971. С. 144.

¹⁴ Фиксин С.А. Первая даль поэта... С. 16.

«Комсомолией», именно с этой группой связывал организационное закрепление в городе САПП, начало её литературно-общественной и творческой работы¹⁵.

4 декабря 1927 года в трёхэтажном здании губернской совпартшколы, находящемся рядом с городским садом Блонье, состоялась первая губернская конференция пролетарских писателей, на которой присутствовало уже 39 человек, одним из них был студент Адриан Македонов¹⁶. С докладом о задачах пролетарской литературы выступил Виктор Ермилов – председатель правления РАПП, заместитель редактора журнала «Молодая гвардия», известный литературный критик. В своём заключительном выступлении он обратил внимание на анкеты вступающих в САПП и счёл нужным отметить «странные» литературные пристрастия 18-летнего юноши, который на вопрос о том, кто ваши любимые поэт и прозаик, ответил – Осип Манделъштам и Анатолий Франс. «Нам и такие нужны», – снисходительно прокомментировал Ермилов выбор «вновьобращённого» (См. Приложение 2). Им оказался Адриан Македонов. Столь мягкой оценке, по мнению критика, помогло заступничество Исаковского – человека широких взглядов, уважающего подлинное творчество, даже если его направление было ему не близко.

Решение Македонова вступить в РАПП было неслучайным. Во-первых, как и миллионы людей той эпохи, он искренне верил, что именно пролетариату суждено создать новую истинно народную культуру, зовущую в «коммунистическое далёко». Во-вторых, в те годы в Смоленске не было «литературных организаций, которые могли бы противостоять РАПП – не только по политическим причинам того времени, но и по стремлению лучших начинающих писателей глубже разобраться в окружающем»¹⁷.

Ответственным секретарём правления ассоциации был избран Михаил Васильевич Исаковский, который, по всеобщему признанию, являлся бесспорным авторитетом в литературных кругах Смоленска. В отличие от Ермилова он поставил перед писателями «задачи исключительно творческого характера»¹⁸, нацелил их на преодоление «схематичности и голой агитационности»¹⁹, столь характерных для огромного потока «литературной продукции» тех лет. Кроме Исаковского, в состав правления САПП, вошли Д. Осин, С. Фиксин, П. Буренков и В. Смолин. Осин и Исаковский – единственные в то время смоленские поэты, печатавшиеся в центральных изданиях, были избраны делегатами на Всесоюзный съезд пролетарских писателей.

¹⁵ Смолин В. Год работы (Смоленская ассоциация пролетарских писателей) // Рабочий путь. 1927. 4 декабря.

¹⁶ А.В. Македонов вспоминал: «В числе делегатов съезда был Николай Рыленков. Не помню, был ли Твардовский. В заключение съезда был проведён литературный вечер, на котором присутствовало около 500 человек». См.: Македонов А.В. Михвас... С. 83.

¹⁷ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 112.

¹⁸ Исаковский М.В. Внедряясь в массы, углубляя творческую работу, выдвигая кадры писателей и поэтов // Рабочий путь. 1928. 9 декабря.

¹⁹ Сегодня открывается первая смоленская губернская конференция пролетарских писателей // Рабочий путь. 1927. 4 декабря. С. 2.

САПП разворачивала свою деятельность при поддержке губкома партии, в частности, руководителя Завагитпропа С.Д. Памфилова, которому Исаковский посвятил шутивное стихотворение, начинавшееся строками: «Мы, поэты на судьбу не ропщем, – / Наши шансы вовсе не плохи, если даже главный агитпропщик / Полюбил поэмы и стихи... / И к нему, забыв былую робость, / Я иду спокойно в кабинет...»²⁰.

В конце 1929 года, после того, как была организована Западная область с центром в Смоленске²¹, возникла областная АПП (ЗОАПП), первая конференция которой состоялась 1-3 марта 1930 года. На ней с основным докладом вновь выступил Ермилов «О задачах пролетлитературы в реконструктивный период». С докладом сделал сам генеральный секретарь ассоциации Леопольд Авербах, который призвал собравшихся к созданию истинно революционной литературы. Художественное качество «литературной продукции» его мало волновало (См. § 7 второй главы), что шло вразрез с представлением Исаковского и близких ему по духу смоленских писателей. В скором будущем это привело к расслоению Смоленской писательской организации, как впрочем и самого РАПП, и к противостоянию «неистовых ревнителей», берущих на себя роль «партийных контролёров», и «эстетствующих» поэтов, прозаиков, литературных критиков, которые, заботясь об идеологической составляющей произведений, никогда не забывали о том, что они создают искусство.

Жёсткая рапповская литературная политика в Смоленской писательской организации, по свидетельству Македонова, «сочеталась со стремлением к подлинной литературной учёбе, творчеству. В АПП могли участвовать и молодые люди, весьма далёкие от специфических рапповских критериев, хотя и отдававшие им дань в той или иной мере»²².

В первой половине 1930-х годов литературная жизнь в Смоленске была очень насыщенной. Регулярно выходили периодические издания, размещающие на своих страницах литературные произведения: журналы «Западная область» (ответственным секретарём которого около двух лет, с ноября 1930 года по сентябрь 1932 года, был Александр Твардовский), «Наступление», «На культурном посту», газеты «Рабочий путь», «Большевицкий молодняк», «Смоленская деревня» и др. Эпизодически печаталась «Литературная газета», однодневные выпуски которой были приурочены к каким-либо знаменательным событиям, а с 1 апреля 1934 года она выходила как декадная. Благодаря открытию в Смоленске отделения Государственного издательства Западной области (ЗапГиз) писатели, в том числе и начинающие, получили дополнительные возможности для издания книг, литературных альманахов, поэтиче-

²⁰ Цит. по: Шурыгина Л.В. Литературный Смоленск... С. 149.

²¹ Западная область просуществовала до 1937 года. В её состав входили несколько губерний (Смоленская, Брянская, Калужская) и некоторые территории Тверской, Московской губерний и т.д. См.: Смоленск. Краткая энциклопедия / Отв. ред. Г.С. Меркин. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 424.

²² Македонов А.В. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги. М.: Художественная литература, 1981. 367 с. С. 104.

ских сборников. Руководство литературной частью издательства вначале возглавляли Исаковский и Авербах, вынужденный около года провести в Смоленске²³.

Смоленские писатели имели разные площадки для своих творческих встреч. По-прежнему местом их «постоянного пребывания» оставался Дом работников просвещения. Для них всегда были открыты двери областной библиотеки им. В.И. Ленина, директором которой в ту пору был Иван Прокофьевич Иванов. Он «приютил» писателей в своём кабинете. «Тесная, полутёмная эта комнатёшка, – пишет В. Звездаева, – скромно именовалась “кабинетом писателя”, видела и слышала в своих стенах Македонова, Твардовского, Рыленкова, Марьенкова, Кудимова <...>. По субботам здесь читались стихи, предварительно вывешенные прямо на стене для ознакомления, проза, кипели споры...»²⁴.

В декабре 1934 года был открыт Дом искусств²⁵, ставший центром творческой и культурно-массовой работы писателей, артистов, художников и музыкантов. В их распоряжении оказались библиотека, творческие кабинеты, буфет и даже бильярдная. Здесь находился и кабинет председателя ССП Западной области М.С. Завьялова. Директором был назначен Исаак Кац, известный своими литературно-критическими статьями. На частых творческих встречах и в кулуарах, воодушевлённые идеей создания нового советского искусства, литераторы спорили о перспективах развития отечественной поэзии и прозы. Их интересы отличались широтой и разнообразием: «На литературных вечерах, во время встреч в Доме искусств, в дружеских сходках дома А. Гитович увлечённо читал Гумилёва, Киплинга, “Стихи о поэте и романтике” Багрицкого. А. Македонов читал и толковал Пастернака и Мандельштама. В. Муравьев переводил Киплинга на русский язык. Дважды с выступлениями, имевшими сильный резонанс, приезжал в Смоленск Маяковский»²⁶.

В 1933-1935 годы, после роспуска всех литературных группировок и создания Союза советских писателей, в Смоленске прочно утвердилась традиция литературных декадников. На этих заседаниях делались доклады, читались, а затем обсуждались художественные произведения отдельных авторов²⁷.

В таких условиях начинал свой творческий путь Македонов.

²³ Весной 1930 года за политические ошибки Л.Л. Авербах был снят с работы в РАПП и направлен в Смоленск, где работал до июля 1930 года заведующим отделом культуры и пропаганды облпрофсовета, редактором «Рабочего пути» (с 4 марта по 28 июля); был членом бюро обкома ВКП(б). 16 июля 1930 года секретариат РАПП обратился с просьбой в ЦК ВКП(б) «откомандировать в распоряжение РАПП для литературной работы тов. Авербаха Л. <...>». См.: Шешуков С.И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: Художественная литература, 1984. С. 322.

²⁴ Цит.: Чепурных Н. Смоленской писательской организации – 90 лет. URL: <http://moloko.ruspole.info/node/5158>. (дата обращения: 21.03.2015).

²⁵ Открытие Дома искусств состоялось в декабре 1934 года и было приурочено к созыву областного съезда Советов в январе 1935 года. Здание находилось на улице Почтамтской в доме номер 8. Здание было уничтожено в годы Великой Отечественной войны, сегодня на этом месте стоит памятник С.Т. Конёнкову. См.: Наступление. 1934. № 12. С. 135.

²⁶ Баевский В.С. Павлова Л.В. Поэты земли Смоленской: Маленькая антология. Смоленск, 2001. С. 14.

²⁷ Македонов активно участвовал в декадниках. Известно, что только осенью 1933 года он выступал на всех творческих декадниках: В.Ф. Шурыгина (28 сентября), Н.И. Рыленкова (4 октября), Н.К. Павлова (4 ноября).

1.3. Литературное окружение А.В. Македонова. Начало литературной деятельности.

Пока спорным остаётся вопрос о времени литературного дебюта Македонова. Так, например, в библиографическом указателе И. Трофимова «Писатели Смоленщины» (1973) говорится, что Македонов начал публиковаться с 1927 года. Но в биобиблиографическом справочнике «Писатели Ленинграда. 1934 – 1981» сказано: «Начиная с 1928 г. <Македонов> опубликовал более двухсот статей и рецензий по советской, русской и зарубежной литературе и по вопросам эстетики, в том числе циклы статей о Пушкине и Белинском»²⁸. В документах Македонова найти правильный ответ не удаётся. В автобиографии, составленной в 1987 году и переданной на хранение в ГАСО, критик утверждает, что печатается с 1927 года (См. Приложение 2), а в автобиографии, вошедшей в его «уголовное дело»²⁹, и в заявлении в секцию критиков ССП (РГАЛИ) (См. Приложение 3) начало своей литературной деятельности он датирует 1928 годом. Последние две автобиографии были написаны «по горячим следам», что позволяет считать 1928 год наиболее вероятной датой. Составленная нами библиография работ Македонова открывается статьёй, опубликованной в этом году в журнале «На литературном посту» – основном печатном органе РАПП. В течение двух лет там вышло девять его рецензий, посвящённых самым разным авторам (С. Кирсанову, В. Саянову, Ив. Катаеву, Б. Дайреджиеву, С. Утевскому, К. Эдшмиду и др.). Уже они доказывают, что в центре внимания Македонова – современная поэзия, пути её развития.

1928 год оказался для Македонова поворотным во многих отношениях. Именно тогда в его судьбу входят два поэта, два человека, с которыми он будет связан на протяжении всей жизни. Их творчество станет одной из постоянных тем литературных и научных исследований Македонова.

Первым следует назвать Александра Трифоновича Твардовского. 1928 годом датируется запись в рабочих тетрадях поэта: «Македонов, дружба»³⁰. Македонов стал одним из прототипов образа друга юности в автобиографической поэме «По праву памяти», вместе с которым лирический герой мечтал «дорваться вдруг до всех наук...» и послужить Отечеству.

Из письма Македонова к американской исследовательнице Маргарет Томпсон можно узнать об обстоятельствах их знакомства: «С молодым Твардовским я (тогда тоже молодой) познакомился через свою мать Екатерину Львовну Македонову, потомка знаменитой дворянской фамилии, расстрелянной в 1938 г., реабилитированной посмертно. Моя мать (по профессии учительница) была одержима идеей просвещения <...> народа, и молодой Саша Твардовский волею судьбы, сбежав из деревни для продолжения образования,

²⁸ Македонов А.В. // Писатели Ленинграда: Биобиблиограф. справочник. 1934-1981 / Авт.-сост. В. Бахтин, А. Лурье. Л.: Лениздат, 1982. С. 197.

²⁹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 398.

³⁰ Твардовский А.Т. На пути к «Стране Муравии» (рабочие тетради поэта) / Вступит. ст. А.М. Туркова / Публ. М.И. Твардовской / Примеч. Р.М. Романовой // Литературное наследство: Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. Т. 93. М.: Наука, 1983. С. 288-398. С. 321.

стал её учеником. Мать всячески поощряла нашу дружбу, т.к. увидела в неграмотном деревенском парне одарённого самородка. Я был тогда начинающим, подающим надежды литературным критиком и по рекомендации матери практически стал первым учителем Александра Трифоновича»³¹. Несмотря на юный возраст, эрудированного и целеустремленного Македонова Твардовский полушутя называл «своим университетом» или «Сократом». Почему именно так? «<...> это особая тема, – пояснял Македонов, – но отчасти она была связана с характером наших отношений в решающий, как он мне позже писал, период его формирования, т.е. с начала 1928 по 1936 год»³². Твардовский прислушивался к мнению оптимистично настроенного, хорошо образованного Македонова. «Даже в те моменты, – свидетельствует Александр Бек, друг поэта, – когда Твардовскому приходилось в чём-то сомневаться, падать духом, Македонов укреплял в нём веру в наш строй»³³. Спустя годы совсем другие люди назовут Македонова «Сократом воркутян». Лично знавший критика профессор В.С. Баевский считал такое определение более чем удачным: «Невысокий, курносый, некрасивый, диспластичный, с большим лбом и выразительными чертами лица, А.В. (*Адриан Владимирович – Э.К.*) действительно напоминал дошедшие до нас описания внешности и изображения древнегреческого философа. Но ёмкое прозвище вбирает в себя и многое другое: проницательный ум, пристрастие к спорам на отвлечённые темы, философские интересы, сопровождавшие А.В. на протяжении всей жизни, органически присущие его сознанию диалогизм, ориентированность на другого, на собеседника или объект мысли»³⁴.

Литература была далеко не единственной, но постоянной темой дружеских бесед Македонова и Твардовского. На будущее современной поэзии начинающий литературный критик и молодой поэт смотрели одинаково. «В наших разговорах, – вспоминает Македонов, – конечно, обсуждался со всем юношеским запалом “весь” опыт мировой поэзии. И делался главным образом один вывод – учиться надо у классиков, а писать надо стихи совершенно нового типа, как в первый раз на свете. Были и попытки теоретически наметить, обосновать пути поэзии новой действительности, поэзии, основанной на предельно прямом воспроизведении её углублённой конкретности и духовного богатства»³⁵.

Македонов был свидетелем и в какой-то мере участником эстетических поисков молодого Твардовского. «В течение 1928-1936 годов, – вспоминал

³¹ Tompson M.O. Tvardovskii's unpublished letters to Makedonov // Criticism of literary translation. RLJ. XLVIII. 1994. Nos. 159-161. S. 193-212. S. 194.

³² Македонов А.В. Воркута ты, Воркута... // Распяты. Писатели – жертвы политических репрессий. СПб.: Просвещение, 1998. Вып. 4. «От имени живых...». 255 с. С. 138-158. С. 139.

³³ Соколова Н.В. Перебирая бумаги в старых папках (Тридцатые: Бек, Твардовский) // Вопросы литературы. 2003. № 1. С. 291-313. С. 302-303.

³⁴ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 181.

³⁵ Македонов А.В. Будущий Твардовский // Воспоминания об А. Твардовском. М.: Советский писатель, 1978. С. 49-54. С. 52.

критик, – все или почти все стихи его (*Твардовского – Э.К.*) читались и обсуждались со мной ещё до того, как отдавались в печать»³⁶. Македонов видел, как поэт стремится открыть «непередаваемый секрет: говорить о многом, говоря об очень малом»³⁷, и пытался теоретически обосновать то, что делал Твардовский. Критику импонировала наблюдательность поэта, использование в стихах элементов прозы, стремление к конкретности и психологической углублённости. Именно в этом направлении, по мнению Македонова, и должна была развиваться русская поэзия. Поэтому он поддерживал творческие искания Твардовского и в то же время порой удерживал его от крайностей, например, увлечения нарочитой повествовательностью стиха, ультраразговорной интонацией, приводящей к утрате художественности, потере «качества лиризма»³⁸. В конечном счёте Твардовский и сам признал: «такие стихи – <...> не поэзия»³⁹.

Дружеское и творческое общение поэта и критика было взаимообогащающим. Твардовский не скрывал, что «во многом обязан ему (*Македонову – Э.К.*) своим творческим развитием»⁴⁰. В то же время художественные поиски Твардовского помогли Македонову осознать новые веяния русской поэзии, как некогда гений Лермонтова и Гоголя дали возможность Белинскому обосновать эстетику реализма.

Почти одновременно друзья пытались покорить столицу. Македонов раньше вошёл в литературный мир Москвы, он был причастен и к дебютному выступлению Твардовского в литературном кружке Московской ассоциации пролетарских писателей «Удар»: в октябре 1929 года там состоялся первый авторский вечер поэта. Македонов произнёс на нём вступительное слово, в котором со всем юношеским максимализмом представил лучшие стихи Твардовского как начало нового этапа в развитии пролетарской поэзии и противопоставил их Жарову и Уткину. Это вызвало «раздражение присутствующего Уткина, с которым А.Т. (*Александр Твардовский – Э.К.*) и я, – вспоминал Македонов, – возможно, общались на этом вечере не вполне почтительно, с юношеским задором тех лет»⁴¹. В том же году Македонов познакомил Твардовского со своим новым другом – московским критиком Анатолием Тарасенковым, и вскоре в столичной прессе у начинающего поэта из провинции появился надёжный защитник. В январском номере «Печати и революции» за 1930 год вышла статья Тарасенкова «Среди стихов». По мнению исследователей, в ней впервые была сделана попытка определить место Твардовского в молодой советской поэзии. С этим можно согласиться, если вести речь только о печатных

³⁶ Там же... С. 51-52.

³⁷ Твардовский А.Т. На пути к «Стране Муравии» (Рабочие тетради поэта) ... С. 323.

³⁸ Македонов А.В. Поэтический участок областной литературы // Наступление. 1934. № 5-6. С. 105-115. С. 112.

³⁹ Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 тт. Т. I. М.: Художественная литература, 1983. С. 25.

⁴⁰ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 349.

⁴¹ Письмо А.В. Македонова к А.А. Палшкову от 19.11.1975 г. // Архив литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Л. 36.

откликах на творчество поэта и не учитывать публичные выступления критиков. В противном случае пальма первенства должна принадлежать Македонову.

Стремление Македонова разными способами популяризировать произведения талантливого, но ещё малоизвестного поэта, дать ему профессиональный совет, защитить от несправедливой критики было вызвано не столько долгом дружбы, сколько уверенностью в том, что творчество Твардовского развивается в русле магистральной линии современной поэзии. А для Македонова как критика и историка литературы главным было осознать, в каком направлении она движется.

Взаимоотношения Македонова и Твардовского не всегда были безоблачными, слишком разными людьми они были по складу характера. Судьба не раз разводила их, но преодолевая все невзгоды, они вновь шли навстречу друг другу.

*

Ещё одним поэтом, сыгравшем значительную роль в судьбе Македонова, был Михаил Васильевич Исаковский, Михвас, как его уважительно называли между собой смоленские литераторы. Они познакомились также в 1928 году. Этому предшествовало непростое обстоятельство, способное изменить вектор жизни начинающего критика. Только что принятый в САПП, Македонов был заочно из неё исключён. Вина «новобранца» заключалась не больше, не меньше как в «издевательстве» над международным пролетарским гимном: «весьма юный парень, воодушевлённый стремлением бороться за художественное качество, но лишённый элементарного политического опыта и такта, в качестве одного из примеров художественно слабых стихов привёл некоторые строки из текста “Интернационала”, при этом в довольно развязной форме. Присутствующий на этом собрании другой член САПП, один из неистовых ревнителей, пользующийся к тому же доверием как опытный рабкор, член партии, член правления Смоленской АПП, немедленно настроил возмущённое заявление и требование исключения. Требование было удовлетворено, а исключённый даже не счёл нужным возражать»⁴². Македонова не вызвали на заседание правления ассоциации для дачи объяснений. Тогда же об этом крамольном факте было доложено в органы государственной безопасности. Всё закончилось благополучно благодаря Марии Гореловой и мудрости Исаковского. Македонов так вспоминает об этом: «Одна из посетительниц собраний САПП, хотя и не член САПП (это была девушка-библиотекарь Дома Работников Просвещения, кстати сказать, – будущая жена Твардовского) написала Исаковскому письмо, в котором рассказала, как было в действительности дело. Исаковский сразу же собрал общее собрание САПП, на котором начинающий критик (*Македонов говорит о себе в третьем лице – Э.К.*) был восстановлен в организации, и в дальнейшем этот эпизод никогда даже не упоминался во

⁴² Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 189-190. Македонов вспоминает, что инициатором травли тогда был П. Буренков, член правления САПП.

время рапповских и послерапповских пертурбаций. В этом эпизоде <...> проявились черты Исаковского как человека и литературно-общественного руководителя, – внимательное отношение к судьбе совершенно ему неизвестного и от него далёкого начинающего литератора; стремление к объективности; <...> справедливость; терпимость к юношескому задору, даже если он принимал неопределённые для него формы и направление <...>. Помню, как вёл это собрание Михаил Васильевич. Спокойно, деловито, как бы совершенно не вмешиваясь. Никаких видимых предварительных разговоров и опросов. Никаких вводных “установок”. Просто – гласное, справедливое выяснение фактов»⁴³. В течение нескольких лет это происшествие не имело для Македонова никаких последствий, хотя на том собрании присутствовал представитель органов госбезопасности. Оно аукнется ему в 1937-м...

Отношения с Исаковским, по воспоминаниям Македонова, у него всегда были дружескими, хотя личные встречи, разговоры частыми не были. Сначала их объединила совместная работа. В то время, когда Исаковский ещё возглавлял ЗОАПП, Македонов стал организационным секретарём областного отделения ассоциации (18 ноября 1930 – 7 января 1932). Их также связывала совместная работа в областном отделении Госиздата, секретарём которого Македонов работал несколько месяцев сразу после окончания университета, летом 1930 года, и сотрудничество в журнале «Наступление», вокруг которого объединился писательский актив Западной области. В 1930-1932 годах Македонов был ответственным секретарём и членом редколлегии журнала. За пять лет он опубликовал в нём более трёх десятков статей.

С переездом Исаковского в Москву в 1931 году их общение не прекратилось, более того оно стало творческим: поэт и критик продолжали интересоваться работой друг друга. На Македонова огромное впечатление произвела поэма Исаковского «Четыре желания» (1935), которую он читал и обсуждал вместе с Твардовским. Особенно его взволновала концовка произведения, в которой он увидел одно из важных свойств поэзии Исаковского – «умение заново говорить и те слова высказывать, и те чувства, которые казались уже чем-то общеизвестным, даже банальным, но которые обновлялись его искренним, всегда свежим чувством и особым напором-напевом его поэтического голоса. Голоса, в котором соединены задушевность и пафос, лирическая песенная мелодичность и ораторское напряжение»⁴⁴. Твардовский поспешил поделиться с Исаковским своим впечатлением, передав по просьбе Македонова и его мнение: «вещь ему очень-очень понравилась, а конец – в особенности <...>. Из общих <...> замечаний имею следующие, выражая одновременно и мнение Македонова <...>. А в общем – “хорошо написал старик”. Македонов говорит, что вот-де нынче появятся в советской поэзии две настоящие вещи: твоя и моя (поэма “Страна Муравия” – Э.К.)»⁴⁵. Не откладывая в долгий ящик, Македо-

⁴³ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 190-191.

⁴⁴ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 205-206.

⁴⁵ Твардовский А.Т. Собрание сочинений. Т. 6. Письма (1932-1970). М.: Художественная литература, 1983. С. 313-315.

нов написал две статьи о «Четырех желаниях», опубликовав одну в смоленской газете «Рабочий путь», другую в журнале «Литературное обозрение» (См. Приложение 1).

Встречи Македонова и Исаковского были крайне редкими, но тёплое отношение, уважение к таланту друг друга сохранились у них на всю жизнь. Македонов высоко ценил «красоту простоты» поэзии, с признательностью вспоминал о той зримой и незримой поддержке, которую ему оказывал старший товарищ. Исаковский не раз подставлял ему своё плечо. Именно он в конце 1950-х годов мягко, но настойчиво подталкивал Македонова к возвращению в мир литературной критики и дал ему возможность вновь почувствовать себя востребованным в этой профессии.

*

Довольно быстро Македонов стал одним из ведущих смоленских критиков, играл заметную роль в литературной жизни Западной области. Сразу после окончания вуза он занял должность секретаря областного отделения Госиздата (1930). В 21 год Македонов уже был членом правления ЗОАПП (18 ноября 1930 – 7 января 1932), в 22 года – членом правления РАПП, автором более сорока работ, почти половина из которых вышла в столичных журналах «Литературный критик», «Литературная учёба», «Литературное обозрение», «Красная новь», «Знамя» и др. (См. Приложение 1).

Авторитет Македонова как исследователя современной поэзии, оценивающего художественные произведения с точки зрения содержательности формы, человека, открытого к конструктивному диалогу, умеющего аргументированно отстаивать свои позиции, был достаточно высок. Влияние Македонова на своё творчество признавали не только Твардовский, но и Николай Рыленков, Борис Бурштун (Иринин).

Владимир Муравьёв – поэт, литературный критик, вместе с которым Македонов будет учиться в аспирантуре, назовёт его одним из своих литературных «учителей»⁴⁶. Из письма Муравьева, адресованного сестре Наталье, можно узнать о творческой атмосфере их встреч: «Заходил ко мне Тиля⁴⁷. Болтаем. Рождаются мысли. Интересно развивал мысль Маркса о том, что искусство враждебно капитализму. Как-нибудь (если интересно) изложу подробно все детали идей, доказательств и примеров по этому поводу. Тиля вдохновился и решил писать работу под названием “От Фауста – к Климу Самгину” – путь буржуазного сознания. Он наверно будет в Смоленске дня через 3-4. Человек много работает. Это самое лучшее, что может быть»⁴⁸.

Отдельного разговора заслуживает история взаимоотношений Македонова с Николаем Рыленковым, творчеству которого критик посвятил несколько статей, но не в 1930-е, а в 1950-1960-е годы.

⁴⁶ Муравьёв В.И. Пасынок судьбы. Стихотворения. Москва: Скрин, 1996. С. 9.

⁴⁷ Близко знавшие А.В. Македонова с детства называли его Тилем – от Тильтиля, героя пьесы М. Метерлинка «Синяя птица».

⁴⁸ Муравьёв В.И. Пасынок судьбы... С. 139.

Их знакомство произошло в 1930 году. Вместе с Твардовским летом этого года Македонов гостил у Рыленкова в деревне⁴⁹. Твардовский в это время работал над второй частью поэмы «Путь к социализму». Её обсуждение, беседа о возможностях современной поэзии показали, насколько по-разному поэты смотрят на возможности поэтической речи. «Насколько я помню об этой поездке, – писал много лет спустя Македонов, – она имела менее дружественный характер, чем представляется в воспоминаниях самого Н. Рыленкова. Рыленкову была чужда тогдашняя попытка перейти к новым интонациям стиха через его прозаизацию, и А. Твардовский скоро уехал из деревни. Я в ней задержался дольше и был поражен исключительной начитанностью и любовью к стихам Николая Рыленкова, который тогда работал председателем сельсовета и принимал активное участие в коллективизации, хотя, насколько помню, не было и разговора о ликвидации каких-то местных кулаков “как класса”»⁵⁰. Через несколько лет литературные споры развели в разные стороны Македонова и Рыленкова. Прежде всего это было связано с их оценкой произведений Твардовского. «Я пытался критиковать отдельные ошибочные стихи А. Твардовского, – признавался Рыленков, – Македонов их защищал. Я резко оценивал первый вариант поэмы “Страна Муравия”, в которой неверно была представлена коллективизация, Македонов защищал и тот вариант»⁵¹. Рыленков имел отношение к трагическим поворотам в жизни Македонова, о чём разговор впереди. Но спустя годы всё вернулось на круги своя. И Рыленков стал одним из тех поэтов, к творчеству которых Македонов не раз обращался.

1.4. РАПП в судьбе А.В. Македонова (1928-1932).

Вступив в РАПП, Македонов должен был в первую очередь анализировать творчество пролетарских писателей, а также крестьянских, которым необходимо было помочь овладеть «пролетарским» мировоззрением. Его внимание в большей мере сосредотачивалось на анализе формы произведений, поскольку об их идеологической выдержанности, как правило, авторы сами могли позаботиться. Время примитивных агиток, настаивал Македонов, прошло, необходимо думать о художественном мастерстве. Писатели-«попутчики» тоже порой оказывались в орбите исследований Македонова. Но любимому Мандельштаму или Пастернаку, творчество которых он «всячески популяризировал», ни одной статьи не посвятил, хотя в частных беседах и на литературных встречах говорил о них часто.

РАПП была чрезвычайно авторитарной организацией, претендовавшей на роль «ячейки ЦК в литературе», её руководство требовало неукоснительного следования принципам разработанной им художественной платформы,

⁴⁹ Н.И. Рыленков вспоминает: «Я по целым дням пропадал в плотничьих и полеводческих бригадах, а вечером уводил друзей за околицу деревни, и мы допоздна бродили по окрестным полям и лугам <...>. Твардовский читал новые главы поэмы “Путь к социализму”, <...> мы много спорили – по-юношески горячо, задиристо, но без обид». См.: Рыленков Н.И. Страницы жизни // Рыленков Н.И. Избранная лирика. 1926-1964. М.: Московский рабочий, 1965. С. 3-14. С. 8.

⁵⁰ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 25.

⁵¹ Там же... С. 324-325.

некоторые установки которой («срывание всех и всяческих масок», «союзник или враг», «одемянивание» поэзии, «призыв ударников в литературу», политическое недоверие к «попутчикам» и т.д.) носили откровенно вульгарно-социологический характер.

Обстоятельства требовали от Македонова как начинающего критика участия в литературных баталиях РАПП.

В 1926 году внутри ассоциации произошел раскол. Её руководство в лице Л.Л. Авербаха, Ю.Н. Либединского, В.В. Ермилова, А.П. Селивановского, А.А. Фадеева и других объединилось вокруг журнала «На литературном посту». «Налитпостовство» начало борьбу с «напостовцами» – творческой группой журнала «На посту» (Б. Волиным, Г. Лелевичем, С. Родовым, И. Вардиным). Дискуссия касалась проблем «творческого метода» пролетарской литературы и в первую очередь отношения к культурному наследию. Осудив нигилистический подход «напостовцев» к литературным традициям, «налитпостовцы» выдвинули лозунг «учёбы у классиков». Кроме того, стремясь преодолеть примитивизм раннего пролетарского искусства, они начали призывать к изображению «живого человека», его психологии, односторонне понимая под этим борьбу человеческого сознания и подсознания.

В мае 1927 года на шестой губернской конференции МАПП Авербах выступил с докладом, в котором сформулировал основы «метода диалектического материализма» в литературе. Он по сути отождествил философские и художественные способы познания действительности. Реалистическое направление в искусстве признавалось им единственно плодотворным, романтические и тем более модернистские тенденции объявлялись схематичными или даже враждебными.

Македонов, начавший свой творческий путь в журнале «На литературном посту», изначально разделял позиции «налитпостовцев», отстаивал в своих статьях, публичных выступлениях их художественные принципы.

На первой конференции писателей Западной области, состоявшейся в Смоленске в марте 1930 года, Македонов, будучи ещё студентом университета, высказал своё отношение к программе «налитпостовства». Он выступил в прениях по докладу Авербаха и поднял вопрос о художественных особенностях современной поэзии. «Творческим методом пролетпоэзии, – заявил он, – должен быть метод реалистического психологизма»⁵².

В отличие от «неистовых ревнителей», Македонов не стремился навязать писателям какие-либо идейно-эстетические требования, а старался объяснить, насколько это было возможно, их целесообразность. По заданию рапповского руководства ему приходилось разъяснять особенности «диалектико-материалистического метода» и поэтам, профессионально занимающимся этим ремеслом, и ударникам, «призванным» РАПП в литературу. Пропагандируя «художественную платформу» «налитпостовства», Македонов выезжал в

⁵² Муравьёв В. Первая областная конференция // Большевицкий молодец. 1930. 9 марта (№ 57). С. 4.

творческие командировки⁵³, участвовал в работе литературной консультации САПП, созданной при редакции газеты «Рабочий путь».

Внутренние распри РАПП усилились после того, как в 1929 году на втором пленуме ассоциации было принято решение о создании «различных соревнующихся творческих школ и группировок, стремящихся работать в искусстве методом диалектического реализма»⁵⁴. В результате многие литературные группы выдвинули свои идейно-эстетические программы, порой не устраивающие руководство РАПП. В 1930 году развернулась борьба с группой «Литфронт», критиковавшей литературную политику «налитпостовства». Македонов в ряде статей не замедлил ответить на выпады оппонентов. Через год внутри РАПП возник конфликт между старой «налитпостовской» школой и новым пополнением руководящего ядра ассоциации (Ф.И. Панферовым, В.П. Ильенковым, В.П. Ставским). Группа Панферова, сформировавшаяся при журнале «Октябрь», провозгласила его роман «Бруски» эталонным произведением диалектического материализма. Авербах и его соратники настаивали на том, что основными для всех пролетарских писателей должны оставаться художественные принципы, предложенные ими. В этой дискуссии «Комсомольская правда» поддержала панфёровцев. И Македонов в очередной раз вступил в «боевые действия»: он опубликовал статью, критикующую Ставского и Панфёрова⁵⁵, от имени САПП обратился к другим писательским организациям с призывами стать на сторону руководства РАПП. Кроме того, он предложил писателям-комсомольцам выступить в печати с открытым письмом, в котором осуждалась бы творческая позиция «Комсомольской правды».

С позиций «налитпостовства» Македонов полемизировал и с внешними противниками, например, с «перевальцами» (А. Воронским, А. Лежневым, Д. Горбовым и др.), настаивающими на огромной роли интуиции в искусстве. Не отрицая её значения, Македонов был убежден, что в художественном творчестве приоритет всегда должен оставаться за мировоззренческим принципом. Он спорил и с последователями профессора В.Ф. Переверзева, чья теория официально была признана вульгарно-социологической. Переверзев рассматривал творчество писателей через призму их классовой принадлежности и экономических отношений в обществе. Не отрицая возможность классового подхода к анализу литературного явления, Македонов выступал против его абсолютизации.

Газета «Правда», рассматривая полемику рапповцев с их внутренними и внешними оппонентами, всё чаще стала говорить о необходимости перестройки РАПП, «повороте её к идейно-творческим задачам (развёртыванию творческих дискуссий; теоретической работе, большевистской критике, поиску путей преодоления отставания литературы)»⁵⁶. «Правда» раскритиковала

⁵³ К примеру, осенью 1930 года вместе с писательницей А.А. Караваевой Македонов побывал в Новосибирске, где выступил с докладом и провёл творческие семинары для местных литераторов. Зимой 1931 года с подобным заданием он ездил на встречи к писателям Свердловска, Орджоникидзеграда (Бежицы) Брянской области и других городов.

⁵⁴ Шешуков С.И. Неистовые ревнители... С. 304.

⁵⁵ Македонов А.В. Разбег // Наступление. 1932. № 4. С. 75-87. То же: Литературная газета. 1932. № 15.

⁵⁶ Там же... С. 303.

и ряд лозунгов «налитпостовства»: «одемянивание поэзии», «догнать и перегнать классиков буржуазной литературы» и пр. Так ЦК ВКП (б) делал первые шаги к упразднению РАПП, возомнившей себя «наместником» партии в литературе.

Руководство ассоциации вынуждено было отреагировать и поспешило выступить с разоблачением собственных творческих установок. По всем регионам прокатилась волна «покаяния» рапповцев.

На областном производственном совещании критиков в Смоленске, состоявшемся 10 марта 1932 года, разговор шёл об ошибочности прежних лозунгов РАПП («одемянивании» литературы и пр.) и теории «непосредственных впечатлений», о необходимости творческих дискуссий, которым мешают «чуждые влияния», об остатках групповщины, «цеплянии за старые методы работы» и пр. В докладе «Творческое соревнование и задачи критики» Македонов призвал ориентироваться на новые задачи, поставленные партией перед литературой. В информационной заметке об этом совещании сделан акцент на самокритичности его выступления: «Творческую дискуссию надо развернуть в плане борьбы за осуществление поставленных партией задач (показ героев, история заводов, история гражданской войны, для пролетписателей Запад-ной> области художественная разработка и популяризация хозяйственных проблем области), за осуществление лозунга создания Магнитостроев литературы. Тов. Македонов, останавливаясь на отдельных ошибочных лозунгах, подвергает критике и свои собственные ошибки, допущенные им в курсе “Творческий метод пролетарской литературы” (лозунг “Догнать и перегнать классиков”, утверждение революционности русской буржуазии и др.)»⁵⁷. Курс лекций Македонова осуждался и в статье «За ленинскую партийность критики», написанной М. Завьяловым, Б. Лепским, А. Локтевым, Н. Рыленковым и В. Смолиным по итогам совещания. Говоря о «низком теоретическом уровне ряда товарищей из творческого актива ЗОАПП», авторы статьи высказали серьёзные обвинения в адрес Македонова: прежде всего за отстаивание лозунга «догнать и перегнать классиков», который, по их мнению, вёл к «некритическому усвоению буржуазного культурного наследия»; а также за признание русской буржуазии революционным классом, что «объективно перекликается с меньшевистским пониманием русского исторического процесса»⁵⁸.

Гонения на Македонова ещё более усилились после постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», которое предусматривало роспуск всех литературных организаций и создание единого Союза советских писателей. Таким образом партийное руководство страны, обеспокоенное претензиями РАПП на лидерство в литературном процессе (к началу 1930-х годов ассоциация насчитывала свыше четырёх тысяч членов, была самым массовым, к тому же воинственным литературным движением), брало бразды правления литературой в свои руки.

⁵⁷ Областное производственное совещание критиков // Наступление. 1932. № 4. С. 95-101. С. 96-97.

⁵⁸ Завьялов М., Лепский Б., Локтев А., Рыленков Н., Смолин В. За ленинскую партийность критики // Наступление. 1932. № 2-3. С. 82-87.

Натерпевшись от «рапповской дубинки», большинство писателей и, прежде всего, «попутчики» встретили постановление с надеждой на избавление от идеологического гнёта. Мало кто мог представить себе тогда трагические последствия происходящих перемен: «Возник большой литературный колхоз. Всем писателям было предписано придерживаться единого, социалистического мировоззрения. Для всех обязательным был объявлен “метод социалистического реализма” <...>»⁵⁹.

28 мая 1932 года в Смоленске состоялось собрание актива писателей Западной области по обсуждению апрельского постановления ЦК партии. С докладом о критике прежних лозунгов РАПП выступил прозаик и драматург М.С. Завьялов – человек относительно новый среди смоленских литераторов, в будущем возглавивший смоленскую писательскую организацию.

Македонов в это переломное время вполне мог избежать очередных публичных покаяний и признаний ошибок рапповского периода, поскольку проходил службу в рядах Красной армии (весна 1932 – начало 1933)⁶⁰. Получив звание лейтенанта, он командовал взводом в составе Первого смоленского артиллерийского полка.

Однако полностью отстраниться от сложившейся общественно-литературной ситуации Македонов не мог: он продолжал публиковаться в смоленских и центральных изданиях. В одной из статей признал несостоятельность собственных представлений о «творческом методе» пролетарской литературы – именно тех, которые были осуждены партией⁶¹.

В конце жизни, вспоминая о рапповском периоде в истории советской литературы, Македонов не стал отрекаться от того, во что в молодости искренне верил. И некоторые лозунги РАПП («показ живого человека», «разоблачение действительности», «психологический реализм», «учёба у классиков», «борьба за высокое художественное мастерство» и пр.), несмотря на упрощённость, неточность формулировок, он оценил как «необходимые элементарные требования к художественной литературе, действительные потребности литературного развития, поиска типа реализма, соответствующего новой действительности»⁶².

1.5. Распри внутри ЗОАПП. Исключение Твардовского из ассоциации.

В смоленской писательской организации изначально сложилась атмосфера, неблагоприятная для творчества. «Многообразие и лёгкость опубликования, – вспоминал Македонов, – приводили и к выдвиганию на литературное

⁵⁹ Баевский В.С. История русской литературы XX века. Компендиум. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 163.

⁶⁰ Точные даты воинской службы Македонова установить не удалось. В его автобиографии сказано, что он был призван в ряды РККА в феврале 1932 года (См.: Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 398). Однако 10 марта 1932 года Македонов выступал с докладом на областном производственном совещании критиков, в апрельском номере журнала «Наступление» его фамилия значится среди редакторов.

⁶¹ Македонов А.В. Письмо в редакцию // Наступление. 1932. № 5. С. 94.

⁶² Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 113.

поприще людей бездарных или малоодарённых, но претендовавших на постоянное место в литературе, а также часто пролезавших в руководящие органы печати и руководство ЗОАП. Именно эти люди были главными источниками групповщины, завистничества, конъюнктурщины, вульгаризаторства, скверного политиканства»⁶³.

Можно назвать имена некоторых из них: Василий Горбатенков, Исаак Кац, Владимир Смолин... По свидетельству современников, каждый из них стремился к руководящей роли в общественно-литературной жизни Западной области, ради чего старался оттеснить в тень талантливых писателей. «Не будучи в силах добиться этого своим творчеством, работой, – пишет Владимир Муравьёв, – они пускали в ход интриги, подсиживание, клевету, пытались “устранить с дороги” мешавших им действительно творчески работающих людей: А. Твардовского, А. Македонова, Е. Марьенкова, к этим людям был близок по личным отношениям и по работе и я»⁶⁴.

Главной мишенью травли оказался Твардовский – самый талантливый, но ещё не признанный поэт. «Когда Твардовский начал печататься в Москве, – вспоминал Македонов, – это вызвало ещё большую зависть у тех, кто не смог проникнуть за пределы смоленской печати. Многих из них также раздражала прямота, с какой Твардовский оценивал любую литературную работу, независимо от анкетных данных и служебного положения авторов, раздражало и то, что сам он уже сознавал своё призвание, свою правоту, и в этом я его поддерживал. Это вызывало дополнительную злобу и по моему адресу <...>. Вот почему клеветническая кампания Горбатенкова была поддержана многими, и даже те, кто не хотел прямо её поддержать, не решались выступить в защиту Твардовского. Именно поэтому и получилось, что одно время подавляющее большинство местных литераторов было недовольно Твардовским и косвенно поддерживало, во всяком случае, не защищало его от Горбатенкова и ему подобных. И вот одно время только два человека в Смоленске его активно защищали (*Это были М. Горелова, будущая жена Твардовского, и А.В. Македонов. – М.С.*)»⁶⁵.

Сегодня в работах некоторых твардовсковедов можно прочесть о том, что травлю Твардовского возглавил Николай Рыленков – «серый кардинал», использующий в своих целях не очень сообразительного Василия Горбатенкова. Эта версия нам представляется неубедительной. Во-первых, она не подтверждается документально. Ни один из современников, лично знавших Рыленкова и Горбатенкова, ни один из свидетелей литературных баталий 1930-х годов подобного не утверждают. Во-вторых, Горбатенков и до истории с Твардовским достаточно преуспел в своих карьерных стремлениях: одно время он был организационным секретарём САПП, входил в редколлегия комсомоль-

⁶³ Стеклов М.Е. Только правда ко двору [Беседа с А.В. Македоновым]... // Рабочий путь. 1988. 7 октября. С. 3.

⁶⁴ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 357.

⁶⁵ Стеклов М.Е. Только правда ко двору...

ской газеты «Большеви́стская молодёжь» (именовавшейся ещё «Большеви́стским молодняком»), наконец, закончив аспирантуру, он стал преподавателем кафедры литературы Смоленского пединститута. Придёт время и Горбатенков станет во главе смоленской писательской организации.

Поддержать Твардовского в сложившейся обстановке решались немногие. В Москве его постоянным заступником стал Анатолий Тарасенков, близкий друг поэта. В Смоленске главным оппонентом Горбатенкова в защите «идеологически чуждого» и «художественно слабого» Твардовского был Македонов. «Это было просто моим долгом, как критика и человека», – напишет он позже⁶⁶.

Роль Македонова в судьбе поэта в начале 1930-х годов пытаются оспорить некоторые из биографов Твардовского. Они не только ставят под сомнение стремление Македонова поддержать молодой талант, но спешат записать критика в стан гонителей поэта. Особенно скандальным представляют участие Македонова в истории исключения Твардовского из смоленского отделения РАПП в 1931 году. На этом настаивает, в частности, П.И. Привалов, утверждающий, что Македонов гордился званием «дубинки» Леопольда Авербаха⁶⁷.

Сохранившиеся документы, авторитетные свидетельства позволяют сегодня реконструировать ход событий тех лет, а значит приблизиться к истине.

В апреле 1930 года в московском журнале «Рост» под названием «Пчёлы» было перепечатано стихотворение Твардовского из цикла «Лето в коммуне» (Огонёк. 1929. 13 октября). Оно сопровождалось статьёй А. Селивановского «Барчук или пролетарский поэт?». Авторитетный критик, один из руководителей РАППа, обвинял поэта в «верхоглядстве, барстве, эстетстве», приверженности традициям «усадебной поэзии». Статья дала повод смоленским литераторам, в первую очередь тем, кто завидовал успеху Твардовского, начать против него кампанию травли. Независимое, порой чересчур свободное, поведение поэта, вероятно, тоже подлило масло в огонь. 30 мая на собрании САПП Твардовскому вынесли выговор с предупреждением. Поэт не возражал, признав справедливость такого решения⁶⁸.

Однако нашлись те, кто остался недоволен столь мягким «приговором». По их инициативе на следующий день в комсомольской газете «Большеви́стский молодняк» вышла статья смоленского критика Ф.Х. Власова «Богемствующие “пролетпоэты”»: Об успехах и непреодолимых препятствиях в работе СмолАПП» (№ 122). О Власове Македонов вспоминал как об «одной из типичных карьеристских фигур того времени», «демагоге, одно время заявлявшем о своей личной привязанности и почтении ко мне и в то же время напечатавшем в “Комсомольской правде” статейку, где причисляет меня к “эстетствующим критикам”»⁶⁹.

⁶⁶ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 190.

⁶⁷ Македонов А.В. «Здесь я получил вторую специальность»... С. 301, 302.

⁶⁸ Романова Р.М. Александр Твардовский: Труды и дни. М.: Водолей Publishers, 2006. 768 с. С. 65.

⁶⁹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 25.

В статье Власова, о которой сейчас идёт речь, в «эстетстве», «буржуазном загнивании», недостойном поведении в быту обвинялись Твардовский и Владимир Муравьёв. Это стало поводом для внеочередной встречи смоленских писателей 1 июня. Протокол их закрытого собрания, сохранившийся в архиве ИМЛИ, подписан председателем САПП Михаилом Исаковским и секретарём Василием Горбатенковым. Благодаря этому документу сегодня можно узнать подробности одного из драматичных событий в творческой судьбе Твардовского.

Неожиданно для поэта на этом собрании Борис Лепский, один из руководителей ЗОАПП, предложил исключить его из ассоциации. Первым, кто высказался против такого намерения, был Македонов. «Возражаю по поводу исключения из АПП т. Твардовского, – заявил он. – О нём на прошлом собрании, где стоял вопрос об исключении не только его, но и Муравьёва, вопрос решён – ему вынесли выговор с предупреждением без опубликования в печати. <...> т. Твардовский пошёл по линии переделки самого себя... Он ещё не проявил себя в общественной работе ассоциации, но учитывая его хорошую работу по коллективизации, где он выдержал политический экзамен показом примерной работы, учитывая его творческую работу, идущую по линии развития пролет-литературы, вопрос об исключении должен быть снят. Бессмысленно и вредно по-головотяпски решать вопрос об исключении т. Твардовского из АПП. Этот вопрос нужно пересмотреть...»⁷⁰. Македонова поддержали С. Курдов, И. Зиборов, Е. Марьенков, В. Смолин. Борьба разгорелась нешуточная. Твардовский был уверен, что собрание созывалось специально для того, чтобы осудить Власова, а его самого реабилитировать в печати (конечно, «с указанием действительных проступков и мерой взыскания»⁷¹). Поэтому в своей речи он много говорил о статье Власова, ставшей «свидетельством наших нетоварищеских отношений». Поэт был не против продуктивной критики, которая помогает писателю развиваться. «Мне желательно знать, – заявил он, – оценку моего творчества, ибо, если я имею некую свою линию, я работаю, – это должно в какой-то мере иметь оценку. Я этого требую. <...> Статья т. Власова не честная. В ней чувствуется тон человека, обрадовавшегося случаю “кого-то” “покритиковать”. Установки на дальнейшую работу в ней нет»⁷².

Главное обвинение, которое теперь было предъявлено Твардовскому, – отказ от общественной работы, отсутствие связи с массами. Он оправдывался тем, что его поездка на железнодорожный узел в литературные кружки показала, что никакой работы в них не ведётся. Поэтому он и посчитал, что его присутствие там будет бесполезным. Ситуация была спровоцирована рапповским лозунгом о призыве ударников в литературу, в результате чего на фабриках, заводах, любом производстве создавались литературные кружки, порой фиктивные. Твардовский был готов помогать начинающим поэтам, но трудиться впустую, ради формального отчёта, он не хотел.

⁷⁰ Романова Р.М. Александр Твардовский: Труды и дни... С. 63.

⁷¹ Там же... С. 65.

⁷² Там же... С. 63-64.

Итогом заседания стало временное исключение Твардовского из ассоциации. Резолюция САПП была опубликована в «Большевицком молодняке». В ней говорилось: «Исключая из своих рядов Вл. Муравьёва, который в своём творчестве не отражал линию РАПП, который, несмотря на ряд обещаний, данных им ассоциации, пьянствовал, подрывал авторитет ассоциации; исключая сроком на 6 месяцев Ал. Твардовского, который проявил нетактичность и невыдержанность, отказываясь от некоторых форм массовой литературной работы (в Ярцево, на ж.-д. узле) <...> ассоциация считает нужным усилить работу по общественно-политическому воспитанию членов организации, вести и дальше решительную борьбу со всеми буржуазными, богемными явлениями...»⁷³. По воспоминаниям Македонова, такое компромиссное решение, позволяющее Твардовскому продолжить публиковаться, было принято благодаря Исаковскому.

Сразу после собрания Твардовский обратился с заявлением в секретариат РАПП о восстановлении его в ассоциации. Свою просьбу он аргументировал тем, что «два случая выпивки, не носивших никаких последствий, ни имевших огласки, – не могут быть поводом к устранению человека от работы в организации, с которой он был связан в течение 3 лет»⁷⁴. Главным виновником своих злоключений он считал Леопольда Авербаха, который в то время работал в Смоленске и был ответственным редактором смоленской газеты «Рабочий путь». По мнению Твардовского, именно Авербах, руководствуясь только «лживой, нетоварищеской» статьёй Власова, дал команду об его исключении, кроме того грозил лишить возможности публиковаться не только в Москве, но и в Смоленске. «И больших трудов стоило ассоциации, – признал Твардовский, – пойти против воли “вождя”, т.е. исключить не совсем, а на 6 месяцев»⁷⁵.

Твардовский стремился защитить свою репутацию, отстаивать право называться пролетарским поэтом. В это время он начал работать над поэмой «Путь к социализму», ставшей первым серьёзным подступом к теме коллективизации; писал стихотворные лозунги, призывая и других смоленских авторов обратиться к этому жанру (Большевицкий молодняк. 1930. 10 сентября); участвовал в общих мероприятиях ЗОАПП (ассоциации Западной области) – от литературной эстафеты до сбора денег на дирижабль. Нередко его представляли как члена САПП, хотя формально он им уже не был⁷⁶.

Твардовскому было необходимо продолжать печататься, поэтому его огорчило решение Авербаха снять из «Первого альманаха ЗОАПП» три его стихотворения, очерк о Сежском колхозе-комбинате, а также статью Македо-

⁷³ Проверить ряды ассоциации: Сигналы «Большевицкого молодняка» оказались действенными // Большевицкий молодняк. 1930. 30 июля (№ 175). С. 2.

⁷⁴ Романова Р.М. Александр Твардовский: Труды и дни... С. 64.

⁷⁵ Там же... С. 65.

⁷⁶ Например, 15 сентября – 18 октября 1930 года Твардовский в статусе представителя САПП был включён в состав литбригады ЗОАПП, которая участвовала в творческой эстафете, приуроченной к пленуму ЗОАПП. См.: Хроника // Большевицкий молодняк. 1930. № 208 (7 сентября). На этом пленуме Твардовскому было отказано в приёме в РАПП.

нова о творчестве поэта. Македонов старался повлиять на сложившуюся ситуацию, как никто другой понимая переживания товарища, поскольку и сам когда-то был исключён из ассоциации. В это время он работал секретарём ЗапГиза, был в хороших отношениях с Авербахом⁷⁷, ответственным редактором «Первого альманаха», убедил его в необходимости опубликовать стихотворения Твардовского «Зелёный город», «Одна зима», «Тракторный выезд» (отрывок из поэмы «Путь к социализму») и две эпиграммы, написанные в соавторстве с Ив. Зиборовым, Д. Осиным и С. Фиксиным. А вот отстаивать свою статью о нём, которая, по определению Рыленкова, носила «апологетический характер», ему не удалось⁷⁸.

Альманах вышел в августе 1930 года. А в начале сентября Твардовский подал заявление руководству САПП о восстановлении в организации. О нём известно из письма Николая Веницкого, заведующего редакторской частью облгосиздата, к Авербаху. Веницкий предложил поддержать просьбу Твардовского, аргументируя свою позицию тем, что «парень “ведёт себя” хорошо», а «у нас чертовски мало сил» и нужны они «до зарезу»⁷⁹. Несмотря на такую поддержку, у Твардовского не было уверенности в положительном исходе дела: «Меня начинают принимать в САПП. Послали письмо Авербаху: как он, так и будет»⁸⁰. Реакция Авербаха оказалась уклончивой: Твардовский должен выдержать испытательный срок, и только после этого можно будет ставить вопрос о восстановлении его в правах члена РАПП.

20 октября 1930 года во время работы пленума ЗОАПП, который проходил в Смоленске, Твардовскому в очередной раз было отказано в приёме в писательскую организацию. Судьбу поэта решил Авербах, выступавший с докладом на пленуме. Именно он «посчитал нужным воздержаться от принятия А.Т. (Твардовский – Э.К.) в САПП»⁸¹.

О тревогах, которые испытывал Твардовский в те дни, можно узнать из его писем к Анатолию Тарасенкову. 23 октября 1930 года поэт пишет: «По прошествии 6 месяцев (они прошли) меня, оказывается, не думают принимать, несмотря ни на мое поведение за эти 6 м-цев, ни на работу, ни на творчество. Наглым образом Буренков и др. не считаются с текстом постановления о моем исключении. Меня уверяют, что я исключён навсегда, но с правом вступления. Авербах предложил комедию: послать меня на 3 м-ца на низовую работу, потом на 3 м-ца на такую же работу в другую область и другую А.П.П. Потом в той же АПП я должен буду подавать заявление. Выходит, что я страшный преступник, но они помогают мне попасть в лоно. И вообще они забыли из-за чего

⁷⁷ Македонов вспоминал: «Авербах в Смоленске – это особая тема, очень интересная; это был человек, при всем его вульгаризаторстве и властолюбии, очень яркий и энергичный <...>. Молодой А.Т. (А.Т. Твардовский – Э.К.) ему не понравился; он не соглашался с моей оценкой его творчества, однако, всё же печатал – и в “Рабочем пути”, и в “Первом альманахе”». См.: Твардовский А.Т. На пути к «Стране Муравии» (рабочие тетради поэта)... С. 362.

⁷⁸ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 275.

⁷⁹ Романова Р.М. Александр Твардовский: Труды и дни... С. 67.

⁸⁰ Несгоревшие письма (А.Т. Твардовский и М.И. Твардовская пишут А.К. Тарасенкову в 1930-1935 гг.). Смоленск: Маджента, 2006. 72 с. С. 8.

⁸¹ Там же... С. 53.

я исключён и все забыли. Осин⁸² (симпатизирующий мне не ахти) всё же отстаивает меня от явно наглых выпадов. Пленум закончился дракой (на фракции) на тему обо мне. И вообще в АПП творятся вещи странные. В конце пленума двое – Курдов и Зиборов⁸³ подали заявление об уходе из Ассоциации. Подлости Буренкова совершенно очевидны для Осина и других»⁸⁴.

Других документов, подтверждающих или опровергающих восстановление Твардовского в РАПП, нам разыскать не удалось, поскольку материалы смоленской писательской организации 1930-х годов сохранились плохо. Очевидно одно: не только Авербах оказался камнем преткновения на пути Твардовского. У талантливого, самобытного и независимого поэта и среди смоленских писателей нашлось достаточно недоброжелателей, мешавших его возвращению в РАПП. В комментариях к письмам отца О.А. Твардовская утверждает, что с осени 1930 года возобновилось преследование поэта «ортодоксами САПП», среди которых она указывает на Василия Горбатенкова и Владимира Смолина⁸⁵. Организованная кампания травли поэта только набирала обороты, её пик придётся на годы учёбы Твардовского в Смоленском педагогическом институте (1932-1934).

Очередным ударом по репутации Твардовского стала рецензия на «Первый альманах ЗОАПП», опубликованная в смоленском журнале «На культурном посту» в ноябре 1930 года. Произведениям Твардовского в ней была дана двойственная оценка: отмечены «идеологические ошибки» «Зелёного города» и «значительный идейный рост» «Тракторного выезда». Статья была подписана инициалами «А.М.», что дало основание некоторым исследователям приписать её Македонову⁸⁶. Критик категорически отверг подобное предположение, поскольку сам помогал публикации этих произведений в альманахе, да и с журналом «На культурном посту» дела никогда не имел. Р.М. Романова, первая допустившая авторство Македонова, позже изменила своё мнение: «А.В. Македонов этой статьи не писал, и сталинский ад “подарили” ему из-за защиты Твардовского»⁸⁷.

Недоброжелателей Твардовского озлобило назначение опального поэта осенью 1930 года на должность ответственного секретаря только что организованного журнала «Западная область» – органа Западного облисполкома. Теперь не только произведения, но и его редакционная деятельность стали предметом критики. Третий номер «Западной области» в декабре 1930 года был изъят сразу после выхода в свет. Неожиданно выяснилось, что он содержал

⁸² Осин (Дорошенко) Д.Д. (1906-1983) – поэт, прозаик, журналист, литературный критик, автор первой статьи об Твардовском как о комсомольском поэте в духе А. Жарова (Юный товарищ. 1927. № 30. 27 апреля).

⁸³ Курдов С. (Ходкевич С.Т.) – поэт, соавтор некоторых агитационных стихотворений Твардовского, сотрудник редакции «Рабочий путь». Зиборов И. (Серебряный) – поэт, близкий друг Твардовского.

⁸⁴ Несгоревшие письма... С. 20-21.

⁸⁵ Там же... С. 57.

⁸⁶ Материалы к творческой биографии А.Т. Твардовского. Смоленский период. 1925-1936 / Сост. Р.М. Романова // Литературное наследие: Из истории советской литературы 1920-1930 годов. Новые материалы и исследования. Т. 93. М.: Наука, 1983. С. 399-420. С. 409; Акаткин В.М. Ранний Твардовский: Проблемы становления. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. С. 43; Смирнов В. Раскаты грома на кончике пера [Интервью] // Советская Россия. 1989. 18 октября. С. 4.

⁸⁷ Стеклов М.Е. Нравственность есть правда // Рабочий путь. 1989. 1 декабря. С. 2.

«идеологически невыдержанные» материалы. Прежде всего, речь шла о стихотворении Твардовского «Четыре тонны», где экспроприация картофеля у кулака изображена как «дневной грабёж» налётчиков.

Удалось ли Твардовскому в конце концов преодолеть сопротивление противников и восстановиться в РАПП, чтобы весной 1931 года вновь оказаться исключённым из ассоциации? Исследователи, отстаивающие эту версию событий, как правило, опираются на воспоминания Николая Павлова⁸⁸, который утверждал, что поводом для исключения поэта на сей раз послужила статья В.С.<молина> «О литературном отделе “Западной области”». Написанная в духе официальной риторики тех лет, она вновь привлекла внимание к журналу «Западная область» из-за «крамольных» «Четырёх тонн» Твардовского и рассказа Павлова «Выход», но большого резонанса не получила⁸⁹. Если бы Твардовский оставался членом РАПП, писательская организация обязана была отреагировать на такой сигнал критики. О собрании в марте 1931 года, на котором поэт был, якобы, исключён из ассоциации, Павлов вспоминает в подробностях: «Председательствует, как всегда, Исаковский; он поддерживает статью. Затем выступают Владимир Смолин, Адриан Македонов, Борис Лепский, Николай Веницкий, Сергей Фиксин и другие “корифеи” писательской организации. В защиту Твардовского никто не осмелился произнести ни единого слова. Но особенно зубодробительную речь произносит честолюбивый и вместе с тем бездарный поэт Василий Горбатенков, вытацивший в дополнение ко всему статью А. Селивановского “Барчук или пролетарский поэт?”»; «голосование подействовало на слишком самоуверенного Твардовского, не ожидавшего плохих для себя выводов, ошеломляюще. Он изменился в лице <...> “Товарищи! – проговорил он дрогнувшим голосом, озираясь, будто желая убедиться, не сон ли это. <...> Я же не могу без вас... без организации...” На глазах у Твардовского слезы обиды, отчаяния, обречённости»⁹⁰.

Живая картина, нарисованная очевидцем, умолчавшем о своём участии в решении судьбы «слишком самоуверенного» товарища, документально не подтверждается. Не сохранился не только протокол собрания, но почему-то не было опубликовано и постановление ЗОАПП о повторном исключении Твардовского. Это кажется особенно странным, поскольку иначе обстоит дело с исключением из ассоциации в это же время Дмитрия Осина.

В январе 1931 года в первом номере только что созданного ЗОАПП журнала «Наступление» Осин опубликовал стихотворение «Осинстрой», которое

⁸⁸ Павлов Н. Незабываемое: Из воспоминаний об А.Т. Твардовском // Сельская новь. 1978. № 17 (31 января). С. 4.

⁸⁹ Рецензента особенно возмутили «политически неправильные, вредные идеи» стихотворения Твардовского: работа бригады по заготовке картофеля изображена в нём «оторвано от советской общественности», суть кулака затуманена человеческими качествами, классовые противоречия в деревне «замазаны», следовательно, перед нами «грубая политическая и творческая ошибка» поэта. О рассказе Павлова сказано в гораздо более мягком тоне: «Беда Павлова в том, что он проглядел основное – активность, энтузиазм, организованность бедняцко-средняцких масс деревни». В итоге писатели, вместе оказавшиеся в эпицентре критики, противопоставляются друг другу: «Стихи Твардовского имеют явные классово-чуждые настроения. В отличие от них рассказ пролетарского писателя Павлова находится внутри пролетарской литературы, но имеет тоже крупнейшие политические дефекты, на которые должна обратить внимание Смоленская ассоциация пролетписателей». См.: В.С.<молин>. О литературном отделе «Западной области» // Наступление. 1931. № 2. С. 60-61.

⁹⁰ Павлов Н. Незабываемое: Из воспоминаний об А.Т. Твардовском... С. 4.

тут же было подвергнуто обструкции. Уже в февральском номере «Наступления» ему посвятили целый раздел «За большевистскую бдительность на литературном фронте». В него вошли: постановление бюро запобкома ВКП(б) от 1 марта «О стихотворении Осина в журнале “Наступление”»; постановление секретариата правления ЗОАПП от 18 февраля о принятых редакцией журнала решениях по поводу публикации «Осинстрой»; постановление секретариата ЗОАПП от 25 февраля 1931 года о роспуске редколлегии журнала «Наступление» и исключении Осина из организации; выступление члена правления ЗОАПП И. Степанова «Против контрреволюционной клеветы» и, наконец, обращение рабочих-ударников, призванных в литературу и готовых «дать отпор вылазке врага». Сценарий развязанной кампании был хорошо отработан. Общим решением было ликвидировать «осинщину» и «обязать критическое ядро ассоциации в ближайшее же время подвергнуть внимательному изучению творчество Осина»⁹¹, что и было исполнено. Македонов, к этому времени избранный оргсекретарём ЗОАПП, в мартовском номере «Наступления» опубликовал статью, в которой, повторив предъявленные Осину обвинения, сосредоточился на анализе слабых сторон художественной формы произведения⁹².

Благодаря журналу «Наступление» сегодня можно узнать о больших и малых перипетиях литературной жизни Смоленска и Западной области первой половины 1930-х годов. В нём печатались и признанные писатели, и те, кто только начинал свой путь в литературе, разного рода постановления и резолюции занимали в журнале своё законное место. В постоянном разделе «Хроника» помещались заметки даже о самых незначительных на первый взгляд событиях. Поэтому в том, что история с исключением Осина из РАПП получила такое подробное освещение на страницах альманаха, нет ничего удивительного.

Однако в первых четырёх номерах «Наступления» за 1931 год, вышедших в то время, когда могло состояться второе исключение Твардовского из РАПП (пока Исаковский не покинул Смоленск), о поэте говорится только в рецензии Смолина. Никто из критиков журнала больше не отозвался ни на его произведения, ни на статью Смолина. Ни одно из стихотворений Твардовского здесь напечатано не было. Даже в «Хронике» его имя в эти месяцы ни разу не упоминается, хотя поводы для этого были. Причина такого игнорирования, на наш взгляд, кроется в том, что «Наступление» – орган ЗОАПП, а Твардовский членом ассоциации уже не был.

Воспоминания Павлова заслуживают самого критического рассмотрения. В их объективности можно усомниться по нескольким причинам и, прежде всего, из-за участия Павлова в травле смоленских писателей в конце

⁹¹ Постановление секретариата ЗОАПП от 25 февраля 1931 года о роспуске редколлегии журнала «Наступление» и исключении Осина из организации // Наступление. 1931. № 2. С. 54.

⁹² Македонов А. Осинщина // Наступление. 1931. № 3. С. 64-69.

1930-х годов⁹³. В мемуарах Павлова рассказано о том, о чём прочитать в «Автобиографии» Твардовского нельзя⁹⁴. В рабочих тетрадях поэта о повторном исключении из ассоциации тоже ничего не сказано⁹⁵. В плане «Автобиографии (черновом планчике по годам)» в хронологическом порядке указаны важнейшие, самые памятные события в жизни Твардовского. В рубрике «1928-1932» есть запись «Исключение из АПП» (заметим, что об исключении говорится в единственном числе), за ней следует фраза «Летом у Рыленкова»⁹⁶. В 1930 году поэт гостил у Рыленкова вместе с Македоновым. Следовательно, исключение Твардовского из РАПП не испортило дружеских отношений критика и поэта. К 1931 году, вероятно, относятся следующие события: «Дело с родителями. Женитьба. Лето 1931 г. Жизнь у тёщи. “Дневник председателя колхоза”. “Вступление”»⁹⁷.

Начало 1931 года принесло новое испытание для Твардовского, после которого о восстановлении его, «социально чуждого элемента», в РАПП не могло быть и речи. В январе стало известно о том, что хозяйство его отца, признанное зажиточным, обложено индивидуальным налогом, в марте семья была раскулачена и выслана из родных мест. Поэту пришлось делать сложный выбор между родными и любимым делом, верой в справедливость советской власти. Главной опорой в эту смутную пору для Твардовского была Мария Горелова, его жена. О своём мучительном положении он писал Тарасенкову: «Я добит до ручки. <...> Почему я один должен верить, что я, несмотря ни на какие штуки, буду, должен быть пролетарским поэтом? <...> замуторили меня здесь в Смоленске, что я и выразить не могу» (31 января 1931 года)⁹⁸.

С Македоновым его отношения в это время действительно испортились. «В 1931 г., – вспоминал Македонов, – я был в такой ссоре с Твардовским (впоследствии моим другом), что даже не кланялся с ним, не говоря уж о разговорах, о чем бы то ни было»⁹⁹. Что было причиной их временного разрыва? В одном из недатированных писем к Тарасенкову Твардовский обвиняет Македонова во враждебном к нему отношении, кульминацией которого стало «утверждение, якобы я (*Твардовский – Э.К.*) его где-то в столовой просил не поднимать против меня дело»¹⁰⁰. О чем конкретно шла речь, было ли это «дело» поднято или нет, сейчас судить трудно. Публично о ссоре с Македоно-

⁹³ См.: Павлов Н. Вражеское охвостье в Союзе писателей // Большеви́стская молодёжь. 1937. 30 августа (№ 124). С. 2; Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 24, 269-270; Звездаева В.А. Пока мы живы... // Вдохновение (Смоленск). 1992. № 10. С. 2-3.

⁹⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. ... С. 19-28.

⁹⁵ К 1931 году относится только одна запись в рабочих тетрадях Твардовского от 19 августа. Это проект речи для выступления о работе над поэмой «Путь Василия Петрова» («Вступление»). См.: Твардовский А.Т. На пути к «Стране Муравии» (рабочие тетради поэта)... С. 306-307.

⁹⁶ Там же... С. 321.

⁹⁷ Там же... С. 362.

⁹⁸ Несгоревшие письма... С. 21-22.

⁹⁹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 316.

¹⁰⁰ Ильин В.В. Не пряча глаз: Александр Твардовский. Литературное окружение. Творческие связи. Смоленск: «Смядынь», 2000. 400 с. С. 165.

вым Твардовский больше нигде не высказывался, а вот свои дружеские отношения с ним в конце 1930-х годов наоборот подчёркивал¹⁰¹ и, несмотря ни на что, говорил о Македонове как о честном и порядочном человеке¹⁰².

Мог ли Македонов третировать Твардовского из-за стихотворения «Четыре тонны» и тем более голосовать за его исключение из РАПП, как это утверждают Павлов и Привалов? Сохранившиеся материалы смоленской писательской организации, статьи и опубликованные выступления Македонова, свидетельства других очевидцев говорят об обратном. Мария Илларионовна Твардовская, человек принципиальный в своих оценках, утверждала, что у Македонова «“личные симпатии” менялись и меняются, но литература для него – дело святое»¹⁰³. Именно поэтому в 1934 году, когда в очередной раз Твардовский попал под обстрел официозной критики, поэт и его жена рассчитывали на поддержку Македонова, которую незамедлительно получили¹⁰⁴. Сам Македонов даже в очень трудные периоды жизни за помощью к Твардовскому не обращался, поэтому с полным правом утверждал: поэт «был мне более обязан, чем я ему»¹⁰⁵.

Со временем дружба Твардовского и Македонова восстановилась.

*

В 1931 году Македонов сам оказался в очень сложной ситуации. Причем, насколько нам известно, никто из смоленских писателей не протянул ему руку помощи. Принципиальность Македонова в оценке художественных произведений, благосклонное отношение и поддержка его рапповским руководством стало причиной недоброжелательного отношения к преуспевающему критику. «Мне неоднократно приходилось, – признавался Македонов, – критиковать плохие стихи, рассказы, разного рода ошибки и склочное поведение <...> литераторов»¹⁰⁶.

Инициатором кампании против Македонова стал заведующий редакционной частью областного Госиздата Н.А. Виноцкий, который был членом распущенной редколлегии «Наступления» и имел прямое отношение к публикации в журнале «Осинстрой» Дмитрия Осина, вызвавшего скандал. Даже после постановлений бюро Запобкома ВКП(б) и секретариата правления ЗОАП, Виноцкий не хотел сдавать позиции.

Одним из эпизодов устроенной Македонову обструкции стала его неудачная попытка вступления в коммунистическую партию, что для человека, до конца жизни остававшегося марксистом, было делом важным. В 1931 году Смоленский горком ВКП(б) прикрепил его к парторганизации Хлебозавода № 1, где Македонов должен был беседовать с рабочими на литературные темы, выпускать стенгазеты и пр. О своей работе он отчитывался на заседаниях

¹⁰¹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 349.

¹⁰² Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 6... С. 314.

¹⁰³ Несгоревшие письма... С. 34.

¹⁰⁴ Там же... С. 34, 36, 40.

¹⁰⁵ Баевский В.С. Роман одной жизни. СПб.: «Нестор-История», 2007. 508 с. С. 438.

¹⁰⁶ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 399.

фракции САПП, поскольку её рекомендация была необходима для вступления в кандидаты ВКП (б). Однако смоленские писатели отказали ему в этом. Б.А. Лепский, И.И. Кац и Н.А. Веницкий послали в парторганизацию хлебозавода письмо, в котором советовали не принимать Македонова в партию, поскольку у них вызывало подозрение его социальное происхождение и политический облик. Исаковский, который сначала был готов поддержать Македонова, снял свою рекомендацию. Бюро Смоленского городского комитета ВКП (б) отказалось принять Македонова в партию, мотивируя это тем, что недостаточно хорошо его знает. Не помогла даже рекомендация генерального секретаря РАПП Леопольда Авербаха.

Несмотря на то, что секретариат ЗОАПП только что ввёл Македонова в состав редколлегии журнала «Наступление», летом 1931 года критик обратился в правление РАПП с просьбой о переводе его на работу в другую область¹⁰⁷.

1.6. Аспирантура. Начало научной работы.

Демобилизовавшись из рядов Красной армии, Македонов вначале вернулся к организаторской деятельности: несколько месяцев он проработал ответственным исполнителем редакции газеты «Рабочий путь», пока в сентябре 1933 года не поступил в аспирантуру, только что открывшуюся в Смоленском государственном педагогическом институте при кафедре литературы. Спустя годы, в одном из интервью Македонов признаётся, что иногда его начинало мутить от литературной критики, поэтому так хотелось уйти в науку, изучать Пушкина. Исследование истории литературы, с одной стороны, позволило ему немного отойти в сторону от постоянных литературных баталий, нередко обличавшихся «публичной поркой», а с другой стороны, глубже осознать закономерности историко-литературного процесса, что давало возможность прогнозировать развитие современной поэзии.

В качестве научного руководителя Македонов выбрал Александра Григорьевича Цейтлина – историка литературы XIX века, московского литературоведа, в будущем доктора филологических наук, профессора. За консультациями молодому аспиранту приходилось ездить в столицу. Тема диссертации Македонова «Проблема героя в эстетике В.Г. Белинского» была необыкновенно актуальна: в это время разрабатывалась концепция социалистического реализма, теоретики которой видели своих предшественников среди социологических критиков XIX века и вслед за ними особое внимание уделяли образу литературного героя.

Изучение наследия Белинского привело Македонова к серьёзному анализу творчества Пушкина, Гоголя и других русских писателей-реалистов XIX века. За три с половиной года Македонов опубликовал более полусотни работ

¹⁰⁷ Там же... С. 290.

по вопросам истории литературы и литературной критики. Признанием его заслуг стало предложение войти в состав юбилейного комитета, который готовил памятные мероприятия, приуроченные к столетию со дня гибели Пушкина¹⁰⁸. В рамках этой программы в 1937 году отдельной брошюрой тиражом две тысячи экземпляров вышла в свет работа Македонова «Жизнь и творчество великого русского поэта А.С. Пушкина: Примерные тезисы для докладчиков».

Аспирант Македонов запомнился студентам не только как старший товарищ, но и как «удивительный преподаватель»¹⁰⁹. В эти годы в институте учился Твардовский (1932-1934), которого смоленские литераторы продолжали третировать с особой жестокостью. Непростые отношения сложились у поэта и с преподавателями. Однокурсник Твардовского Ф. Гавриков вспомнил один примечательный случай из студенческой жизни, ставший притчей во языцех на филологическом факультете. На экзамене по фольклору профессор П.М. Соболев занижил поэту оценку. «Как всегда действенную позицию занял в этом вопросе аспирант кафедры языка и литературы Адриан Македонов»¹¹⁰. Он вступился за Твардовского, о его прекрасном знании русского фольклора, по мнению Македонова, прежде всего свидетельствуют его стихи. История закончилась тем, что преподаватель согласился исправить отметку, но Твардовский отказался «играть в оценки».

Македонов всегда остро чувствовал несправедливость и готов был вступить в борьбу с ней, что часто приводило к конфликтным ситуациям. Однажды вместе с Владимиром Муравьевым, тоже аспирантом кафедры литературы, его чуть было не исключили из аспирантуры за «нетоварищеское отношение и дискредитацию» кандидата партии аспиранта Мягченкова. Только благодаря защите директора института Э.Я. Газганова этого удалось избежать. Непростые отношения сложились у Македонова и с профессором П.М. Соболевым, заведующим в то время кафедрой литературы. В апреле 1936 года аспирант опубликовал в «Рабочем пути» рецензию на его книгу «Кольцов и устная лирика» (Смоленск, 1935). Разыскать статью нам не удалось, но название в полной мере даёт представление об её пафосе – «Образчик вульгарного социологизма».

Отчасти эта история объясняет, почему, несмотря на все старания, Македонов не смог остаться преподавать в Смоленском пединституте. В июне 1936 года все выпускники аспирантуры, за исключением Македонова, «были направлены на работу в педвузы страны: А.С. Борисевич и Е.И. Беленький – в Краснодарский пединститут; И. Бейсов – в Ульяновский пединститут; Евстафьева – в Актюбинский пединститут; Н.У. Овчинникова была оставлена на работе в Смоленском пединституте и т.д.»¹¹¹. Муравьев был направлен в Ново-

¹⁰⁸ В РГАЛИ сохранилось письмо А.В. Македонова «О некоторых вопросах пушкинского юбилея» (Ф. 614. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1-73).

¹⁰⁹ Стариков Н. Смоленские долгожители // Пенсионер Смоленщины. 1997. 28 августа (№ 35). С. 1.

¹¹⁰ Гавриков Ф. В Смоленском педагогическом. Из воспоминаний об А.Т. Твардовском // Сельская новь. 1980. 18 декабря. С. 4. Название кафедры мемуарист употребляет не точно.

¹¹¹ 40 лет Смоленскому государственному педагогическому институту... С. 61.

зыбковский учительский институт, где около года заведовал кафедрой литературы вплоть до своего ареста. Единственный из семи выпускников аспирантуры Македонов не получил назначения. Даже заступничество заместителя редактора газеты «Рабочий путь» С.И. Шейдлиной, авторитетного в области человека, с которой Македонов много сотрудничал, оказалось бессильным.

В это время Македонов нуждался в постоянном заработке, поскольку стал семейным человеком. Он женился на студентке филологического факультета Рахиль (Раисе) Абрамовне Гурвич (1906-1986), закончившей институт в 1937 году. Она стала надёжным другом Адриана Владимировича, разделив его судьбу. В 1934 году у них родилась единственная дочь Элиза. Молодой семье приходилось жить в основном на скромные гонорары за научные и литературно-критические публикации Македонова.

Бытовые трудности не могли помешать целеустремлённому молодому учёному. Осенью 1936 года он представил в Московский педагогический институт свою кандидатскую диссертацию, защита которой была запланирована на май – июнь 1937 года. Материалы диссертации были опубликованы в 14 статьях, образующих два цикла – о Пушкине и Белинском. Некоторые из научных работ Македонова были включены в список рекомендуемой для вузов литературы.

1.7. Областная писательская организация: история противостояния.

Научная работа занимала много времени, но Македонов продолжал участвовать и в литературной жизни Смоленска. Из «Хроники» журнала «Наступления» можно узнать о его многочисленных выступлениях на творческих вечерах, «декадниках» поэзии и прозы, которые в середине 1930-х годов регулярно проводились смоленской писательской организацией.

К примеру, 12 июня 1933 года в рамках подготовки к Первому Всесоюзному съезду ССП был организован «декадник» журнала «Наступление», посвящённый творчеству смоленских поэтов Рыленкова, Твардовского, Дворецкого, Долгоненкова, Бунтаря, Ардаматского, Лютова. На нём «с большим докладом выступил А. Македонов, который обрисовал положение, существующее сейчас на поэтическом фронте, дав беглый обзор поэтической продукции в нашей Западной области и основательно разобрал творчество таких поэтов, как А. Твардовский, Н. Рыленков и С. Фиксин. Поэма Твардовского “Вступление” признана в общем как положительное явление в жизни ССП Западной области, но тем не менее тов. Македонов отметил целый ряд значительных недостатков – некоторый прозаизм, иллюстративизм, некоторую надуманность образов и т.п. Путь, по которому пошёл в последнее время Н. Рыленков, вызывает серьёзные опасения за его дальнейший творческий рост: в целом ряде его последних стихотворений отсутствует настоящая жизнь, имеют место всякие “философические размышления” и т.п. А. Македонов отметил, что идя по этому пути, Рыленков не создаёт социалистической лирики. У С. Фиксина Македонов отметил некоторую “бедность мысли”, отсутствие широких обоб-

щений и пр. В оживлённых прениях приняли активное участие: А. Твардовский, который рассказал, над чем он сейчас работает, С. Фиксин, который вместе с Твардовским признал оценку творчества разбираемых тт., в частности, и себя, правильной, Н. Рыленков, который не согласился с критикой его произведений, данной тов. Македоновым <...>¹¹². Благодаря этой информационной заметке можно судить и об откровенной, нередко напряжённой атмосфере творческих встреч, и об авторитете Македонова как исследователя современной поэзии (неслучайно именно ему было доверено сделать обзорный доклад), о его критериях оценки поэтического мастерства, явном стремлении критика подобно Белинскому спрогнозировать перспективы творческого развития писателей, наконец, о неоднозначном отношении поэтов к выводам исследователя.

Занятия литературоведческими исследованиями повлияли на характер литературной критики Македонова, сделав её более научной. Это отметило и руководство областной писательской организации. На литературном собрании 4 декабря 1933 года, также приуроченном к подготовке к Первому съезду советских писателей, председатель оргкомитета ССП Западной области М. Завьялов в докладе «Литературный фронт Западной области» отметил несомненный «рост критических кадров области» и среди первых назвал имя Македонова (Наступление. 1934. № 2. С. 114).

*

С роспуском РАПП в атмосфере смоленской писательской организации мало что изменилось. Борьба «неистовых ревнителей» с «идейными противниками на литературном фронте» продолжалась, и Македонов вольно или невольно вновь оказался в эпицентре «военных действий».

Особенно ожесточёнными столкновения смоленских литераторов были на первом областном съезде Союза писателей, проходившем в Смоленске 23-25 апреля 1934 года. Он был приурочен ко второй годовщине роспуска РАПП и являлся этапом подготовки к Всесоюзному писательскому съезду. Сделать доклад о поэзии Западной области было поручено Македонову как наиболее авторитетному критику. Анализируя творчество самых значительных поэтов, он назвал «наиболее оригинальным, наиболее самостоятельно работающим» Твардовского¹¹³. Анализируя художественные особенности его поэзии, критик особо выделил стихотворение «Гость» и поэму «Мужичок горбатый», которая незадолго до этого была изъята из подготовленного к выходу номера журнала «Наступление».

Высокая оценка поэмы Твардовского на областном съезде писателей вызвала резкую критику со стороны представителя оргкомитета ССП СССР Корнелия Зелинского. Его возмутило то, что Македонов в своём обзоре чрезмерно высоко оценил уровень поэзии Западной области, охарактеризовав её как «развитую, богатую, глубокую, сильную литературу».¹¹⁴ Он осудил критика и за

¹¹² Поэтический декадник // Наступление. 1933. № 7-8. С. 107.

¹¹³ Македонов А.В. Поэтический участок областной литературы // Наступление. 1934. № 5-6. С. 105-115. С. 111.

¹¹⁴ Зелинский К.Л. Держать экзамен на большое мастерство // Наступление. 1934. № 5-6. С. 88-96. С. 88.

незаслуженное с его точки зрения восхваление Твардовского, прежде всего его поэмы «Мужичок горбатый». «Какие главные недостатки Твардовского? – размышлял Зелинский. – Я считаю его безусловно человеком одарённым, но <...> обратите внимание <...>, что получается, когда он изображает бедняка. Он у него и бедняк и вор... Вы спросите себя: кто в деревне изображает так бедноту? В этом есть душок не нашего представления о бедняке. <...> “Мужичок горбатый” – это не такая поэма, которую можно расхваливать, как бесспорное художественное произведение, как это делал тов. Македонов»¹¹⁵. В конце своего выступления Зелинский сделал оговорку: «<...> нужно правильно меня понять. Тов. Македонов сделал ряд правильных, интересных наблюдений об изменении людей, о рождении новых типов и характеров, о новом отношении к труду. Это всё верно. И тов. Македонов нашёл это в стихотворениях тех товарищей, на которых он ссылался, но он забыл сказать, были ли это стихи или статьи. Стихов-то ведь не было <...>»¹¹⁶.

«Мужичок горбатый» полностью так никогда и не увидел свет. Только отрывок из него «Вор» был опубликован в коллективном сборнике «Стихи о зажиточной жизни» (Смоленск, 1934). В 1934 году Запобллит (территориальное подразделение по делам литературы и издательств) запретил издание книги, в которую Твардовский включил все три написанные к этому времени поэмы: «Путь к социализму», «Вступление», «Мужичок горбатый», в последней из них цензурой был обнаружен «явный антисоветский оттенок»¹¹⁷. Несмотря на это, Македонов продолжал защищать поэму. По свидетельству Горбатенкова, вместе с Венициным, заведующим Запгизом, он ездил в Главное управление по делам литературы и издательств с ходатайством о разрешении публикации «Мужичка горбатого», но безрезультатно. После этого поэма была сожжена. Однако замысел не отпускал Твардовского. На свет появилась поэма «Моргуниха», которую ждала та же участь. Поэт хотел поместить её в поэтический сборник, который вышел в смоленском издательстве осенью 1935 года, но цензура оценила произведение как «порочное по своей идее»¹¹⁸ и запретила публикацию.

Горбатенков на съезде, вступая в полемику с Македоновым, заявил о неблагополучии на «критическом участке» областной литературы и, в первую очередь, заговорил об «идейных шатаниях» Македонова. Горбатенков упрекал его не только в замалчивании идеологических и художественных промахов поэзии Твардовского, но и в идеологической беспринципности в связи с подходом к поэзии Дмитрия Осина. Выводы, сделанные Македоновым о текстах Осина в статьях «Осинщина» (1931) и «На подъёме» (1934), на взгляд Горбатенкова, явно противоречат друг другу. Можно ли говорить об идейном росте поэта, который три года назад опубликовал такое слабое во всех отношениях произведение? «Не усматриваете ли вы здесь, товарищи, – задаётся вопросом Горбатенков, – “идейные шатания” критика, который по причинам далеко не

¹¹⁵ Там же... С. 92.

¹¹⁶ Там же...

¹¹⁷ Романова Р.М. Александр Твардовский: Труды и дни... С. 110.

¹¹⁸ Парта́рхив Смоленского обкома КПСС. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2193. Л. 18

принципиального порядка высказал два разных соображения по поводу одних и тех же вещей?»¹¹⁹.

Статья Македонова «На подъёме», о которой говорит Горбатенков, была опубликована в третьем номере смоленской «Литературной газеты», выпущенной специально к Первому областному съезду писателей Западной области. В состав редколлегии входили Завьялов, Македонов, Твардовский, Рыленков, Кац, Бурштын и др. Этот номер нам не удалось разыскать. Возможно, он был уничтожен. Основания для того были весомые. 13 мая 1934 года в газете «Правда» вышла статья «Художественные сучки и критические брёвна», в которой говорилось о низком художественном уровне «литературной продукции» Западной области и, в частности, был резко осуждён тот самый номер «Литературной газеты»: «приведённые в газете образцы художественной прозы и поэзии <...> никак не оправдывают тех громких слов, которыми пестрят критические статьи о росте литературы Западной области»¹²⁰. О статье Македонова здесь ничего не сказано, хотя подробно рассмотрены критические статьи М. Завьялова, В. Смолина, Е. Беленького, а также поэтические произведения В. Кудимова и Н. Вронского.

Бюро Западного обкома ВКП (б) признало правильным критическое выступление «Правды» и вынесло специальное решение «О литературной работе». В связи с этим 20 мая 1934 года состоялось собрание смоленских писателей, на котором обсуждалось положение дел в областном отделении Союза писателей. Царил дух покаяния и взаимного осуждения. С докладами выступили первый секретарь Западного обкома ВКП (б) И.П. Румянцев и Михаил Завьялов, председатель областного оргкомитета ССП. Иван Мандрик, писатель, директор драматического театра, в своей речи постарался «разоблачить» критиков. В очередной раз Македонову ставилась в вину высокая оценка поэмы «Мужичок горбатый», замалчивание «срывов идеологического и художественного характера»¹²¹.

Все собравшиеся понимали ответственность момента. Через месяц должны были состояться выборы в члены Союза советских писателей и вручение «исторических» мандатов делегатов Первого съезда.

Несмотря на недоброжелательное, подчас враждебное отношение к Македонову и Твардовскому, столь явно продемонстрированное на областном съезде, Всесоюзный оргкомитет по приёму в ССП СССР на заседании выездной комиссии, состоявшемся 27 июня 1934 года, избрал их членами Союза писателей. В работе комиссии приняли участие руководитель бригады по изучению литературы Западной области Корнелий Зелинский и Михаил Завьялов, который тоже был принят в Союз писателей. Кроме них, такой чести удостоились Рыленков и Константин Долгоненков. Всем пятерым предстояло принять

¹¹⁹ Горбатенков В. Говорить о «серьёзных вещах выпрямившись!» // Наступлении. 1934. № 5-6. С. 141, 142. То же: [Сокращённая стенограмма выступления на Первом съезде писателей Западной области 24 апреля 1934 г.] // Литературная газета (Смоленск). 1934. № 5. С. 3.

¹²⁰ Художественные сучки и критические брёвна // Наступление. 1934. № 5-6. С. 8 (Статья перепечатана из газеты «Правда»).

¹²¹ Хроника // Наступление. 1934. № 5-6. С. 175.

участие в работе съезда. Македонов получил мандат с правом решающего голоса¹²². Определился и состав руководства областной писательской организации. Её председателем был назначен М.С. Завьялов, заместителями – Македонов и Рыленков.

Кандидатами в члены Союза писателей стали Ф. Каманин, Д. Осин, В. Кудимов, Е. Марьенков¹²³. Горбатенков, Кац, Смолин оказались за бортом, что вызвало у них желание повлиять на сложившуюся ситуацию.

Признание заслуг Твардовского и Македонова разожгло зависть их противников. Травля усилилась. 17 июля 1934 года, примерно через три недели после вступления Твардовского и Македонова в Союз писателей, Горбатенков опубликовал в комсомольской газете «Большевицкий молодняк» статью «Кулацкий подголосок. О стихах А. Твардовского». В несколько смягчённом виде она была перепечатана в областном журнале «Наступление»¹²⁴. Горбатенков обвинил поэта в «кулацких тенденциях» и «художественной безграмотности» и осудил критиков, из личных симпатий «захваливающих» Твардовского, – Македонова и Анатолия Тарасенкова. На них Горбатенков возложил основную ответственность за «промахи и ошибки» поэта. По его мнению, Македонов и Тарасенков оказали Твардовскому «медвежью услугу»: их незаслуженная похвала мешает поэту развиваться в нужном направлении (См. § 5 второй главы).

Статья Горбатенкова вызвала скандал. Она стала поводом для поэтического «декадника» Твардовского, который состоялся 25-26 июля 1934 года. Поэт, остро нуждавшийся в поддержке, обратился с просьбой к Тарасенкову срочно выступить с ответной статьёй в центральной печати. Поддержка столичной прессы могла стать мощным аргументом в защите честного имени поэта. Однако Тарасенкову удалось напечатать небольшую заметку «О загибах по-смоленски» в «Литературной газете» лишь 18 августа, когда уже начал работать Первый съезд писателей. На «декаднике» Твардовскому помогали держать оборону Македонов, сделавший доклад о его творчестве, и Владимир Муравьёв. Сегодня получить представление о «декаднике» можно из информационной заметки, опубликованной в «Большевицком молодняке». «Докладчик А. Македонов, – сказано в ней, – и выступавший в прениях В. Муравьёв в статье В. Горбатенкова, помещённой в “БМ” (“Большевицком молодняке” – Э.К.), увидели, оказывается, не серьёзную критику ошибок и недочётов творчества Твардовского, а кажущееся им “размахивание дубинкой”. Тов. Матяс (редактор “Большевицкого молодняка” – Э.К.) отметил, что такое восприятие данной в статье В. Горбатенкова критики стихов Твардовского является

¹²² Из смоленской писательской организации на Первый Всесоюзный съезд ССП были делегированы четверо литераторов с решающим голосом – М.С. Завьялов, А.В. Македонов, Н.И. Рыленков, К.А. Долгоненков. С совещательным голосом на съезд поехал А.Т. Твардовский. См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчёт. Репринтное воспроизведение издания 1934 г. М.: Советский писатель, 1990. С. 690.

¹²³ Хроника // Наступление. 1934. № 7. С. 111.

¹²⁴ Горбатенков В. Несколько замечаний о стихах А. Твардовского и литературных добродетелях // Наступление. 1934. № 7. С. 90-102.

показателем того, как нерешительно и робко некоторые критики рвут со старыми ошибками, к каким недостойным приёмам они прибегают (разговоры о “размахивании дубинкой”, о каком-то “походе на растущего поэта”, сознательное искажение изложенных в “БМ” доводов и обобщений), чтобы доказать свою неправоту, свою непогрешимость»¹²⁵ (См. § 4 второй главы). Редакция «Большевицкого молодняка» использовала и такую «тяжёлую артиллерию», как выступление на собрании рабочих, возмущённых стихами Твардовского.

Заместитель заведующего культпропом обкома партии Черлов тоже поддержал Горбатенкова. Он заявил, что Твардовский, хотя и является в силу своего социального происхождения «кулацким подголоском», всё же способен «выправить» свои промахи, «но это возможно только при помощи правильной критики, а последняя до сих пор приносила вред поэту тем, что чрезмерно захваливала его произведения, не вскрывала ошибки»¹²⁶.

В среде смоленских писателей произошёл раскол. Некоторые из них всё-таки решили встать на сторону Твардовского и разделили мнение Македонова. Первым, кто высказался на страницах смоленской прессы, был Яков Нисневич. В статье «Выше уровень литературной критики!» он вслед за Македоновым обвинил Горбатенкова в отсутствии научного подхода, схематизме и субъективности выводов¹²⁷.

*

Пока в Смоленске бушевали «страсти вокруг Твардовского», наступило время Первого Всесоюзного съезда советских писателей (17 августа – 1 сентября 1934 года).

Общая атмосфера на съезде оказалась оптимистичной, укрепилась вера в возможность активного участия художника в построении нового общества. Македонов вспоминал: «Это был съезд молодости и надежд <...>. Сейчас могу сказать: обманутых надежд. И самый съезд назвать “съездом обманутых”. Но дело в том, что надежды-то были. “Ты рядом, даль социализма”, – писал тогдашний Пастернак. И самый факт создания единого творческого союза, ныне однозначно расцениваемый как формирование “командной”, “министерской” структуры в литературе, тогда воспринимался иначе. Многие видели в нём как раз демократический, либеральный жест власти. <...> Казалось, под крышей новорождённого союза станет хорошо всем – независимо от литературных пристрастий, происхождения, национальности»¹²⁸. Однако некоторая конфронтация среди писателей наметилась уже во время работы съезда, главным образом, при обсуждении двух вопросов: о гуманизме в литературе и творческой индивидуальности художника. В «Эпохах Твардовского» Македонов пишет: «А весь Первый съезд советских писателей <...> с одной стороны, аплодировал блестящему докладу Бухарина, а с другой стороны, в большинстве

¹²⁵ Критика должна быть бдительной // Большевицкий молодняк. 1934. 27 июля (№ 173). С. 4.

¹²⁶ К<ац И.>. Суровая большевицкая самокритика – могучий рычаг преодоления ошибок (С литературного декадника, посвящённого творчеству А. Твардовского) // Большевицкий молодняк. 1934. 30 июля (№ 177). С. 4.

¹²⁷ Нисневич Я. Выше уровень литературной критики! // Рабочий путь. 1934. 27 июля (№ 174).

¹²⁸ Фоянков И.О. И снова пора надежд? [Беседа с А.В. Македоновым] // Литературная газета. 1991. 12 июня (№ 23). С. 9.

выступлений, в том числе и того же Пастернака и почти всех наиболее талантливых поэтов того времени, поддавался общему напору сталинского обмана, прикрывавшегося призывом к писателям говорить правду, только правду и, мол, ничего другого от них не требуется. А уже сидели в лагерях, даже гибли в сталинских застенках те, кто видел жестокую ужасную правду и не закрывал на неё глаза»¹²⁹.

Во многих докладах речь заходила о социалистическом реализме – понятии, недавно вошедшем в обиход советского писателя. Он объявлялся основным методом советской литературы, требующим «правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в её революционном развитии»¹³⁰. Некоторые выступающие выражали опасение, что это может привести к утрате художником чувства свободы. Максим Горький пытался положить конец спорам: целью соцреализма он объявил развитие творческих способностей человека «ради победы над силами природы».

Вернувшись со съезда, делегаты от смоленской писательской организации, воодушевлённые открывшимися перспективами развития литературы, выступали с рассказами о нём перед литераторами, рабочими и простыми жителями города¹³¹.

*

Надежды на то, что выполнение решений Первого съезда сплотит литераторов, не оправдались. Атмосфера враждебности среди смоленских писателей только накалялась.

Е.А. Рыленкова, вдова поэта, вспоминает о напряжении, которое часто царило во время литературных встреч: «С открытием Дома искусств я бывала на всех собраниях. И очень редко выступления там проходили без “битья” Саши (*Твардовского – Э.К.*), Муравьёва, Коли (*Рыленкова – Э.К.*). Больше всех выпадало на долю Саши, а позднее Адриана Македонова. Среди выступлений в защиту Саши, весьма дельных и аргументированных, были выступления Марии Илларионовны (жены А.Т.), А. Македонова и его матери. Мне всегда нравились выступления мамы А. Македонова. Худенькая, ниже среднего роста, с татьянинской причёской, интеллигентка с головы до пят, говорила спокойно,

¹²⁹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 165.

¹³⁰ Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Социалистический реализм // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. / Главный редактор А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1972.

¹³¹ Македонов участвовал во многих литературных встречах, посвящённых итогам съезда. Так, 7 сентября 1934 года литературная редакция Западного комитета по радиовещанию организовала выступления делегатов и гостей Всесоюзного съезда писателей от Западной области – М. Завьялова, Н. Рыленкова, А. Македонова, К. Долгоненкова, П. Магера (Наступление. 1934. № 9-10. С. 222). 19 сентября в городе Бухарине Западной области Македонов выступил перед рабочими бумажного комбината, Кондровской и Троицкой фабрик, Полотняного завода, рассказывая им об итогах писательского съезда (Наступление. 1934. № 9-10. С. 223). 4 октября Македонов сделал доклад о работе съезда на литературном вечере, организованном в клубе железнодорожников (Наступление. 1934. № 9-10. С. 227). 8 октября в рабочем клубе фабрики имени И.П. Румянцева с тем же докладом он выступил на большом литературно-художественном вечере, который транслировался по радио (Наступление. 1934. № 11. С. 156). 5 ноября в областной библиотеке им. В.И. Ленина состоялся вечер, посвящённый итогам Первого Всесоюзного съезда советских писателей, на котором Македонов выступил с докладом о советской литературе, Осин, Рыленков, Кудимов прочли свои стихотворения (Наступление. 1934. № 12. С. 134).

сдержанно, разбивала противников Саши умно и с долей иронии к их невежеству <...>. Саша держался спокойно, выслушав все нападки, говорил: “Я постараюсь исправить, насколько смогу, но в основном я никогда не считал и не считаю себя противником коллективизации и смотрю объективно на всё новое в деревне, но и старое не всё было плохо”¹³².

Твардовский и его сторонники стремились использовать разные способы противостояния. Во время работы съезда Македонов и Тарасенков собирали подписи под коллективным письмом в защиту поэта. Его подписали А. Безыменский, В. Луговской и др. Письмо было адресовано секретарю комитета ВКП (б) Западной области И.П. Румянцеву, который не так давно на встрече со смоленскими писателями призывал вкладывать в творчество душу, а не рифмовать резолюции партийных съездов, выступал против «сшибательных наклонностей» в критике и говорил о бережном отношении к классической литературе¹³³. Обращение к Румянцеву возымело действие, но лишь на время.¹³⁴ Окончательно прекратить травлю Твардовского и критиков, защищавших поэта, не удалось.

Осенью 1934 года острая дискуссия развернулась на страницах журнала «Наступление». В нём была перепечатана скандальная статья Горбатенкова и полемический отклик на неё Македонова, написанный в острой форме, о чем свидетельствует уже заглавие – «Как не надо критиковать» – и первая фраза, в которой статья оппонента названа «критическим бревном», что сразу отсылает сведущего читателя к недавней публикации в «Правде» – «Художественные сучки и критические брёвна». Для Македонова было важным, с одной стороны, защитить Твардовского от огульных обвинений, с другой, показать несостоятельность критического метода Горбатенкова (См. § 5 второй главы).

Редколлегия «Наступления» сочла нужным высказать своё отношение к сложившейся ситуации. Она признала, что «дискуссия прошла на недостаточно высоком уровне», и пожуривала каждого из полемистов. Горбатенкова – за нетоварищеское отношение к Твардовскому, нежелание указать поэту путь к исправлению недостатков творчества; Македонова – за вредное «либеральное похлопывание по плечу» молодых писателей, захваливание, «предвзятое умаление идеологических и художественных срывов в творчестве»¹³⁵.

*

Весной 1935 года кампания против Твардовского и Македонова возобновилась в ещё более открытой и резкой форме. 14 апреля, в день, когда было назначено собрание писателей Западной области, приуроченное к пятой годовщине со дня гибели Владимира Маяковского, газета «Большевистский молодец» опубликовала скандальную статью «Стих – это бомба и знамя: К област-

¹³² Рыленкова Е.А. Воспоминания о Н. Рыленкове и А. Твардовском // Русская филология. Учёные записки СГПУ. Т 1. 1997. Смоленск: СГПУ, 1997. С. 243.

¹³³ Писатели Западной области у тов. Румянцева // Наступление. 1934. № 3. С. 3-7.

¹³⁴ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 301.

¹³⁵ От редакции // Наступление. 1934. № 9-10. С. 196-197. С. 197.

ному поэтическому совещанию». Под ней стояло три фамилии – Горбатенкова, Каца и Рыленкова¹³⁶. В статье вновь «разоблачались» «кулацкие» тенденции и «техническое несовершенство» поэзии Твардовского, а ответственность за «идеологические» промахи поэта возлагалась на его «литературного советчика» – Македонова. «С первых же дней у него (*Твардовского – Э.К.*), – говорилось в статье, – нашлись поклонники, приветствовавшие его за “звонкую лиру”, вдохновлявшие его утверждением, будто стихи эти – “новое слово” в поэзии, так сказать, “свой собственный поэтический стиль”. Приняв это, как аттестат на “зрелость”, автор работал по-прежнему, не заботясь о своём мировоззрении»¹³⁷.

Твардовский и Македонов предполагали, что на них надвигается новая волна обвинений, и сумели подготовиться к ней. Им удалось убедить в своей правоте московских критиков М. Серебрянского и С. Кирьянова, специально приехавших в Смоленск для участия в поэтическом совещании. Их заранее познакомили с первой частью «Страны Муравии», над которой Твардовский работал в это время.

В результате на собрании статья «Стих – это бомба и знамя» была раскритикована не только постоянными защитниками Твардовского, но и московскими критиками. Кирьянов заявил, что в творчестве Твардовского никакого оправдания кулачества нет, а есть стремление показать трудности коллективизации. Серебрянский также настаивал на том, что Твардовский разоблачает кулаков, а не воспеваает их, и упоминал о поэме «Страна Муравия» как о новом достижении поэта. В результате большинство собравшихся пришло к выводу, что «в этой статье даётся совершенно неправильная оценка творчеству Твардовского, оценка, отбрасывающая по сути т. Твардовского в лагерь кулацких поэтов. Совещание подчеркнуло политический вред этого выпада против члена союза советских писателей, отметив, что т. Твардовского, имеющего действительно большие срывы в своём творчестве – срывы идеологического порядка, – необходимо жестоко критиковать, но критиковать не как врага, а как своего товарища. <...> Очень хорошо сделали авторы статьи в “Большевистском молодняке” Рыленков, Кац, Горбатенков, заявив на совещании, что их характеристика творчества Твардовского – ошибочна»¹³⁸. В отчете о совещании, помещённом в «Рабочем пути», говорится, что с признанием ошибочности статьи выступил только Рыленков. Кац и Горбатенков отмолчались (Рабочий путь. 1935. 17 апреля).

¹³⁶ Македонов вспоминает: «Эта скандальная публикация была попыткой политически дискредитировать Твардовского, доказать кулацкие тенденции в его творчестве, занизить его талант даже тогда, когда Твардовский уже много печатался, начал выделяться и во всесоюзном масштабе, заканчивая работу над “Страной Муравией”. Горбатенков был лично политически близок редактору этой газеты. Вдовы Рыленкова и Каца неоднократно заверяли меня, что Горбатенков поставил подписи Рыленкова и Каца без их согласия. Думаю, что это правда. Но они не смогли – может быть, просто побоялись – публично и тем более в печати заявить об акции Горбатенкова, своей непричастности к этому письму». См.: Стеклов М.Е. Только правда ко двору [Беседа с А.В. Македоновым]...

¹³⁷ Горбатенков В.Е., Кац И.И., Рыленков Н.И. Стих – это бомба и знамя: К областному поэтическому совещанию // Большеви́стский молодняк. 1935. № 74 (14 апреля). С. 3.

¹³⁸ Хроника // Наступление. 1935. № 4-5. С. 186.

Важным итогом совещания стали также и первые печатные отклики Серебрянского и Кирьянова на ещё не опубликованную «Страну Муравию» (См. § 4 второй главы).

Твардовский продолжал работать над поэмой в очень трудных условиях, чувствуя на себя пристальный взгляд критиков из числа «партийных контролёров».

Благодаря поддержке Исаковского, «Страна Муравия» впервые увидела свет в апрельском номере журнала «Красная новь» за 1936 год, в мае того же года в Смоленске было подписано к печати её первое отдельное издание, правда, с серьёзной цензурной правкой. Поэт пробовал обращаться с жалобой в Главное управление по делам литературы, однако отстоять вырезанные цензурой куски ему не удалось. Македонов был расстроен не меньше автора, поскольку читал поэму ещё в черновиках и считал, что она открывает новые перспективы для развития поэзии. Косвенно об этом свидетельствует и Рыленков: «Я пытался критиковать отдельные ошибочные стихи А. Твардовского, Македонов их защищал. Я резко оценивал первый вариант поэмы “Страна Муравия”, в которой неверно была представлена коллективизация, Македонов защищал и тот вариант»¹³⁹.

Македонов стал автором первой положительной рецензии на «Страну Муравию». В статье «Поэма о хорошей жизни» (Рабочий путь. 1936. 2 июня) он первым оценил её как значительное достижение всей советской литературы (См. § 4 второй главы).

При всей важности, рецензия Македонова редко попадает в поле зрения исследователей творчества поэта. Так, В.А. Твардовская в статье «“Смоленская поэтическая школа” в контексте реальности», говоря о реакции литературной общественности на «Страну Муравию», делает акцент на триумфальном обсуждении поэмы в Союзе писателей СССР, на череде столичных откликов на публикацию поэмы, признавших её выдающимся произведением, и в то же время утверждает: «со своим мнением о “Муравии” никто из <...> местных (смоленских – Э.К.) критиков в печати выступить не решился», множество достоинств, отмеченных в поэме московскими критиками, «так и остались незамеченными, непризнанными» земляками¹⁴⁰. Однако необходимо напомнить, что в центральной прессе благожелательные рецензии на «Страну Муравию» появились значительно позже, большинство из них датируются 1937 годом.

*

Нарастающая волна сталинских репрессий 1930-х годов создала предпосылки для усиления политических преследований в Смоленской писательской организации.

Собравшись с силами и выждав нужный момент, Горбатенков и его единомышленники нанесли новый удар. Очередным политическим доносом стала

¹³⁹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 324.

¹⁴⁰ Твардовская В.А. «Смоленская поэтическая школа» в контексте реальности // «И дружбы долг, и честь, и совесть»: Материалы Седьмых Твардовских чтений. Смоленск: Маджента, 2012. С. 6-54. С. 25, 26.

анонимная статья «В Союзе писателей неблагополучно»¹⁴¹, в которой говорилось о политической неблагонадёжности Македонова, Муравьёва, Марьенкова и некоторых других литераторов. Вот некоторые характерные выдержки из этой статьи: «Отдельные члены организации своим поведением порочат звание советского писателя. Таков, например, А. Македонов <...> человек, сравнительно недавно развивавший меньшевистскую теорию о революционности русской буржуазии <...>. Богемными настроениями проникнут и другой “критик” – В. Муравьёв. Ежедневное пьянство, беспринципность, халтура <...>. Политические ошибки Е. Марьенкова»¹⁴².

В течение двух дней (27-28 сентября 1936 года) смоленские писатели обсуждали вопросы, затронутые в этой статье. На встрече царила атмосфера «всеобщего покаяния» и было признано, что обстановка в Союзе писателей Западной области действительно неблагополучная. Македонов, не разделяя «ложной самокритичности» большинства, говорил лишь о недостаточной связи писателей с читателями. Завьялов, подводя итоги собрания, заметил, что при всех отмеченных недостатках у смоленских писателей большой творческий потенциал, и постарался поддержать Македонова, своего заместителя.

1.8. А.В. Македонов и «Дело смоленских писателей».

Конфронтация, бесконечные распри в областном ССП оказались благодатной почвой для того, чтобы в 1937 году без значительных усилий со стороны НКВД было сфабриковано так называемое «Дело смоленских писателей»: «Руководству УНКВД необходимо было громкое дело по писательской организации: такие дела только что возникли в Москве, Ленинграде, Минске, других городах»¹⁴³.

Работники госбезопасности Западной области, боясь оказаться в отступающих, стремились перевыполнить план по разоблачению «врагов народа». В 1937 году Н.И. Ежов определил план для Смоленска в десять тысяч репрессированных. Бюро обкома ВКП(б) взяло на себя встречные обязательства: разоблачить двенадцать тысяч «врагов народа». В действительности план был значительно перевыполнен¹⁴⁴.

¹⁴¹ В Союзе писателей неблагополучно // Большевистский молодняк. 1936. 18 сентября (№ 144). По одной из версий авторами статьи являются В.Е. Горбатенков, Н.И. Рыленков, Д.Д. Осин, И.И. Кац, В.П. Аристов. Вероятно, к её созданию имел отношение и В.В. Смолин. Создавалась статья коллективно, однажды вечером, прямо в редакции газеты. Некоторые из предполагаемых авторов статьи не раз сожалели о том, что редактор газеты Н.И. Приходько изъял из неё все острые факты. Так, на собрании 17-19 августа 1937 года Горбатенков и Осин заявили, что в этой статье «были острые вещи и факты. Говорилось, что Македонов на одном собрании дал контрреволюционную оценку Интернационалу, высказывался враждебно о Ленине и Сталине <...>. Но когда она появилась на завтра в печати, всё это исчезло, вся острота её. Осталось, например, что Македонов – богемщик и позорит Союз. Из статьи убрали порох. По-видимому, в редакции были какие-то процессы, по-видимому, это было дело рук Приходько». См.: Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 243. На этот факт Горбатенков указал и в своём доносе начальнику Управления НКВД СССР. См.: Там же... С. 235.

¹⁴² Там же... С. 4.

¹⁴³ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 292-293.

¹⁴⁴ Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск, 1998. С. 198.

Одним из добровольных помощников органов госбезопасности оказался Горбатенков, неоднократно обращавшийся с доносами то в ЦК ВЛКСМ, то в Управление НКВД СССР по Западной области¹⁴⁵.

Формальным поводом к началу политических преследований явился арест в апреле 1937 года Леопольда Авербаха, в начале 1930-х работавшего в Смоленске. Он был арестован вскоре после народного комиссара внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды, мужа его младшей сестры Иды Авербах.

Писательская организация Западной области должна была отреагировать на это событие. Уже 30 мая и в начале июня 1937 года состоялись специальные собрания, посвящённые обсуждению опубликованных в газете «Правда» статей, разоблачавших «авербаховщину».

Поскольку Авербах тесно сотрудничал с писательским активом ЗОАПП, литературная организация Западной области была объявлена его «опытной лабораторией». Большинство смоленских писателей в своё время разделяли творческие установки генерального секретаря РАПП, теперь им надлежало отречься от «прежних заблуждений». Македонов, рассказав по требованию собравшихся о своих отношениях с Авербахом¹⁴⁶, не стал в отличие от многих клеймить его и признаваться в ошибочности своих взглядов на литературу. Наоборот, он воспользовался очередной возможностью выступить в защиту Твардовского и возмущённо высказался о травле, которая была организована против них обоих. В отместку было принято решение проверить «политическое и творческое лицо» Македонова¹⁴⁷. Ему не простили ни той рекомендации, которую Авербах дал для вступления в ВКП (б), ни тех доброжелательных отношений, которые установились между генеральным секретарём РАПП и молодым критиком.

3 июня в «Рабочем пути» вышла редакционная статья «До конца разоблачить авербаховщину. На собрании смоленских писателей». Твардовский в статье показан как жертва рапповской критики, огульно охаивающей его творчество. Благодаря успеху «Страны Муравии», понравившейся Сталину, поэт оказался выше подозрений. Зато был резко осуждён Македонов как критик, «захваливающий» творчество «сомнительных» писателей, защищавший «ошибочные» произведения, такие, например, как «Мужичок горбатый».

¹⁴⁵ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 227-239.

¹⁴⁶ С Л.Л. Авербахом Македонов был хорошо знаком по служебно-литературным делам в период с 1928 по 1932 год. Очевидно, они познакомились в 1928 году, когда Македонов начал печататься в журнале «На литературном посту», редактором которого был Авербах. Сблизились они в 1929-1930 годах, когда Авербах работал в Смоленске. Возможно, Авербах пытался перевести Македонова на работу в Москву и даже выдвинуть его в конце 1931 года в члены правления РАПП, дал ему рекомендацию для вступления в ВКП(б). См.: Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 229, 261, 262, 288, 330, 333, 374, 378. Однако сам Македонов утверждал, что «будучи беспартийным провинциальным литератором, никакой роли в руководстве РАПП <...> не играл». См.: Там же... С. 312. Последняя встреча Македонова и Авербаха, очевидно, состоялась в феврале 1933 года. См.: Там же... С. 234, 290, 330, 373, 374, 399

¹⁴⁷ Уже при подготовке к собранию оппоненты Македонова готовили его публичное «разоблачение». Н.К. Павлов на собрании 25 августа 1937 года вспоминал: «В начале мая я попросил Лепского написать статью для “Большевистской молодёжи” об авербаховщине в плане разоблачения враждебных позиций Македонова». См.: Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 269.

В результате идеологической проверки летом 1937 года Македонов был исключён из группы сочувствующих ВКП (б), в которую был принят в 1936 году благодаря поручительству Завьялова и Исаковского. Теперь, когда на Македонова началась «охота», они поспешили снять свои поручительства¹⁴⁸.

Значительным ударом для Македонова стал срыв защиты его кандидатской диссертации, которая должна была состояться в Московском педагогическом институте. Только позже он смог увидеть прямую связь этого «неожиданного» происшествия с началом его идеологической проверки. «Диссертация была принята к защите, получила 3 положительных отзыва, – вспоминал Македонов в своей автобиографии, – в том числе отзыв с предложением присудить мне сразу докторскую степень, в мае 1937 года была назначена защита, зачитаны отзывы, вполне положительные, собралось довольно много народа, присутствовал и Твардовский. Но после всего этого по заявлению учёного секретаря МГПИ (по фамилии Звирбул) защита была отложена, так как я отказался подписать сочинённую этой Звирбул от моего имени лживую автобиографию. Видимо поступили какие-то сведения из Смоленска, так как уже началась моя “проработка”»¹⁴⁹. Македонов попытался обратиться за помощью к декану, на что тот ответил, что в сложившейся обстановке он даже сам себе не доверяет.

Защитить диссертацию о Белинском Македонову так и не удалось, хотя в ряде библиографических справочников ошибочно указано, что он был кандидатом филологических наук¹⁵⁰.

Годы спустя Македонов пытался выяснить судьбу своих диссертационных материалов, хранившихся в МГПИ, но вся документы пропали. В личном архиве исследователя чудом сохранился один экземпляр работы. В годы Великой Отечественной войны его бабушка, Маргарита Николаевна, зарыла диссертацию внука в землю в деревне Русилово Смоленской области, где жила во время оккупации. В 1944 году она умерла, но диссертация не погибла. Пожелтевшая от времени она заняла своё место на одной из полок в кабинете Македонова¹⁵¹.

По свидетельству А.Г. Цейтлина, в научных кругах Москвы диссертация Македонова была хорошо известна. В письме к В.С. Баевскому критик признался, что «в известных монографиях Лаврецкого <...> обнаружил следы её

¹⁴⁸ По свидетельству Рыленкова, «Исаковский причину снятия поручительства объяснил тем, что Македонов не смог объяснить ему – почему его (Македонова) не любят все смоленские писатели». См.: Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 327.

¹⁴⁹ Македонов А.В. Автобиография // ГАСО... Л. 1.

¹⁵⁰ Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. М.: Московский рабочий, 1973. С. 313; Знай и люби свой край: Библиографический указатель. Смоленск, 1984. С. 31. И др.

¹⁵¹ Македонов рассказывал В.С. Баевскому, что, когда началась Великая Отечественная, его бабушка не в силах была эвакуироваться. Раиса Абрамовна, жена Македонова, отвезла её в деревню Русилово и «оставила там ценные вещи у местной женщины, которая обещала о ней заботиться и сохранить мою диссертацию об эстетике Белинского; диссертация была закопана в землю» (письмо от 9.07.1988). См.: Баевский В.С. Кулацкий подголосок и враг народа: Двойной портрет // Вопросы литературы. 2001. № 5 (Сентябрь-октябрь). С. 3-43.

чтения, хотя, к сожалению, с некоторой вульгаризацией и, конечно, без ссылок, что сам Лаврецкий впоследствии стыдливо объяснил мне обстановкой того времени»¹⁵².

Не раз Македонов пытался возобновить своё исследование. «<...> часто руки чешутся, – писал он В.С. Баевскому, – вернуться к ней (*диссертации* – Э.К.), тем более, что, несмотря на обилие последующей литературы об эстетике Белинского, кое-что из того, что было сказано в моей рукописи, до сих пор не получило развития»¹⁵³.

*

В 1930-е годы Македонов полностью доверял политике Сталина, благодаря которой, как ему казалось, страна быстро двигалась вперёд по пути создания нового социалистического общества. В Сталине он видел преемника Ленина, а в очевидных «перегибах», крайних мерах насильственной коллективизации, как и многие в то время, винил главным образом местные власти. «<...> никто из нас, – вспоминал Македонов, – не знал, что творилось уже тогда в застенках МВД. И мы даже были готовы поверить в заговор. Во всяком случае, нам казалось, что Киров убит кем-то без ведома Сталина и что в этом могли быть замешаны оппозиционеры»¹⁵⁴.

Македонову не могло прийти в голову, что в нём могут заподозрить «врага народа», поэтому к начавшейся проработке сначала отнёсся спокойно. Он был уверен в торжестве истины, и поэтому не внял разумному совету знакомого его матери, коммуниста, срочно покинуть Смоленск.

Твардовский искренне сочувствовал другу. В июле 1937 года он писал Александру Беку: «Большая неприятность: Македонова бьют всерьёз, а мне его жалко, настоящий человек, умный и честный, говоря минимально»¹⁵⁵.

Пытаясь добиться справедливости, Македонов в июле 1937 года обратился в РК ВКП (б) с апелляцией и докладной запиской «О положении в ССП Западной области», в которой описывал истинные причины многолетней кампании, организованной против него и Твардовского. Однако развернувшиеся в ближайшее время события не оставили надежд на возможность беспристрастного разбирательства.

Кульминацией травли Македонова стало трёхдневное собрание смоленских писателей. Оно состоялось 17-19 августа 1937 года, через два дня после расстрела Авербаха. На заседание специально были приглашены представитель ССП СССР И.Ф. Жига и следователь НКВД М.Н. Гуревич. Македонов пережил глубочайшее потрясение: товарищи по перу обрушили на него поток обвинений, начиная с упреков в академизме, чрезмерной сложности стиля его работ, необъективности выводов и заканчивая сомнениями в его социальном происхождении. Все замечания сводились к тому, чтобы признать Македонова «наместником» Авербаха в Смоленске, по заданию которого он писал статьи

¹⁵² Баевский В.С. Роман одной жизни... С. 435.

¹⁵³ Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от 13.05.1985 г. [Неопубликованная часть письма] // Личный архив В.С. Баевского.

¹⁵⁴ Македонов А.В. Воркута ты, Воркута... С. 138.

¹⁵⁵ Твардовский А.Т. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 6... С. 313-315.

«троцкистского характера» о В.В. Маяковском, В.П. Ставском и Ф.И. Панфёрове.

Авербах действительно доверял Македонову, в отдельных случаях прислушивался к нему (например, в случае публикации в «Первом альманаше ЗОАПП» стихотворений исключенного из РАПП Твардовского). Македонов действительно написал несколько «заказных» статей, в том числе и очерк по поводу самоубийства Маяковского, напечатанный Авербахом в «Рабочем пути». В нём критик утверждал, что самоубийство поэта не может объясняться только личными причинами, оно связано с его внутренним расхождением с советской действительностью и политикой партии в области литературы. Македонову были поставлены в вину, прежде всего, «ошибки» рапповского периода, которые при желании можно было найти в творчестве большинства смоленских писателей, в прошлом членов ассоциации. Так, прежняя защита Македоновым генеральной линии РАПП, борьба за художественный «метод диалектического материализма» теперь были объявлены враждебными, поскольку предполагали пропаганду лозунгов, осуждённых партией: «одемянивание литературы», «догнать и перегнать классиков», «союзник или враг», теория «революционности буржуазии» и т.д. Обвинения, предъявленные Македонову, касались и его организаторской деятельности: якобы, он сопротивлялся перестройке литературных организаций, решение о которой было принято ЦК ВКП(б) в 1932 году; насаждал рапповскую групповщину; вместе с Твардовским и Марьенковым противопоставлял себя основной массе писательского коллектива. Более того, он защищал «контрреволюционные» произведения (такие, как «Мужичок горбатый», «Путь к социализму», «Страна Муравия» Твардовского, а также «Жигаловщину», «Записки краскома» Марьенкова и др.), чем, по мнению своих противников, пагубно влиял на сознание советских людей. Македонова пытались уличить в антисоветской деятельности: в клевете на вождей партии товарищей Ленина и Сталина¹⁵⁶, в критике «Интернационала» и, конечно, в защите «кулацких» стихов Твардовского. Упоминались и его связи с уже осуждёнными «врагами народа»: Л.Л. Авербахом, С.И. Шейдлиной, Д.М. Мазниным и др.

Македонов был поражён поведением тех людей, с которыми работал бок о бок почти десять лет. Не в силах сдержать своего возмущения, он бросил в лицо присутствующим: «Как вы все морально пали»¹⁵⁷.

21 августа Твардовский провёл весь субботний день на квартире у Македонова. Вместе они думали о том, как дальше выстраивать линию защиты. Поздно вечером, когда поэт ушёл, Македонов был арестован органами госбезопасности¹⁵⁸. Его обвинили в участии в «контрреволюционной авербаховской

¹⁵⁶ Македонова обвиняли в том, что ещё в 1931 году на квартире Твардовского он высказывался против вождей революции. Об этом изначально шла речь в статье «В Союзе писателей неблагополучно» (Большевистский молодец. 1936. 18 сентября (№ 144). С. 4). Однако в последний момент, вероятно, редактор газеты Н. Приходько изъял из статьи упоминания об этом факте.

¹⁵⁷ Цит. по: Звездаева В.А. Пока мы живы... С. 2.

¹⁵⁸ Македонов вспоминал: «Я был арестован 21 августа 1937 г. около 11 часов 30 минут вечера. А за полчаса до этого ушёл от меня Твардовский. Он жил в то время уже постоянно в Москве, но поддерживал связь со Смоленщиной и приезжал на отдых в родные места. На следующий день он узнал о моём аресте и немедленно

группе». Арест был полной неожиданностью для Македонова, уверенного в своей правоте.

«В моём деле при допросе, – вспоминал он позже, – главным пунктом была защита кулацкого поэта Твардовского и его якобы кулацких строчек в “Стране Муравии”, не пропущенных тогда цензурой: “Ох, не били, не вязали, / Не пытали, не пытали, / Ох, везли, везли возами / С детьми и печниками” и т.д.»¹⁵⁹.

Основанием для подобных обвинений были не только статьи и публичные выступления Македонова. В 1937 году к ним добавился ещё один факт. Твардовский решил переиздать в Смоленске «Страну Муравию», восстановив при этом все купюры, сделанные цензурой в первом издании. Македонов поддерживал его в этом намерении, о чём стало известно писательской общественности¹⁶⁰. Опасная затея не удалась. Более того, она стала новым козырем в руках противников Твардовского и Македонова. Сохранилась докладная записка Смоленского областного управления по делам литературы и издательств, адресованная Главлиту РСФСР. В ней разоблачались «кулацкие тенденции» в поэзии Твардовского (в том числе и в «Стране Муравии»), а также обвинялись Тарасенков и Македонов, которые способствовали «протаскиванию кулацких взглядов в литературу». «<...> линия Македонова в литературе, – говорилось в докладной записке, – для нас (именно в свете последних сообщений о разоблачении врага народа Авербаха и его приспешников) ясна с несомненностью. Он, Македонов, берёт под защиту поэтов типа Твардовского, он объявляет Маяковского непролетарским писателем. Несомненно, по прямой указке Авербаха, в апрельском номере “Наступления” <...> за 1932 г., в номере, открываемом постановлением ЦК ВКП (б) “О перестройке литературно-художественных организаций” от 23 апреля 1932 г., Македонов помещает статью “Разбег” <...>. Статью нужно расценивать как подготовку общественного мнения к тому, что и Ставский, и Панфёров никудашные писатели, и отсюда никудашные руководители в сопоставлении с Авербахом». В конце делается однозначный вывод: Македонов – верный сподвижник Авербаха, «главный куритель фимиама вокруг кулацкого поэта Твардовского»¹⁶¹.

Основу уголовного дела Македонова составили протоколы собраний писателей, в том числе и тех, которые состоялись по инициативе НКВД уже после его ареста, – 25, 29-30 августа 1937 года. Смоленские литераторы продол-

уехал в Москву, даже, кажется, улетел. Вечером на следующий день приходили его арестовывать на ту квартиру, где он жил в Смоленске. Но уже не застали. А в дальнейшем, когда органы безопасности пытались переслать сфабрикованное “дело” в Москву, там ему не дал хода Фадеев, тем более что “Страна Муравия” понравилась самому Сталину». См. Стеклов М.Е. Только правда ко двору... С. 3. Вероятно, вовремя предупредить Твардовского об аресте Македонова сумел Е. Марьенков.

¹⁵⁹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 189.

¹⁶⁰ «Вина т. Твардовского, – читаем в “Проекте постановления бюро секции поэтов о Твардовском А.Т.” от 17 сентября 1937 года, – усугубляется тем, что именно Македонов, как заявил т. Твардовский, одобрительно отнёсся к его попытке протянуть эти куски своим сожалением о том, что они не попали в 1-е издание. Твардовский не понял враждебного смысла этого сожаления». См.: Романова Р.М. Александр Твардовский: Труды и дни... С. 136.

¹⁶¹ Цензура в «Стране Муравии» / Публ. Н.Н. Илькевича // Край Смоленский. 1993. № 1. С. 27, 30.

жали клеймить своего бывшего товарища, статьи которого совсем недавно относили к числу достижений писательской организации. Поскольку теперь «подлая двурушническая физиономия» Македонова им стала абсолютно ясна¹⁶², они поспешили исключить его из Союза писателей и потребовали разобраться в поведении литераторов, близких к нему. В частности, речь шла о Твардовском, «всё время ревностно защищавшем врага народа Македонова и пользовавшемся его покровительством». Начали раздаваться призывы искоренить не только «авербаховщину», но и «македоновщину»¹⁶³. В резолюции писательского собрания от 18 сентября 1937 года, принятой по докладу Рыленкова, говорилось о необходимости «быстрейшего разоблачения и ликвидации троцкистско-бухаринской диверсионной деятельности авербаховского агента Македонова и его приспешников Твардовского, Марьенкова, Муравьёва, Тарасенкова, Петрищева и Синельникова»¹⁶⁴.

Твардовский был одним из немногих, кто открыто высказался в защиту Македонова. Из косвенных источников мы знаем, что он не побоялся назвать его своим личным другом¹⁶⁵. «Вы толкали меня в стан врагов, топтали меня, – заявил Твардовский, – а Македонов сделал из меня человека, полезного социализму, удержал меня на этом берегу»¹⁶⁶.

Были и те, кто стремился противопоставить Македонова и Твардовского. Защита его Македоновым, «раздувание» славы преподносилось как намерение «втянуть поэта в группировку»¹⁶⁷.

Вскоре были арестованы и осуждены ещё несколько писателей: В.И. Муравьёв, Е.М. Марьенков, М.С. Завьялов, И.Г. Мандрик. Несмотря на отсутствие близкой связи между ними и даже неприязненные отношения, их дела были объединены в так называемое «писательское дело», которому был присвоен номер дела Македонова – № 7349. Кроме того, в состав «контрреволюционной группы» был включён художник В.П. Власов, малознакомый с другими членами «группировки». Н.Н. Илькевич на основании изученных архивных материалов Управления Федеральной службы контрразведки РФ по

¹⁶² С.М. На собрании писателей // Рабочий путь (Смоленск). 1937. 30 августа (№ 199).

¹⁶³ Павлов Н. Вражеское охвостье в Союзе писателей // Большевицкая молодежь (Смоленск). 1937. 30 августа (№ 124).

¹⁶⁴ Лакшин В.Я. Не пряча глаз // Юность. 1989. № 2. С. 91.

¹⁶⁵ В. Горбатенков на собрании 25 августа, на котором Твардовский уже не присутствовал, заявил: «<...> Твардовский являлся самым близким другом Македонова и даже на последнем собрании, где всеми выступлениями Македонов был единодушно охарактеризован как неразоружившийся троцкист-авербаховец, он, Твардовский, выступил в защиту врага народа Македонова, объявил, что являлся и является его личным другом и требовал от Завьялова привести хотя один такой факт, который бы его убедил в обратном». См.: Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 271.

¹⁶⁶ Соколова Н.В. Перебирая бумаги в старых папках (Тридцатые: Бек, Твардовский) // Вопросы литературы. 2003. № 1. С. 291-313. С. 304. Македонов не помнил, как Твардовский выступал в его защиту: «Как это ни странно, я не помню, чтобы на каком-либо писательском собрании в Смоленске Твардовский меня публично защищал. Может быть, это было на каком-то из собраний в моё отсутствие». См.: Баевский В.С. Смоленский Сократ... С. 189. В.С. Баевский предположил, что такое выступление могло быть в отсутствие Македонова. Уточнить данный факт затруднительно, поскольку не все протоколы писательских встреч сохранились, некоторые из них имеют значительные следы фальсификации. См. подробнее: Баевский В.С. Отзвуки «великого перелома» в Смоленске: А. Твардовский и А. Македонов – сын кулака и враг народа // Отечественная культура и развитие краеведения. Материалы IV Всероссийской научной конференции. Пенза, 2001. С. 42.

¹⁶⁷ Жига И. Что было в смоленском отделении Союза писателей // Литературная газета. 1937. 10 сентября (№ 49).

Смоленской области утверждает, что «основная фигура, на которую делали ставку смоленские чекисты, фабрикуя уголовное дело и сводя в одну контрреволюционную группу вышеназванных литераторов, – Адриан Владимирович Македонов»¹⁶⁸.

Из намеченных жертв не удалось расправиться только с Твардовским, который вовремя успел уехать в столицу. Московские писатели стали предъявлять поэту политических обвинений. Однако от него потребовали отречения от «врага народа» Македонова, на что Твардовский категорически не согласился.

Из материалов дела смоленских писателей, опубликованных и прокомментированных Н.Н. Илькевичем, видно, что следствие велось с явными нарушениями законности.

На допросах Македонов категорически отказался оговорить себя и своих товарищей. Однажды, когда группа следователей стала допрашивать его с пристрастием, он сильно позабавил их: принялся уверять, что им ещё придётся краснеть, выпуская его – честного советского гражданина – на свободу.

Оказавшись в застенках НКВД, люди вели себя по-разному. В переполненной камере, где содержалось около 60 человек, Македонов читал заключенным лекции по истории литературы, рассказывал о Пушкине, рассуждал о проблемах эстетики, критике Белинского. В этих отвлечённых разговорах он находил для себя внутреннюю опору. «Это была большая камера, – вспоминал он, – время от времени битком набивавшаяся. Позиции заключённых были самые разные. Например, одно время туда был посажен зампредоблисполкома Сосин, который доказывал и разъяснял всем сокамерникам, что, если партии нужно инсценировать такие процессы, то нужно слушать партию. В это время был арестован уже почти весь состав местной партийной верхушки, начиная с первого секретаря обкома, большевика с 1905 года, рабочего. Почти все они были расстреляны, в том числе, конечно, и Сосин. Многие, даже большинство, пытались сопротивляться. Их зверски избивали, и после многих избиений, вынужденного стояния по двадцать четыре часа и больше, они тоже, как правило, подписывали то, что требовали следователи. Помню одного из них, кажется, секретаря Бельского уездного комитета партии. Он рассказывал, что, когда во время гражданской войны он в Сибири попал в плен к Колчаку, его жестоко избивали, но он ни в чем не признавался. Но беда, говорил он, в том, что там били чужие, я знал, что это враги, а здесь же свои, я же их, мерзавцев, всех лично знаю, был с ними на “ты”. И вот они мне вбивали: ты должен признаться, это нужно партии»¹⁶⁹.

Македонов признательных показаний не дал. Он доказывал сокамерникам, что во всём происходящем есть какая-то ошибка, какие-то злоупотребления, про которые Сталин не знает. И если массово будут осуждаться те, кто не признал своей вины, то Сталину это станет каким-то образом известно, и он восстановит справедливость.

¹⁶⁸ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 224.

¹⁶⁹ Македонов А.В. Воркута ты, Воркута... С. 142.

Македонов считал, что отчасти ему повезло со следователем. Марк Гуревич был человеком образованным, закончившим вуз, но главное – предпочитал обходиться без зубодробительства, хотя порой не брезговал и этим испытанным методом. Македонова на допросы он вызывал редко и вёл себя с ним «достаточно корректно». На одном из допросов Гуревич просил Македонова охарактеризовать Завьялова, которому сам, видимо, сочувствовал. Македонов заявил, что ничего контрреволюционного в его поведении не было и что дело, заведённое на них, «липовое». Взысканий не последовало даже тогда, когда Македонов во время последнего допроса отказался расписаться в том, что читал заключение о завершении следствия.

24 января 1938 года следствие по «Делу смоленских писателей» было завершено. 9 февраля в Москве на заседании Особого совещания НКВД СССР Македонов за участие в антисоветской группе и «контрреволюционную троцкистскую деятельность» был приговорён к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Он уличался показаниями осуждённых с ним по делу В.И. Муравьёва, М.С. Завьялова, И.Г. Мандрика и свидетелями: В.Е. Горбатенковым, В.В. Смолиным, С.Т. Ходкевичем, Н.И. Рыленковым, Д.Д. Дорошенковым, А.И. Васенченковым.

*

Македонов никогда не терял врожденного оптимизма и глубоко верил в возможность добиться справедливости в советской стране. И первое, что он сделал, выменяв на сахар свиток жёлтой оберточной бумаги, начал тайно писать письмо товарищу Сталину, желая просветить генерального секретаря партии о тех ужасных преступлениях, которые творятся вокруг: невинных толпами сажают в тюрьмы, расстреливают, в органы внутренних дел проникли люди недостойные, злоупотреблявшие своей властью. Он писал не о своей трагической судьбе, а о людях, с которыми сидел в тюрьме, шёл по этапу. Во время одного из обысков это длинное послание было у него изъято. Зная, что письма на имя Сталина никто не имеет права выбрасывать, он попытался оказать сопротивление. Один из конвоиров приказал ему отойти в сторону, но кто-то крикнул из толпы заключенных, что этого делать нельзя. «При всей своей наивности я понял, – вспоминал Македонов, – что конвоир меня пристрелит, приписав мне попытку к бегству. Интересно, что в его интонации я даже не почувствовал злобы, был скорее оттенок презрительной жалости, с которой он меня бы ухлопал. Но я отказался отойти с дороги. Конвоир напустил на меня овчарку, а большая часть этапа продолжала стоять. Овчарка разорвала мою шерстяную куртку, последнее из вещей, приготовленных женой. Разорвала до шеи, так, что я слышал лязганье зубов. Шея была обнажена. Но всё же собаке не была дана команда перегрызть мне горло»¹⁷⁰. Всё закончилось благополучно: толпа этапников зашумела, и комендант, предварительно избив Македонова палкой, приказал связать его и погрузить на подводу. Так он и прибыл в поселок Усть-Воркута.

¹⁷⁰ Там же... С. 147.

Македонов не оставлял надежды добиться оправдания. Ему удалось отправить жалобу на имя Прокурора СССР А.Я. Вышинского с детальным опровержением всех пунктов предъявленного ему обвинения.

Близкие Македонова, его мать Екатерина Львовна и верная спутница жизни Раиса Абрамовна, предприняли невероятные усилия, чтобы добиться его освобождения. Неоднократно они обращались в различные инстанции с просьбой о пересмотре дела.

Екатерина Львовна ездила в Москву, обивая пороги прокуратуры, с трудом попадая на приём к каким-то прокурорам, депутатам Верховного Совета и пр. Она везде твердила о невиновности сына. Каждое занятие в техникуме, где преподавала английский и немецкий языки, она начинала с того, что говорила о безобразиях в судебной системе, о несправедливости по отношению к её сыну, заявляла, что погибнет, но добьётся его освобождения. В результате, в начале июня 1938 года Екатерина Львовна сама попала в застенки НКВД. До Македонова, уже после его освобождения, дошёл рассказ тюремщика о том, как во время одного из допросов, не выдержав оскорблений и попыток заставить её дать ложные показания на сына, Екатерина Львовна бросила в следователя чернильницу и была тотчас застрелена. По официальной версии она была приговорена к расстрелу. И если верить Марку Гуревичу, Екатерину Львовну осудили за участие в контрреволюционной эсеровской организации, якобы называвшей себя «Крестьянским союзом».

Спустя полвека, в 1988 году, Екатерина Львовна Македонова была реабилитирована.

В личном архиве Македонова сохранились копии квитанции о приёме ценностей и вещей арестованной Е.Л. Македоновой и опись её имущества, в которой рядом со старым книжным шкафом, железной кроватью с пружинным матрацем, старым одеялом, ситцевым платьем значатся детские брюки, банки, логарифмическая линейка. Всего 42 наименования. В расписке о выдаче вещей осуждённой указаны только «1) зимнее пальто б/у, 2) одеяло зелёное одно, 3) телогрейка рваная, 4) посуда, 5) тёплый свитер – один, 6) старое осеннее пальто»¹⁷¹.

Найти место захоронения матери Македонову не удалось. Надгробный памятник он поставил ей на кладбище в деревне Русилово Смоленского района, где похоронена его бабушка.

Весной 1939 года в результате настойчивых обращений первый спецотдел НКВД СССР поручил сотрудникам УНКВД по Смоленской области провести дополнительное расследование по делу Македонова (10 марта – 13 мая). Поскольку смоленские чекисты, проводившие следствие, продолжали собирать материалы исключительно с обвинительным уклоном, было дано заключение о законности привлечения Македонова к уголовной ответственности и нецелесообразности пересмотра решения Особого Сопещения.

¹⁷¹ Квитанция о приёме ценностей и вещей арестованных, акт (опись) имущества, расписка о выдаче вещей осужденной Македоновой Екатерины Львовны (1938) [1980-е] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 744. Оп. 1. Д. 274. Л. 3.

Поток жалоб в Прокуратуру СССР и в прокуратуру Смоленской области от смоленских литераторов, осуждённых по одному делу с Македоновым, и их родственников, не прекращался¹⁷².

В апреле 1939 года в борьбу за освобождение Македонова, рискуя собственным благополучием, включились Твардовский и Исаковский. Их вдохновило заявление Македонова на имя А.Я. Вышинского, копию которого им передала Раиса Абрамовна. Они решили в свою очередь тоже обратиться к смоленскому прокурору с просьбой разобраться в деле молодого литератора, одарённого человека, который, по их мнению, стал «жертвой невнимательного следствия или злобной клеветы»¹⁷³.

Помимо того, Исаковский ещё дважды самостоятельно обращался в прокуратуру Смоленска с просьбой восстановить справедливость в отношении Македонова¹⁷⁴. По свидетельству В. Лакшина, Твардовский тоже собирался обратиться с подобным ходатайством в центральные правовые инстанции, понимая, что на областном уровне дела «врагов народа» пересматривались плохо, но не осмелился этого сделать¹⁷⁵.

В те годы подобное вмешательство в судьбу политического заключённого было чрезвычайно опасным. Но оно возымело действие, и уже осенью 1939 года было назначено второе дополнительное расследование, которое вновь было поручено сотрудникам УНКВД по Смоленской области. В результате его выводы остались прежними.

Отличительной особенностью второго доследования было проведение литературной экспертизы работ Македонова. Однако её заключение вряд ли могло быть объективным, в состав экспертной комиссии входил профессор П.М. Соболев, которого Македонов в своё время критиковал за вульгарный социологизм.

Осенью 1940 года было назначено третье доследование по «Делу смоленских писателей», во многом благодаря настойчивости Раисы Абрамовны Гурвич, которая продолжала посылать жалобы на имя Верховного Прокурора СССР. На этот раз его проводил следователь Прокуратуры СССР, командированный в Смоленск. В ходе расследования было установлено, что никакой контрреволюционной группировки среди смоленских писателей не существовало. Литературная экспертиза, произведенная на этот раз московскими специалистами, ничего антисоветского в статьях Македонова не нашла. К началу 1941 года Македонов и писатели, осуждённые с ним по одному делу, могли

¹⁷² С жалобами о пересмотре «дела смоленских литераторов» неоднократно обращались И.Г. Мандрик, М.С. Завьялов и его жена, В.И. Муравьёв и его отец. См.: Муравьёв В.И. Пасынок судьбы... С. 36-43. Муравьёв в своей жалобе пытался защитить Македонова, которого он невольно оклеветал в ходе следствия

¹⁷³ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 351. К 1939 году общественное положение Твардовского упрочилось благодаря тому, что он был награжден орденом В.И. Ленина. «Став орденоносцем, – утверждает В.Я. Лакшин. – А. Твардовский решил, что настал час помочь Македонову. Он составил письмо в его защиту, подписал сам и понес подписывать Исаковскому». См.: Лакшин В.Я. Не пряча глаз // Юность. 1989. № 2. С. 89-91. С. 91.

¹⁷⁴ Среди архивных материалов М.В. Исаковского, хранящихся в РГАЛИ, находятся ответы Смоленской областной прокуратуры на его письма в защиту Македонова. См.: Исаковская А.И. Письмо в редакцию [По поводу статьи В.Я. Лакшина «Не пряча глаз»] // Юность. 1989. № 6. С. 94.

¹⁷⁵ Лакшин В.Я. [Ответ на письмо А. Исаковской] // Юность. 1989. № 6. С. 94.

быть реабилитированы. Адвокат, которому по прошению Твардовского передали для составления кассации дело Македонова, позже доверительно говорил поэту: «Македонов ни в чем не виноват. Его бы, может, и выпустили по вашей просьбе, да беда та, что по этому делу проходит ещё человек шесть и все невиновны, дело высосано из пальца <...>»¹⁷⁶. По мнению Н.Н. Илькевича, «война помешала органам прокуратуры поставить точку в “деле смоленских писателей”». Читая документы дополнительного расследования, которое проводилось Смоленской областной прокуратурой в октябре – декабре 1940 года, приходишь к выводу, что необоснованность и незаконность ареста и осуждения смоленских литераторов могла легко быть доказана уже в 1941 г. Все симпатии прокурорских работников были на стороне писателей и их родственников. И только упорное сопротивление УНКВД, бессовестно защищавшего Марка Гуревича и “честь мундира”, возводившего на каждом шагу к истине труднопреодолимые препятствия, сорвали попытку прокуратуры вернуть честное имя безвинно пострадавшим»¹⁷⁷.

§ 2. Воркутинский период (1938 – 1960)

2.1. Воркутлаг.

Восемь с половиной лет (11 июня 1938 – 28 марта 1946) Македонов провёл в заключении, отбывая срок в Заполярье, в Воркутинском лагере. В 1938 году в нём находилось более пятнадцати тысяч заключённых. А в 1943-м, когда срок Македонова начинал приближаться к концу, рабочий посёлок Воркута, основное население которого находилось за колочей проволокой, стал городом республиканского подчинения. В каждой зоне было 15-20 бараков, в них содержались от 100 до 200 человек. В 1945 году количество заключённых Воркутлага возросло до шестидесяти тысяч человек.

Постепенно Македонов осознал, что стал жертвой хорошо продуманной государственной политики, направленной на планомерное уничтожение людей. Он понял, что должен противостоять сталинской системе, но не активным образом – это был бы кратчайший путь к гибели. «Я не могу сказать, – признавался Македонов в одном из интервью, – будто боролся со злом, как должно бороться, <...> я уклонялся от зла и старался жить не по лжи. <...> уходил в себя, или как говорит один из героев Вольтера, – возделывал свой сад»¹⁷⁸.

Вначале Македонова использовали только на самых тяжёлых общих работах, поскольку у него не было никакой «лагерной квалификации», затем он был направлен в угольную шахту, где условия труда были почти невыносимыми. Недавнему литератору приходилось каждый день в течение десяти часов крутить ручку вентилятора для разгона выхлопных газов, что даром не прошло: до конца жизни Адриан Владимирович страдал от хронического бронхита, сократившего его жизнь.

¹⁷⁶ Лакшин В.Я. Не пряча глаз... С. 91.

¹⁷⁷ Муравьёв В.И. Пасынок судьбы... С. 43.

¹⁷⁸ Кабалкин Г. Сад в Воркуте [Интервью с А.В. Македоновым] // Литератор (Ленинград). 1991. № 4(58). С. 8.

Выполнить высокие нормы Македонов зачастую был не в силах и завидовал соседу по бараку – туберкулёзнику, который из-за высокой температуры мог не выходить на работу, а читать книги.

Удивительно, но среди лагерников ходили книги – художественные, исторические. По слухам, они принадлежали расстрелянным ранее политзаключённым. Постепенно среди зеков образовался круг читателей-книголюбов, у каждого из них, в том числе и Македонова, был свой обменный книжный фонд. Надзиратели книг не отбирали, заключённым категорически запрещалось иметь только труды Маркса и Ленина.

Блестящее знание художественной литературы спасло Македонова от издевательств уголовников, к которым однажды его намеренно подселили в барак. Он умел «рассказывать романы». «Возможно, даже что-то из Пушкина»¹⁷⁹. Так профессиональные знания, наконец, пригодились лагернику.

Македонов старался не падать духом: «Так ведь цвет страны находился в лагерях, – вспоминал он, – мы прошли такие университеты, под одеялом, читая друг другу лекции по всем мыслимым разделам человеческих знаний»¹⁸⁰.

В лагере Македонов познакомился с Сергеем Малаховым, в прошлом тоже литературоведом, критиком и пролетарским поэтом. Он считал, что приобретённый опыт пробудил в нём искру настоящей поэзии: Малахов написал трагедию в стихах «Филоктет» о греческом герое, несправедливо заподозренном греками в измене. Парадоксально, но после освобождения судьба их вновь свела. Они встретились в Ленинграде, где Малахов стал сотрудником Пушкинского Дома, а Македонов сотрудником ВСЕГЕИ.

Выжить в лагере, по собственному признанию Македонова, ему помогли всё-таки не книги и не беседы о литературе, а поддержка жены (вплоть до начала войны он получал от неё посылки), а ещё лагерного хлебореза, с которым когда-то поделился едой. «Заячий тулупчик» помог избежать голодной смерти.

Понимая, что обезопасить себя от дальнейших репрессий, он сможет, только став «полноценной трудовой единицей», Македонов сначала вошёл в группу лагерных ассенизаторов, а затем поступил в школу коллекторов.

В 1930-е годы Печорский угольный бассейн только осваивался, поэтому заключённых использовали на геологических работах. Была острая нужда в специализированных кадрах, поэтому в лагере организовали школу коллекторов. И поскольку уголовники и вольнонаёмные в неё не шли, было решено «допустить» к испытаниям политических. Македонов не упустил этой возможности. «А я кончил, – вспоминал он, – в своё время очень хорошую среднюю школу – и, хотя потом получил филологическое образование, синус от косинуса отличить умел. И решил использовать этот шанс. Голова была молода и свежа, занимался я усердно, да и учителя тогда на Севере были первоклассные

¹⁷⁹ Македонов А.В. Воркута ты, Воркута... С. 154.

¹⁸⁰ Звездаева В.А. Пока мы живы... С. 2.

<...>. Сдал экзамен на техника-геолога, потом – на инженера-геолога, хотя не имел тогда специального высшего образования»¹⁸¹.

1938 годом в документах Македонова датируется перевод на должность техника-геолога «Воркутауголь» (официально используемое «открытое» название «Воркутпечстроя» НКВД).

Македонову крупно повезло. Начальником геологоразведочного отдела (ГРО), в котором он работал, оказался Константин Генрихович Войновский-Кригер – человек энциклопедических знаний, обладающий богатым практическим опытом и организаторским талантом. В условиях лагеря он сумел создать научную школу, продолжавшую традиции петербургской (ленинградской) геологической школы. Именно он организовал школу коллекторов, в которой читал лекции по общей геологии, тектонике, стратиграфии, палеонтологии¹⁸². Войновский-Кригер выделил Македонова ещё на коллекторских курсах, где он проявил себя лучше других, и направил его интересы в область геологии.

Вторым человеком, определившим судьбу Македонова стал Григорий Александрович Иванов – кандидат геолого-минералогических наук, в 1941 году в составе большой экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского института (ВСЕГЕИ) приехавший в Печорский бассейн. Под его руководством Македонов стал заниматься литологическими исследованиями угленосных отложений Воркутинского месторождения.

Ещё будучи заключённым, Македонов начал вести научные исследования. Он взялся за изучение теоретических вопросов угольной геологии, которые до него в мире почти никто не разрабатывал, и подошёл к своему первому научному открытию. Македонов обратил внимание на конкреционные образования в угленосных отложениях, которые ранее не привлекали серьёзного внимания учёных и отмечались лишь попутно, как образования неизвестного происхождения¹⁸³. Впервые результаты литологических исследований Македонов опубликовал в 1947 году, хотя они были достигнуты в начале 1940-х¹⁸⁴. Уже тогда Македонов нашёл подход к изучению и использованию конкреций как литологического коррелятивного признака, тем самым положив «начало разработке советскими литологами конкреционного анализа как особого раздела литологии и особого литолого-стратиграфического метода со своим объектом

¹⁸¹ Фоянков И.О. И снова пора надежд?... С. 9.

¹⁸² Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Войновский-Кригер. 1894-1979. М.: Наука, ЛО, 1968. 382 с.

¹⁸³ Иванов Г.А. Отзыв о работах геолога Геологоразведочного Управления Комбината «Воркутауголь» МВД – А.В. Македонова // Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 389.

¹⁸⁴ Македонов А.В. Литологические исследования в Воркутском угольном месторождении Печорского бассейна: Отчёт за 1941 г., часть III // Известия Главного управления геологических фондов Мингео СССР. 1947. Вып. 4. С. 75-77. В автобиографии, хранящейся в архиве ВСЕГЕИ, Македонов указал 1947 год как начало публикаций своих научных работ по геологии, литологии, геохимии и географии.

исследования и специфической методикой»¹⁸⁵. Зарубежные седиментологи подошли к созданию подобной методики только сорок лет спустя¹⁸⁶.

В прошлом смоленский критик, историк литературы становится лидером нового научного направления в геологии. В последствие он навсегда свяжет свою жизнь с этой наукой, в которой увидел нечто близкое филологическим изысканиям. По собственному признанию, изучение горных пород напомнило ему анализ лирического текста: «скрупулёзное исследование этих пластов было уже как бы подготовлено детальным изучением стихов, то есть тем, чем я занимался на воле»¹⁸⁷. Но по сравнению с литературоведением геология имела неоспоримое преимущество. «Понимаете, – пояснял Македонов, – геологию нельзя обмануть. Даже КПСС бессильна назвать известняк как-либо иначе»¹⁸⁸.

Так в тяжелейших обстоятельствах раскрылся характер этого человека. Научный склад его ума нашёл себе применение и в ГУЛАГе. Македонов был настолько незаурядной и многогранной личностью, что, где бы он ни жил – в Смоленске, в Воркуте, позже в Ленинграде, – к нему прочно прикреплялось прозвище «Сократ»¹⁸⁹.

Официально Македонова должны были освободить 21 августа 1945 года. Но в действительности после окончания срока заключённых редко выпускали сразу, необходимо было дождаться «особого распоряжения» на их счёт. Благодаря вмешательству Твардовского, Македонов «пересидел» только шесть месяцев.

28 марта 1946 года он получил свободу. Но из Воркуты не уехал.

2.2. «Воркутауголь».

После освобождения Македонов остался работать в тресте «Воркутауголь», теперь в качестве вольнонаемного геолога научно-исследовательского отдела Геологоразведочного управления этого комбината.

В 1948 году, ровно через 10 лет после того, как заключённый Македонов ступил на воркутинскую землю, к нему пришло научное признание. В октябре этого года прекрасный отзыв о его работе дал Г.А. Иванов, на протяжении долгих лет следивший за быстрым профессиональным ростом начинающего геолога. Иванов пришёл к выводу, что «по совокупности проведенных им работ, характеру и направлению Македонов достиг уже ступени, когда ему можно

¹⁸⁵ Зарицкий П.В. Минералогия и геохимия диагенеза угленосных отложений Донецкого бассейна: Автореферат диссертации на соискание степени доктора геолого-минералогических наук. Харьков: ХГУ им. А.М. Горького, 1966. С. 8.

¹⁸⁶ Япаскерт О.В. Основы концепции развития литологических исследований на современном уровне // Сборник научных трудов института геологических наук НАН Украины. 2010. Вып. 3. С. 20-31. С. 22.

¹⁸⁷ Кабалкин Г. Сад в Воркуте [Интервью с А.В. Македоновым] // Литератор (Ленинград). 1991. № 4(58). С. 8.

¹⁸⁸ Бешенковская О.Ю. Рыцари духа // Нева. 1996. № 7. 204-205. С. 205.

¹⁸⁹ См.: Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 181; Бешенковская О.Ю. Рыцари духа... С. 205. Гефтер М. Судьба Хрущёва: История одного неусвоенного урока // Октябрь. 1989. № 1. С. 154-181.

встать в ряды научных работников и защищать диссертацию на соискание степени кандидата геолого-минералогических наук»¹⁹⁰. В том же году литологический метод, открытый Македоновым, был одобрен и рекомендован к широкому внедрению в геологоразведочную практику резолюцией III-ей Геологической конференции Коми АССР, на которой Македонов выступил с докладом. Долгие годы этот метод успешно использовался не только в Печорском, но и в Донецком, Кузнецком, Карагандинском и других угольных бассейнах¹⁹¹. Высокую оценку метод Македонова получил и в Институте геологических наук (ИГН) АН СССР. Итогом его выступления на заседании Отдела геологии угля ИГН стали одобрительные отзывы о научных успехах Македонова членов-корреспондентов Академии наук СССР Н.М. Страхова и Ю.А. Жемчужникова¹⁹².

В это же время Македонов принимает решение получить второе высшее образование и поступает на заочное отделение географического факультета Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского, которое заканчивает с отличием за два года (1948-1950). В выписке из зачётной ведомости знания Македонова по 26 дисциплинам, включая основы марксизма-ленинизма, высшую математику, географию растений, географию животных, географию почв, иностранный язык, педагогику и пр., были оценены на «отлично»¹⁹³. И лишь по «Физической географии СССР» ему поставили «хорошо». Когда друзья потом, шутя, решили поинтересоваться, почему он так «плохо» сдал выпускные экзамены, Македонов объяснил: «преподавательница географии (а он сдавал ей двадцать третий предмет) не могла поверить, что так может быть. Ей казалось, что его жалеют. Она гоняла сорок минут и торжественно поставила четверку: он не назвал ей какой-то приток Нижней Тунгуски»¹⁹⁴.

А.В. Лапо, автор биографического очерка о Македонове, задаётся вопросом, почему был выбран Саратовский университет, на две тысячи километров отдалённый от Воркуты и не имеющий геологического факультета? Его версия кажется нам вполне убедительной: в другие учебные заведения бывшего заключенного принимать не хотели, а в Саратове благодаря поддержке Г.А. Иванова у него могли найтись сторонники, готовые оказать помощь талантливому геологу¹⁹⁵.

Студент Македонов, чей научный метод к этому времени уже получил широкую известность, в мае 1949 года становится заведующим организованной им литологической лабораторией Коми-Ненецкого Геологического управления в Воркуте. Он консультировал все литологические работы комбината,

¹⁹⁰ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова ... С. 390.

¹⁹¹ Голицын М.В. Адриан Владимирович Македонов // Литология и полезные ископаемые. 1999. № 1. С. 108.

¹⁹² Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова ... С. 390-392, 400.

¹⁹³ Личные документы (дипломы об окончании ВУЗа, кандидата наук, доктора наук, общества «Мемориал» и др.; членские билеты Союза писателей СССР) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 744. Оп. 1. Д. 256. Л. 9-10.

¹⁹⁴ Ясный В.К. Год рождения – девятьсот семнадцатый. М.: ИНТЭК ЛТД, 1997. 126 с. с. 70.

¹⁹⁵ Лапо А.В. Метаморфозы Адриана Македонова // Литология и геология горючих ископаемых / Ред. Алексеев В.П. и др. Вып. III (19). Екатеринбург, 2009. С. 218-254. С. 230.

проводимые в Печорском бассейне. Кроме всего прочего, вёл и другие геологические исследования. Македонов проработал здесь до 1961 года, занимая разные должности. Их подробный перечень добросовестно указаны в его автобиографии, хранящейся в ГАСО (См. Приложение 2).

Все эти годы рядом с ним была его верная жена. При первой же возможности Раиса Абрамовна воссоединилась с Адрианом Владимировичем. Несколько лет она проработала в должности директора семилетней школы № 3 города Воркуты (1946-1950), преподавала там русский язык. Их единственная дочь Элиза была тяжело больна, поэтому осталась жить в Смоленске на попечении родственников.

*

Семью Македоновых подстерегало новое испытание. В январе 1952 года возникла угроза повторного ареста Македонова. На основании директивы министерства государственной безопасности (МГБ) и Прокуратуры СССР № 66/241 – СС от 26 октября 1948 года об обязательном повторном аресте бывших заключённых и ещё отбывавших наказание и осуждения их по тем же статьям воркутинские чекисты стали готовить материалы на Македонова. По мнению Н.Н. Илькевича, избежать нового ареста Македонову помог некий тайный влиятельный покровитель из числа работников МГБ Коми АССР, который поддержал его в очередной попытке реабилитации. Македонов предполагал, что с некоторым опозданием сыграло свою положительную роль также ходатайство Твардовского и Исаковского. С горечью он писал: «Ни Твардовский, ни Исаковский больше обо мне не хлопотали, и Твардовский ничем не помогал моей семье (только Р.А.), – но всё-таки его заявление может быть чем-то помогло мне в дальнейшем, хотя я отсидел даже не 8, а 8,5 лет. Впрочем, могло помочь, когда я стал геологом, и местное геологическое начальство ходатайствовало (в связи с новинкой, которую мне удалось разработать) о снятии с меня судимости. И с меня она была снята ещё в 1952 г. при жизни Сталина, когда многим повторно <...> давали сроки, несмотря на то, что они работали уже как вольнонаёмные. Помогло и то, что я после освобождения не уехал из Воркуты, а увлёкся своей новой профессией»¹⁹⁶. Так или иначе, но окончательное заключение органов госбезопасности предписывало вышеупомянутую директиву МГБ и Прокуратуры СССР в отношении Македонова не применять, «а взять последнего в агентурную разработку»¹⁹⁷.

На снятии судимости Македонов не остановился. Для него было важным снять с себя незаслуженное обвинение в контрреволюционной деятельности. Наконец, 20 апреля 1955 года, до начала первой волны реабилитации «врагов народа», вызванной XX съездом партии, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР полностью реабилитировала Македонова и других

¹⁹⁶ Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от ноября-декабря 1988 года // Личный архив В.С. Баевского.

¹⁹⁷ Илькевич Н.Н. Адриан Македонов: несостоявшийся арест 1952 года // Русская филология. Учёные записки СПбГУ. Смоленск, 2001. С. 90-97. С. 95.

смоленских писателей, осуждённых вместе с ним. Не все они дожили до этого дня¹⁹⁸.

Накануне этого важного события, в 1954 году, в Институте геологических наук АН СССР (Москва) Македонов под научным руководством академика Н.М. Страхова с успехом защитил кандидатскую диссертацию «Конкреции воркутской свиты (опыт применения конкреций для изучения осадочных пород)». Защита запомнилась настоящей дискуссией: «Один из оппонентов, крупнейший учёный, академик, безусловно, признавая совершённое диссертантом, сделал несколько замечаний. Впрочем, это укоренившаяся традиция. Таков стандарт отзывов. После этого диссертанту полагается в заключительном слове (кратком) благодарить оппонентов, дать обещание учесть замечания. Никаких дискуссий. Но случилось небывалое: диссертант говорил более получаса, разъяснив, в чём не прав уважаемый академик. Тот извинился и снял замечания»¹⁹⁹.

Реабилитированный Македонов, получивший учёную степень кандидата геолого-минералогических наук, мог покинуть Заполярье, но геологические исследования продолжали удерживать его в Воркуте.

2.3. Возвращение к литературной работе.

Через годы лишений и испытаний Македонов пронёс любовь к литературе и никогда не допускал для себя возможности навсегда расстаться с филологией. После освобождения из лагеря в первом письме к Твардовскому в августе 1946 года он интересуется, «есть ли какая-нибудь возможность для меня опять заниматься литературной наукой. Здесь я получил вторую специальность, которая тоже увлекла меня, но всё-же Пушкин и Белинский и сейчас остаются во мне, и невозможность заниматься тем делом, к которому я готовился всю молодость и к которому я больше всего привязан, мучает меня чрезвычайно, м.б. больше всего остального. Мне кажется и сейчас, что я ещё успел бы кое-что дать родной стране в этой области»²⁰⁰. В письмах к поэту Македонов не раз возвращался к этой теме, просил прислать ему в Воркуту список работ по истории литературы, критике, эстетике, понимая, что за годы заключения значительно отстал от современной науки. Он делился с Твардовским и своими замыслами: «я бы очень хотел <взять> в разработку вопрос истории литературы, эстетики <...>. В своей книге о Белинском, которую я чертовски хочу восстановить (рукопись ранняя погибла), я впервые попытался показать русский революционно-демократический реализм как особую ступень художественного развития человечества, подготавливавшую социалистический реализм. Уже здесь мной была задумана, частично обдумана книга о гегелевской эстетике. Давно задумана также книга о Пушкине. Наконец, задуман ряд научных работ, в частности о лирике Некрасова. Например, мне хотелось бы скру-

¹⁹⁸ Михаил Завьялов умер на этапе в 1938 году, Владимир Муравьёв ушёл из жизни в марте 1952 года в городе Тайшет Иркутской области, где после освобождения работал учителем средней школы.

¹⁹⁹ Ясный В.К. Год рождения – девятьсот семнадцатый. М.: ИНТЭК ЛТД, 1997. 126 с. С. 70.

²⁰⁰ Македонов А.В. «Здесь я получил вторую специальность...»... С. 303.

пулезно разобрать “Размышления у парадного подъезда” и показать его значение как нового типа лирического стихотворения. <...> Мои занятия естествознанием натолкнули меня на ряд мыслей по линии взаимоотношения научного и художественного мышления и специфики того и другого. Одним словом, я полон стремления к деторождению и несмотря на свою новую привязанность к методам геологии, хочу рожать и гуманитарных детей»²⁰¹.

В разных источниках указываются разные годы возвращения Македонова к литературной работе. В его автобиографии, хранящейся в ГАСО, сказано, что «после перерыва в 1937-1956 гг. вновь стал печататься как литературовед и литературный критик, в общей сложности опубликовал более 200-х работ по этой специальности, в том числе 5 книг»²⁰². Однако первая литературная публикация, которую нам удалось обнаружить, появилась в «Литературной газете» только в 1957 году, ровно через двадцать лет после ареста и через десять лет после освобождения. Сам Македонов характеризовал её как «опыт возобновления литературной работы, выступлений в печати»²⁰³. Её появлению, очевидно, помогло восстановление Македонова в Союзе писателей СССР в 1957 году. Для него это было очень радостное и долгожданное событие. «Отчаянный оптимист», Македонов надеялся, что эта организация станет, наконец, союзом личностей, а возглавят её люди с высоким литературным и гражданским «рейтингом».

Первая после двадцатилетнего перерыва вышедшая в свет статья Македонова посвящена проблеме новаторства Николая Рыленкова²⁰⁴. В 1930-е годы Македонов писал о нём только в контексте литературной группы «Сквозная бригада»²⁰⁵, но в своих докладах не раз анализировал произведения поэта. Выступая на первом съезде писателей Западной области критик положительно отозвался о стихотворении «Твой путь», увидев в нём удачное продолжение традиций некрасовской поэзии о женской доле²⁰⁶. Зарождавшиеся дружеские и творческие отношения в начале 1930-х годов были прерваны: поэт и критик оказались по разные стороны баррикад в литературных дискуссиях, зачастую связанных с именем Твардовского. Рыленков оказался причастен и к исключению Македонова из Союза писателей, его осуждению. В 1955 году у Македонова и Рыленкова завязалась переписка. В одном из писем поэт признавался: «Я искренне и от всей души рад, что, наконец, кончилась вся эта весьма неприятная история, которая мучила не только тех, кто пострадал, как ты, но и всех честных людей, кто, так или иначе, был задет ею. Очень хорошо, что ты поставил на ней крест, хотя я понимаю, как это нелегко»²⁰⁷. Рыленков регулярно присылал Македонову свои стихи. И в 1956 году на свой воркутинский

²⁰¹ Там же... С. 304.

²⁰² Македонов А.В. Автобиография 1987 // ГАСО... Л. 2.

²⁰³ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 221.

²⁰⁴ Македонов А. Черты новаторства // Литературная газета. 1957. 23 июля. С. 3.

²⁰⁵ Македонов А.В. Сквозная бригада // Наступление. 1932. № 1. С. 68-78.

²⁰⁶ Македонов А.В. Поэтический участок областной литературы... С. 109.

²⁰⁷ Рыленков Н.И. Письмо к А.В. Македонову 1955 года // Архив литературного музея Смоленского государственного университета. Ф. 10. Оп. 1. Папка 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

адрес Македонов получил книгу «Стихотворения и поэмы» (М., 1956), в которую вошли лучшие произведения поэта за тридцать лет. Порадовавшись творческим удачам Рыленкова, Македонов был огорчён тем, что критика писала о нём мало, к тому же недооценивала. Он откликнулся рецензией «Черты новаторства», несколько раз безуспешно пытался её опубликовать, пока не обратился за помощью к Исаковскому. В письме к старшему товарищу Македонов просил оценить свой труд: после долгой «отвычки» от литературной работы он не был уверен и в её качестве. Исаковский воспринял статью как «хорошую» и сам направил её рукопись в «Литературную газету» вместе с сопроводительным письмом, в котором объяснял целесообразность публикации. В итоге в июне 1957 года в центральной прессе появилась статья Македонова, почти сразу в дополненном виде она была перепечатана в альманахе «Литературный Смоленск» (См. Приложение 1). Рецензия Македонова – это не «размышление по поводу». Перед нами научный анализ поэтики Рыленкова. По традиции тех лет, отметив соответствие канону социалистического реализма, критик сосредотачивается на характеристике творческой индивидуальности поэта («неповторимой интонации, порой до прозаичности разговорной, деловой, даже иногда чуть-чуть иронической, и в то же время напряжённой, взволнованной, глубоко сердечной, переходящей в интонацию воодушевлённого, драматизированного рассказа непосредственного очевидца и участника»²⁰⁸; продуманности, скульптурной пластичности и строгой чёткости композиционного строения лирического текста; в то же время обилие литературных реминисценций, «красивостей», заслоняющих красоту реальной природы). Статья доказывает, что критерии оценки художественного текста у Македонова в основном остались прежними. Наиболее существенными требованиями для него были содержательность формы, пафос всеобщего стремления к счастью, индивидуальный авторский стиль.

Рыленков был признателен Македонову: «у нас совсем разучились писать о поэзии. Многие критики наши ведут себя по отношению к поэтам как плохие педагоги, поучают и выставляют отметки по известным стандартам. Если поэт не укладывается в эти стандарты – они не знают, что с ним делать и обходят его молчанием. Я к этому уже давно привык. Ко мне только в самое последнее время критики стали относиться ласково. Но серьёзно разобраться в моих стихах, – писал он Македонову, – ещё никто не пробовал. Твоя статья первая ставит некоторые существенные вопросы, связанные с характером моей поэзии. И я с тобой во всем согласен»²⁰⁹.

Поэзии Рыленкова Македонов посвятит несколько работ. До сих пор они остаются авторитетными для современных исследователей²¹⁰.

*

²⁰⁸ Македонов А.В. Черты новаторства // Литературная газета. 1957. 23 июля. С. 3.

²⁰⁹ Рыленков Н.И. Письмо к А.В. Македонову от 27.07.1957 г. // Архив литературного музея Смоленского государственного университета. Ф. 10. Оп. 1. Папка 1. Ед. хр. 4. Л. 4.

²¹⁰ Сумина Т.Н. Художественная культура как информационная система: мировоззренческие и теоретико-методологические основания. **Автореферат** диссертации на соискание степени доктора философских наук, Москва, 2006; Сивцова А.А. Имена собственные в лирике Н.И. Рыленкова. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Калининград, 2008. И др.

Продолжились и творческие отношения Македонова с Исаковским, который при каждой возможности, «как всегда деликатно, полушутливо подталкивал меня (*Македонова*. – Э.К.) к новому повороту в жизни и возвращению к литературному труду»²¹¹. Их переписка возобновилась в мае 1956 года после того, как Македонов обратился за поддержкой в публикации статьи о Рыленкове. Во время первой поездки из Заполярья на «большую землю», которую Македонов сравнил с путешествием на машине времени, они встретились на московской квартире поэта. После долгой беседы критику захотелось вновь написать об Исаковском. Изучая литературу о нём, Македонов пришёл к выводу, что, несмотря на поток хвалебных отзывов, вклад Исаковского в развитие русской поэзии до конца не оценён: «Прежде всего за разговорами о прекрасных его традициях не была, как мне казалось, выявлена та новизна, которая так бросилась мне ещё в те старые смоленские годы и теперь выступила ещё яснее»²¹². Исаковского часто изображали и тогда и потом поэтом очень традиционным, новизна его стихов воспринималась как продолжение Некрасовской традиции, несколько обогащённый опытом есенинского лиризма и своеобразного юмора. Сам Исаковский, будучи человеком самокритичным, никогда не претендовал на статус поэта-новатора.

Исправить положение критик постарался в статье «Красота простоты», которая в 1958 году увидела свет в газете «Литература и жизнь», печатном органе правления СП РСФСР, теперь уже при поддержке Рыленкова. Анализируя лирику Исаковского, Македонов пришёл к выводу о возникновении нового типа лирического стихотворения, связывая это, во-первых, с особой мелодией стиха, в которой «сплавляются» разговорная, ораторская, песенная и даже «романсовая» интонации, во-вторых, с сочетанием прямого повествования, сюжетности лирического рассказа или очерка, обобщённых исторических характеристик, элементов лирического сказа; в-третьих, со слиянием авторского «я» и коллективного героя без потери неповторимой индивидуальности. Это положение затем будет развито Македоновым, в конечном счёте он придёт к выводу о радикальных изменениях природы лирического текста в творчестве советских поэтов. У истоков этого процесса, по его мнению, стоял Исаковский. В отличие от большинства критиков, отмечающих в поэзии Исаковского лишь «простоту», «бесхитрость» слога, Македонов видит талант поэта в умении «выбрать, поднять и воспеть в жизни главное, назвать его с неповторимой точностью, краткостью»²¹³, и простоту стихов он связывает не с упрощённостью или элементарностью, а, повторяя слова Белинского, с «красотой истины».

Исаковский остался доволен работой Македонова. Поблагодарив критика, он попросил написать вступительную статью для готовящегося к публикации двухтомного собрания своих сочинений. Но несмотря на желание поэта, двухтомник вышел в 1959 году без вступительной статьи. «И опять, – вспоми-

²¹¹ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 219.

²¹² Там же... Л. 225.

²¹³ Македонов А.В. Красота простоты // Литература и жизнь. 1958. 21 сентября. С. 3.

нает Македонов, – я почувствовал не столько желание иметь именно мою статью о нём, сколько желание помочь мне таким путём скорее вернуться в активный литературный процесс»²¹⁴.

Сохранилось письмо Твардовского к Македонову, в котором поэт высоко оценивает «Красоту простоты»: «Мне очень по душе постановка вопроса об Исаковском как новаторе и в своих пределах первооткрывателе, чьё место в советской поэзии на поверку куда значительнее, чем то, какое обычно отводят ему, называя “поэтом-песенником” <...>. И статья твоя хорошая, дельная, как говорили в старину»²¹⁵. В результате в январе 1960 года эта статья в расширенном виде вышла в «Новом мире». В третий раз «Красота простоты» была переиздана в «Очерках советской поэзии» (1960).

*

Как редактор «Нового мира» Твардовский ещё в августе 1958 года предлагал Македонову сотрудничество: «<...> был бы рад видеть тебя – можно было бы поговорить о широких возможностях твоего участия в журнале. Может быть, ты уже имеешь что-нибудь готовое, чтобы предложить нам, можно было бы дать тебе заказ по вкусу, и настроению»²¹⁶. Но он предупреждал, что в журнале существует негласный запрет на публикацию статей о Твардовском, даже упоминания о нём снимаются редколлегией. Такова традиция. «Я тебе даже так скажу, – писал Твардовский по поводу редактирования статьи “Красота простоты”, – что мне приятно, что ты там говоришь обо мне в связи с Исаковским, и приятно будет увидеть эти места восстановленными при издании статьи, скажем, в будущем твоём сборнике, но здесь – нет»²¹⁷. Возможно, поэтому первая после многолетнего перерыва статья Македонова о Твардовском увидела свет в смоленской газете «Рабочий путь». Она была приурочена ко дню рождения поэта²¹⁸. Ровно 24 года назад, в июне 1936-го, именно здесь была опубликована рецензия Македонова на «Страну Муравию».

Творчество Твардовского останется магистральной темой литературных исследований Македонова. Почти в каждой работе он вспоминает о нём, характеризуя как одного из выдающихся поэтов современности, чьё новаторство открывает перспективы для развития советской литературы.

*

Однако исследователь не ограничивался изучением творчества только своих земляков – Исаковского, Твардовского, Рыленкова. В кругу его филологических интересов оказалась поэзия и таких признанных авторов, как Николай Заболоцкий, и совсем молодых писателей, только начинающих свой путь в литературе.

²¹⁴ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 226.

²¹⁵ Твардовский А.Т. Письмо А.В. Македонову от 07.12.1959 г. // Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. ... С. 132.

²¹⁶ Tompson M.O. Tvardovskii's unpublished letters to Makedonov // Criticism of literary translation. RLJ. XLVIII. 1994. Nos. 159-161. S. 193-212. S. 202.

²¹⁷ Твардовский А.Т. Письмо А.В. Македонову от 07.12.1959. // Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6... С. 133.

²¹⁸ Македонов А. Всегда с народом // Рабочий путь. 1960. 21 июня.

В 1958 году на страницах газеты «Литература и жизнь» Македонов вступает в полемику с Д. Максимовым о проблеме традиций и новаторства в лирике Заболоцкого. Македонов вначале согласился со своим оппонентом, утверждавшим, что преодоление поэтики авангарда, движение в сторону реализма помогло Заболоцкому выйти из творческого тупика и развить свой талант. Македонов был сторонником реалистической концепции искусства и искренне полагал, что эстетика модернизма и авангарда может быть интересна в стилистическом применении, но ей не хватает главного – выражения деятельной правды, зовущей к осуществлению общественного идеала.

Определяя своеобразие поэзии Заболоцкого поставангардистского («неоклассического») периода, Македонов опровергал выводы Максимова относительно мотива поиска лирическим героем гармонии в природе, «абстрактно-психологического внеисторического изображения» образов людей²¹⁹ и пр. Исходя из критерия поэзии действительности, её конкретности и пафоса «жизнеутверждающих дорог», Македонов доказывал, что стихи Заболоцкого наоборот отличаются «пафосом высокой внутренней красоты реальных дел и реальных людей нового мира – от его вождей до его детей». Поэтому и «Некрасивую девочку», героиня которой переполнена чувством «рвущейся из сердца вон» «чужой радости», Македонов в отличие от Максимова оценил как подлинный шедевр. По его мнению, Заболоцкий в конце концов нашёл путь к «проникновенной простоте и конкретности», которая венчает развитие художественности. О «зрелом» Заболоцком критик говорит, используя эпитеты в превосходной степени, что совсем не характерно для его манеры. Для Македонова поэзия Заболоцкого «изумительна», а секрет мастерства кроется в «синтезе напряжённого, динамического лиризма и яркой метафорической речи с предметностью, законченной картинностью события и предельной простотой интонации», что освещено «жизнеутверждающей, вырастающей из жизни и ясно выражающей её правдивой тенденцией. В этом сила и страсть Заболоцкого»²²⁰. Впервые мы видим, как в работах Македонова 1950-1990-х годов начинает формироваться концепция синтетического искусства.

В стихах Заболоцкого Македонов видит проявление «старых» мотивов – ощущения непреодолимых противоречий мира в соединении с чувством исконного трагизма бытия. Связывая это с тютчевской традицией, исследователь не только не говорит о необходимости их преодоления, наоборот он предполагает, что дальнейшее развитие Заболоцкого должно пойти в направлении синтеза «тютчевского» и «некрасовского» начал и их развития на реалистической основе. Македонов-критик не стремится во что бы то ни стало обнаружить какие-то «огрехи», «слабые места» в поэтике автора, как это случалось в его работах 1920-1930-х годов, для исследователя важно определить пути творческого развития писателя.

Спустя тридцать лет, Бенедикт Сарнов будет говорить о создании в статьях Максимова и Македонова общей схемы интерпретации творческого пути

²¹⁹ Максимов Д. О старом и новом в поэзии Николая Заболоцкого // Звезда. 1958. № 2. С. 230-232.

²²⁰ Македонов А.В. О старом и новом в поэзии Николая Заболоцкого // Литература и жизнь. 1958. 2 июля. С. 2.

Заболоцкого, которой следовало большинство работ о поэте советского периода. Согласно неё поэзия периода «Столбцов» признавалась «незрелой», «ненастоящей» и только произведения, в которых Заболоцкий освободился от «нарочитой» сложности, воспринимались как подлинное мастерство²²¹. Протестуя против схематичного подхода к художественному творчеству и в то же время не пытаясь разобраться в причинах поэтических метаморфоз Заболоцкого, Сарнов ограничился признанием: «Заболоцкий на самом деле проделал гигантскую эволюцию. Он <...> на самом деле в е р н у л с я к классическому стихосложению. <...> его последние творческие достижения были действительно д о с т и ж е н и я м и (разрядка Б. Сарнова – Э.К.)»²²².

*

Творчество молодых поэтов всегда привлекало Македонова-критика. Он искренне стремился помочь им найти свой путь в литературе, при этом не забывая о социокультурных задачах. В 1959 году в «Новом мире», культовом журнале эпохи оттепели, у Македонова выходит первая статья, и посвящена она книге стихов ленинградского поэта Вячеслава Кузнецова «У высоких широт» (Сыктывкар, 1958) (См. Приложение 1).

*

Работа над статьями о творчестве поэтов-земляков, с которыми Македонов был знаком или дружил в годы юности, заставила его вернуться к изучению поэзии 1930-х годов и заново осмыслить пути её развития. В результате родилась гипотеза «смоленской» поэтической школы (СПШ), к которой принадлежали Исаковский, Твардовский, Рыленков, С. Фиксин, Д. Осин, Д. Дворецкий, И. Зиборов и др. Определяющим критерием отнесения того или иного автора к школе, по мнению Македонова, являлась не региональная принадлежность, а общность поэтики. Так, например, начинавший свой творческий путь на Смоленщине Александр Гитович «принадлежит к совершенно другой “школе” советской поэзии <...>, которую ещё более условно можно было бы назвать “ленинградской”», а Сергей Смирнов, Александр Яшин, никогда не жившие на Смоленской земле, «многими чертами приближались к поэтике “смоленской школы”»²²³.

Гипотеза изложена в статье, которой открываются «Очерки советской поэзии» – первая книга Македонова, написанная в Заполярье, а изданная в Смоленске в 1960 году. «Мои журнальные статьи 1960 г., – вспоминал критик, – и книга “Очерки советской поэзии” <...> могли быть написаны в значительной мере благодаря стимулам, которые давало новое общение и с Михаилом Васильевичем, и с Николаем Рыленковым, и с Твардовским...»²²⁴. В книгу также вошли монографические статьи о Рыленкове, Исаковском, Леониде Мартынове и Николае Заболоцком, творчество которых исследователь так или иначе соотнёс с поэтикой «смоленской» школы. Македонов стремился доказать, что принципы, которые лежат в основе поэтики школы, ближе других к

²²¹ Сарнов Б. Бремя таланта. Портреты и памфлеты. М.: Советский писатель, 1987. 384 с. С. 238-240.

²²² Там же... С. 240.

²²³ Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. С. 4.

²²⁴ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 226.

магистральной линии развития современной литературы, позже её достижения стали достоянием всей советской поэзии, как некогда эстетические принципы Лермонтова или Некрасова обогатили всю русскую поэзию. Македонов говорит о разных возможностях творческих поисков. Среди путей новаторства есть столбовые дороги и боковые дорожки. И незаметные тропинки могут дать ценные находки, если только путник не потеряет из виду главную путеводную вершину – принцип народности литературы, предложенный ещё Белинским.

Выход в свет «Очерков советской поэзии» было для Македонова доказательством его состоятельности как критика, литературоведа. На несколько лет книга стала его визитной карточкой. В декабре 1960 года он представил её на межобластном семинаре критиков, организованным Союзом писателей РСФСР. Вполне ожидаемой стала бурная дискуссия по поводу гипотезы, предложенной Македоновым.

«Очерки» вызвали многочисленные отклики²²⁵. Большинство в качестве достоинств критической методологии Македонова отметили его чувство стиха, скрупулёзность анализа, внимание к вопросам теории литературы. Гипотеза «смоленской» поэтической школы вызвала неоднозначные оценки. Некоторые увидели в ней угрозу целостности советской литературы, стали призывать покончить «с растаскиванием поэзии по наделам». По мнению В.С. Баевского, такая позиция объясняется прежде всего социокультурной ситуацией: в первые послесталинские годы исследователи «вообще не могли принять мысль о возможности каких-либо школ в единой поэзии социалистического реализма»²²⁶.

Первым на «Очерки советской поэзии» откликнулся Владимир Огнев в статье «О единстве анализа», в которой он подводил итоги межобластного семинара критиков РСФСР. Огнев отметил стремление Македонова «к широте концепций, к стройности взглядов <...> на историческое развитие поэзии. <...> пристальный анализ художественной ткани, исследование индивидуальности поэта в его неповторимом своеобразии и через это – выход к обобщениям о типе социалистической лирики»²²⁷. И в то же время Огнев категорически отверг гипотезу Македонова, обвинив его в консерватизме, в отсутствии исторического подхода, в стремлении сузить многообразие советской поэзии.

²²⁵ Огнев В. Единство критического анализа // Литература и жизнь. 1961. 5 февраля; Стариков Д. Спорить по существу! // Литература и жизнь. 1961. 24 февраля. С. 1, 3; Турков А. Заметки о критике // Новый мир. 1961. № 4. С. 238-245; Любарева Е. Надо считаться с фактами! // Вопросы литературы. 1961. № 5. С. 222-225; Осетров Е. Поэзия и критика // Знамя. 1961. № 11. С. 220-224; Выходцев П. Опыт поэзии учит // Нева. 1962. № 1. С. 190-191; Гусев В. «Об истинах старых и новых» // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 30-43; М-н А. Очерки советской поэзии // Время. Проза. Поэзия. Литературная критика. Смоленск, 1962. С. 108; Огнев В. Многообразие. Индивидуальность. Стиль // Огнев В. Книга про стихи. М., 1963. С. 292-293, 303; Заверин М. Не исчерпан поиск. Тбилиси. 1965. С. 106. Более отдалённую реакцию мы находим в работах: Котов М. Поэт и природа // Котов М. Чувство времени. Саратов, 1969. С. 92, 100-102. Зайцев В. Русская советская поэзия. 1960-1970-е гг. (Стилевые поиски и тенденции). М., 1984. С. 18, 59.

²²⁶ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 192.

²²⁷ Огнев В. О единстве анализа // Литература и жизнь. 1961. 5 февраля. С. 1, 3. С. 1.

«Отнесение общих завоеваний советской поэзии к заслугам нескольких авторов и генерализация “смоленской” школы – явная ошибка критика»²²⁸. Выводы Македонова о размывании границ между поэтикой СПШ и другими течениями в современной литературе Огнев оценил как «капитуляцию» критика, признающего якобы, что от «школы» не осталось и следа.

Первым в полемику с Огневым вступил Дмитрий Стариков. Он обвинил критика в некорректном использовании цитат из статей Македонова (в отсекании «сильно мешающих ему слов»). В связи с этим Стариков поднимает проблему этики литературной дискуссии: «литературно-критические спорщики, бывает, за цитатой не видят мысли своего собеседника: <...>, материал дискуссий неизбежно начинает “подтаскиваться” к темам уже отстоявшимся, – или же спор идёт о том, кто что сказал на самом деле, кто что имел в виду, кто кого и как искажил, недопонял и т.п. Искание правды подменяется доказательством правды своей»²²⁹. Признавая, что термин «смоленская» поэтическая школа неудачен, Стариков объясняет, что Македонов воспользовался им не для сужения разнообразия современной литературы, а для определения главного направления её развития.

Дискуссию, возникшую вокруг «Очерков советской поэзии» Македонова, продолжила Елена Любарева. Она высоко оценила сборник как книгу, воспитывающую литературный вкус, способность наслаждаться поэзией, что, по её мнению, выгодно отличает труд Македонова от «скучных, наукообразных» литературоведческих работ, в которых анатомируются художественные приёмы, а идеи, образы, проблемы характеризуются так, будто они извлечены из научного трактата или газетной статьи. Критик согласна с выводами Македонова относительно общности тематики, народнопоэтических традиций, способов типизации, принципа народности для стилевого течения, связанного с именами Твардовского и Исаковского (термин «смоленская» школа кажется ей слишком условным). В то же время рецензент опасается, что гипотеза поставит под сомнение своеобразие творчества поэтов.

Любареву волнуют вопросы, связанные с перспективами романтической поэтики в современной литературе. Она возражает против признания принципа конкретности художественного изображения, во-первых, гарантом правдивости, во-вторых, единственно плодотворным для развития поэзии. Македонов был сторонником реалистической поэтики, хотя использование отвлечённых образов считал вполне допустимым. История литературы показала, что он оказался прав: в середине XX века русская поэзия стремилась к конкретности изображения, в ней восторжествовала проза повседневности, оттеснив на время романтические тенденции.

Гипотеза Македонова вызвала возражение и у Твардовского. Поэт полагал, что выделенные особенности поэтики в творчестве смоленских авторов не имеют «областного» колорита. Даже то, что Македонов заключил в кавычки определение школы как «смоленской» и в последующих своих работах

²²⁸ Там же... С. 3.

²²⁹ Стариков Д. Спорить по существу!.. С. 3.

разъяснял, что термин «школа» носит условный характер, не сняло претензий Твардовского. В.С. Баевский, опираясь на рассказы Македонова о своих беседах с поэтом, свидетельствует: «Твардовский справедливо видел себя фигурой всесоюзного масштаба, гипотеза же А.В. (Македонова. – Э.К.), казалась ему, замыкает его в рамках этнографической, провинциальной литературы»²³⁰.

Тем не менее в «Новом мире» была опубликована положительная рецензия на «Очерки советской поэзии», в которой вопрос поэтической школы не рассматривался. Автор статьи Андрей Турков в качестве достоинств этой «интересной книжки» отметил стремление Македонова всесторонне рассмотреть литературные явления, его последовательность и убеждённость в отстаивании своей позиции. Соглашаясь с тем, что в книге есть немало тонких и верных суждений, Турков находит изъяны в методологическом подходе исследователя, который к произведениям разных авторов, пишущих в реалистических или романтических традициях, подходит с одинаковыми мерками. Действительно, у Македонова были единые критерии оценивания художественных текстов, связанные, прежде всего, с принципом народности и уровнем художественного мастерства.

Пётр Выходцев в рецензии на «Очерки», так же как Стариков и Турков, сосредотачивает внимание на проблеме методологии критического анализа, критериев оценки. Он приветствует стремление Македонова рассмотреть не только общие черты в творчестве Твардовского, Исаковского, Рыленкова и других поэтов, но и отметить новаторство, своеобразие каждого из них; остаться объективным в оценке творчества писателей; аргументировать свою позицию. Выходцев соглашается с критериями реализма, благодаря которым, по его мнению, Македонову удаётся определить контуры главного направления развития советской литературы, избежать «оправдания серости, формального эксперимента, мнимой глубокомысленности и <...> оригинальности»²³¹. Как достоинство он отмечает связь анализа конкретного текста с общими проблемами художественного мастерства и истории развития поэзии, обращение к теоретическим спорам современного литературоведения, наконец, целостность пафоса «Очерков», через которые проходит «мысль о неотделимости подлинного новаторства от глубокого осмысления художником народной жизни, от широты и ясности мировоззрения»²³². Единственным недостатком критического метода Македонова, по мнению Выходцева, является переход скрупулёзного анализа отдельных текстов в затяжное комментирование («не-нужное разжёвывание ясных истин»²³³).

«Очерки советской поэзии», написанные на конкретном материале, Выходцев признаёт «академичными», а статьи критика о Заболоцком и Марты-

²³⁰ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 192.

²³¹ Выходцев П. Опыт поэзии учит // Нева. 1962. № 1. С. 190-191. С. 191.

²³² Там же...

²³³ Там же...

нове – лучшим из всего, что написано об этих поэтах. Высокая оценка известного в стране литературоведа, доктора филологических наук, укрепила авторитет Македонова.

Македонов до конца оставался верен своей гипотезе, в ряде работ продолжал разъяснять её смысл. В статье «Современность и поэзия» (1962) он говорит о том, что «смоленская» школа не была резко обособленным явлением, лишь одним из течений советской поэзии. Более того, для нормального развития литературного процесса необходимы различные школы, течения и т.п. «Смоленская» школа вобрала в себя признаки, свойственные всей советской поэзии 1930-х годов, поэтому для Македонова её принципы и стали мерилем уровня развития отечественной литературы. Поэтому такие разные на первый взгляд поэты, как Твардовский, Мартынов или Луговской, неожиданно могут перекликаться друг с другом. Причина кроется в том, что разными путями они приближаются к выражению существенных тенденций развития самой реальной действительности. Македонов был убеждён, что жизнь определяет «лицо» искусства.

В статье «О многообразии и единстве советской поэзии» (1961) Македонов подчёркивал, что «географическое» название школы имеет совершенно условный характер, и что «ещё лучше было бы назвать “смоленскую школу” “школой Исаковского – Твардовского” или как-нибудь ещё иначе»²³⁴. В 1930-е годы это явление иногда именовалось «некрасовским» направлением. Обращаясь к истории искусств, Македонов вспоминает о существовании школ, течений, которых именуют по названию географических центров («болонская», «венцианская» школы в истории итальянской живописи; «озёрная школа» в истории английской поэзии). Это не никому помешало признать их огромную роль «в развитии культуры целых стран и даже всего человечества». «Значит ли это, – задаёт Македонов риторический вопрос, – что историк живописи, относящий Карраччи к болонской школе, а Джорджоне и Тициана – к венцианской, толкает нас к убогому областничеству и отрицает “всеитальянское” и всемирное значение этих художников?»²³⁵. Исследователь настаивал: «Можно спорить, как называть этот факт и как его лучше описывать и анализировать. Но критик, литературовед не может отрицать факты, если он хочет не на словах, а на деле разобраться в многообразии и живой диалектике общего, особенного и единичного в литературном процессе»²³⁶.

В докторской диссертации В.С. Баевского «Типология стиха русской лирической поэзии» (Тарту, 1974) гипотеза «смоленской» поэтической школы получила подтверждение. Изучая русский стих периода оттепели методами математической статистики и корреляционного анализа, Баевский обратил внимание на близость количественных характеристик индексов, характеризовавших произведения Твардовского, Исаковского, Рыленкова, Яшина. «Я понял, – вспоминает Баевский, – как прав был А.В. (*Адриан Владимирович – Э.К.*)

²³⁴ Македонов А.В. О многообразии и единстве советской поэзии // Литература и жизнь. 1961. № 38 (29 марта) С. 3.

²³⁵ Там же...

²³⁶ Там же...

в своих наблюдениях и выводах о смоленской поэтической школе: если эти поэты близки в конце своего творческого пути, когда они, казалось бы, разошлись каждый по своему пути, то тем более они образовывали определённое единство в начале, когда вступали на литературное поприще в постоянном личном и творческом общении, ориентируясь на одну и ту же поэтическую традицию <...>. Гипотеза А.В., подтверждённая статистическим исследованием, становилась теорией»²³⁷.

Несмотря на то, что гипотеза «смоленской» поэтической школы была подтверждена статистическим исследованием, получила своё продолжение в трудах других учёных (В.С. Баевского, В.В. Ильина, И.А. Королевой, Л. Михеевой, О.А. Новиковой и др.), была включена в школьную и университетскую программы, она продолжает оставаться камнем преткновения в спорах сегодняшнего дня, нередко оказываясь разменной монетой в рассуждениях твардовсковедов, настаивающих на принципиальной разнице не только в мировоззрении Твардовского и Рыленкова, но и в их творчестве²³⁸.

§ 3. Ленинградский период (1961 – 1994)

3.1. ВСЕГЕИ.

Почти четверть века прожив за Полярным кругом, Македонов принимает решение переехать в северную столицу, чтобы работать в одном из крупных научных центров страны. На конкурсной основе почти единогласно он был принят на службу в Лабораторию геологии угля АН СССР (ЛАГУ), где несколько лет назад с большим успехом выступал на геологическом совещании, имевшем уровень всесоюзной конференции. На заседании Учёного совета ЛАГУ из 14 розданных бюллетеней только один оказался испорченным. «Было очевидно, – свидетельствует А.В. Лапо, – кто именно “испортил” бюллетень: в ЛАГУ, как и в любом другом советском учреждении, по определению, работал сексот (секретный сотрудник КГБ), который был внедрён в состав Учёного совета. Его фамилию я не называю, но она была известна всему небольшому коллективу ЛАГУ»²³⁹. Вероятно, тот же человек был единственным, кто через две недели после принятия Македонова на работу, проголосовал и против представления его к званию старшего научного сотрудника.

В ЛАГУ Македонов имел возможность заниматься академическими исследованиями («чистой» наукой), но в 1962 году лабораторию присоединили к Отделу геологии угля и горючих сланцев Всероссийского научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ), сотрудникам которой приходилось много времени тратить на объёмные отчёты для Министерства геологии и охраны недр СССР.

²³⁷ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 193.

²³⁸ См.: Твардовская В.А. «Смоленская поэтическая школа» в контексте реальности... С. 6-54.

²³⁹ Лапо А.В. Метаморфозы Адриана Македонова // Литология и геология горючих ископаемых / Ред. В.П. Алексеев и др. Вып. III (19). Екатеринбург, 2009. С. 218-254. С. 234.

21 мая 1965 года, накануне своего 56-летия, во ВСЕГЕИ Македонов защитил докторскую диссертацию «Угленосная формация Печорского бассейна (опыт комплексного исследования осадочной формации)», в которой систематизировал весь огромный опыт своей работы за четверть века.

Не занимая никаких административных постов, к этому времени он стал одним из научных лидеров Отдела геологии угля и горючих сланцев. К нему обращались за советом, просили стать оппонентом на защите диссертаций, в научных спорах он нередко был третьей стороной.

По разным данным Македонов опубликовал от ста до двухсот научных статей и пять монографий по геологии. Специалисты называют его монографии «пионерскими», «настольными книгами», «своего рода Учебниками» для каждого, кто сталкивался с проблемами литологии.

Современные исследователи утверждают: в том, что в конце XX века отечественная литология заняла лидирующее или близкое к нему место в мировой науке, есть большая заслуга Адриана Владимировича Македонова²⁴⁰. Его память продолжают чтить коллеги-геологи²⁴¹.

3.2. Литературно-критические исследования.

В середине 1960-х – начале 1980-х годов советская власть предприняла усилия по консервации официальной идеологии, вследствие чего ужесточились требования цензуры. Хрущёвская оттепель, перемежающаяся «заморозками», лишь на время их смягчила. Итогом стало противостояние критики официальной, воспроизводившей в новых вариациях стереотипы советской риторики («партийность», «идейность», «классовость»), и либеральной, отстаивающей свободу слова. Либеральная критика не имела единой идеологической платформы и методологии. В её недрах развивалось несколько течений – социологическая критика, представленная прежде всего «Новым миром» Твардовского, воспринимающая литературу как прямое отражение социальных проблем (А. Турков, В. Кардин и др.), критика импрессионистическая (Л. Аннинский), стремящаяся к передаче впечатлений от произведения, «академическая» критика, опирающаяся на теорию М. Бахтина, учение семиотики или другие научные концепции (Г. Белая, А. Бочаров), эстетическая, для которой критерий художественности был выше социологических или идеологических достоинств текста (С. Чупринин, В. Ерофеев), философская (М. Эпштейн).

В таких условиях Македонов продолжил литературно-критическую деятельность и в конечном счёте стал, по определению Ефима Эткинда, одним из наиболее «тонких и проницательных критиков»²⁴².

*

²⁴⁰ Япаскурт О.В. Основы концепции развития литологических исследований на современном уровне...

²⁴¹ Очередным доказательством уважения к памяти А.В. Македонова стал большой раздел, посвящённый его юбилею, в сборнике научных трудов по геологии. Особый интерес представляют воспоминания тех, кто хорошо знал Македонова по совместной работе в тресте «Воркутауголь» и ВСЕГЕИ, а также исследование его трудов в области геологии. См.: Адриан Владимирович Македонов (1909-1994) // Литология и геология горючих ископаемых: Межвуз. науч. темат. сб. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. горного ун-та, 2009. Вып. III (19). С. 217-346.

²⁴² Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001. 512 с.

Долгие годы Македонов являлся членом правления Ленинградского отделения ССП, был членом бюро секции критиков и литературоведов; участвовал в работе съездов ССП РСФСР; сотрудничал с межведомственной комиссией по взаимодействию научного и художественного творчества.

Почти за сорок лет литературной работы (1957-1994) Македонов, по нашим сведениям, опубликовал более полусотни литературно-критических статей и пять монографий. После его смерти в Смоленске вышла шестая книга и четыре работы, ранее неопубликованные из-за цензурных запретов (См. Приложение 1).

У Македонова остались нереализованные замыслы. Он мечтал написать книгу о Пушкине, остававшимся для него «во многих отношениях мало открытой расширяющейся Вселенной»²⁴³. Цикл статей Македонова 1930-х годов мог стать отправной точкой нового исследования. Творчество любимого с юности Мандельштама тоже манило, подталкивало к созданию монографии о поэте, который в советской России долго оставался персоной *non grata*²⁴⁴.

Уже написанная Македоновым книга о поэтике Исаковского, которую в 1982 году он передал в издательство «Современник», не увидела свет. Автор внутренней рецензии пришёл к выводу, что Македонов критик квалифицированный, интересный, но у него получилась «работа об “ассонансах” и “алиттерациях” (*правописание подлинника – Э.К.*), а не о “месте поэта в общем строю”»²⁴⁵. Книга посвящена слишком узким теоретическим проблемам поэтического текста («если так можно выразиться, “теории стиха”»²⁴⁶), методологии его изучения, и поэтому не представляет интереса для широкого круга читателей.

«География» литературных публикаций Македонова значительна, чаще других его статьи появлялись в московских и ленинградских изданиях («Литературная газета», «Литература и жизнь», «Новый мир», «Звезда», «Нева», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Вопросы философии» и др.). Он никогда не терял связи со Смоленской землей, его работы периодически публиковались в областной газете «Рабочий путь», починковской районной газете «Сельская новь», в сборниках научных трудов, издаваемых смоленскими учёными.

В центре внимания Македонова была современная поэзия, пути её развития. Диапазон изучаемых авторов огромен – от Анны Ахматовой, Леонида Мартынова до Евгения Евтушенко, Владимира Высоцкого. Можно назвать

²⁴³ Македонов А.В. Письмо В.С. Баевскому от 23.12.1983 г. // Личный архив В.С. Баевского.

²⁴⁴ В ЦГАЛИ СПб в личном фонде А.В. Македонова № 744 хранятся неопубликованные рукописи, материалы об О. Мандельштаме: 1) Оп. 1. Ед. хр. 43. «Ночи друг и дня застрельщик (Пути Осипа Мандельштама)» (1962. 118 стр.); 2) Оп. 1. Ед. хр. 46. «О поэзии Мандельштама» (1965, 67 стр.); 3) Оп. 1. Ед. хр. 47 «Пути Осипа Мандельштама (“Ночи друг” и “дня застрельщик”))» (1960-е, 72 стр.); 4) Оп. 1. Ед. хр. 56. «Восьмистишия Мандельштама, опыт их анализа, популяризация», «Подвиг Осипа Мандельштама» (1990, 25 стр.); 5) Оп. 1. Ед. хр. 66. «О Мандельштаме». Подготовительные материалы. Тетради. Автограф (1960-е – 70-е, 138 стр.). В фондах РГАЛИ хранится неизданная рукопись А.В. Македонова «О поэзии Мандельштама» (Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 6521).

²⁴⁵ Рукописи статей А. Македонова о М.В. Исаковском и его творчестве; отзыв о монографии А. Македонова «Красота простоты» // ГАСО. Ф. 2436. Оп. 1. Дело 2. Л. 401-404. Л. 401.

²⁴⁶ Там же... Л. 401.

трёх фаворитов его научных исследований – Твардовский, Заболоцкий, Мандельштам.

*

С Твардовским у Македонова сохранялись тёплые дружеские отношения. Редкие встречи компенсировались постоянной перепиской. Как и в юности поэт продолжал советоваться с Македоновым. Присылая ему на отзыв ещё неопубликованные произведения, он знал, что получит их обстоятельный анализ. Македонов всегда давал принципиальные критические оценки, с которыми поэт нередко соглашался и, дорабатывая тексты, порой учитывал замечания критика. «Дорогой Адриан Владимирович! – пишет Твардовский. – Спасибо большое за добрые слова о “Главе дополнительной”. Ты, наверное, прав в своих замечаниях о некоторых её заторможенностях и наоборот приспущенности и многоточии» (10.10.1967)²⁴⁷. «Дорогой Адриан Владимирович! <...> В оценке напечатанных в № 1 стихов ты совершенно прав, так нечего распространяться. <...> Кажется, завтра уже будет сверка, т.е. чистые листы вёрстки, правленные, и я её пошлю тотчас. Мне очень интересно будет твоё мнение об этой штуке, писавшейся долго (лет около 10 с перерывами, конечно, по году и по три) и трудно и, кажется, в конце концов отпустившей меня» (29.04.1969)²⁴⁸.

В последнем письме речь, вероятно, идёт о поэме «По праву памяти». Прототипом друга юности героя, выведенного в первой главе поэмы, предположительно был Македонов. В молодости поэт и критик вместе мечтали покорить столицу, прожить интересную жизнь, принести пользу своей стране.

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далёкий
Из первой юности своей.
Мы не испытывали грусти,
Друзья – мыслитель и поэт,
Кидая наше захолустье
В обмен на целый белый свет.

.....
И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на п о т о м.

Македонов получил от автора несколько редакций «По праву памяти» с просьбой никому их не показывать.

В расчёте на невнимание цензуры Македонов в своих работах цитировал отрывки из неопубликованной поэмы, конечно, без упоминания источника²⁴⁹. Одним из первых он дал высокую оценку этому запрещённому произведению

²⁴⁷ Македонов А. «Письмо одиннадцати» и судьбы Твардовского // Сельская новь (Починок). 1989. № 46 (18 апреля). С. 4.

²⁴⁸ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 182-183.

²⁴⁹ Македонов А. «Письмо одиннадцати» и судьбы Твардовского... С. 4.

и внёс свою лепту в борьбу за её издание уже после смерти Твардовского. В 1986 году, когда в серии «Библиотека поэта» вышел том поэта без «По праву памяти», несмотря на настойчивость М.И. Твардовской, Македонов, автор предисловия, стал требовать публичного объяснения причин цензурного запрета.

После смерти поэта Македонов с ещё большей интенсивностью стал изучать его творчество, видя в этом свой человеческий и гражданский долг. Их многолетнее личное общение, переписка давали ему дополнительный материал для исследований. В общей сложности творчеству Твардовского Македонов посвятил около тридцати работ, включая статьи, публичные выступления, разделы в книгах и две монографии. Одна из них стала первой в России книгой о поэте – «Творческий путь Твардовского: Дома и дороги» (Москва, 1981). Труд был задуман ещё при жизни Твардовского, более того «по его желанию»²⁵⁰. Исаковский поддержал идею её создания: «Книгу об А.Т. Твардовском написать нужно обязательно. И чем скорее она будет написана, тем лучше. И лучше всех других такую книгу можете написать именно Вы. Вы хорошо знаете Твардовского, начиная с его первых стихов и кончая последними. <...> разумеется, все материалы о Твардовском, какие у меня могут оказаться, я передам Вам для ознакомления с ними» (22.02.1972)²⁵¹. О значении книги говорит и её высокая оценка профессором В.С. Баевским, назвавшим труд Македонова лучшей книгой о поэте²⁵². И сегодня на неё продолжают опираться ведущие специалисты в области твардовсковедения, следовательно, монография не утратила научного значения.

Цензура не позволила автору рассказать о многом: о трудностях, с которыми сталкивался Твардовский в 1920-1930-е годы, о разгроме «Нового мира» в 1970 году, о запрещении «По праву памяти» и пр.²⁵³. Правду о последних годах Твардовского исследователь смог раскрыть лишь в условиях ослабления цензуры²⁵⁴.

Выпустив одну монографию о Твардовском, Македонов тут же задумал вторую – о смоленском периоде творчества поэта, о его семье, судьба которой «в целом, а не только великого поэта, из неё вышедшего и от неё оторвавшегося, но как-то потом с ней опять соединившегося, – судьба эта достойна внимания не только истории литературы, но и истории Карамзина, <...> ибо в этой

²⁵⁰ Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи]... Л. 229.

²⁵¹ Там же... Л. 229-230.

²⁵² Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 193.

²⁵³ Значение книги А.В. Македонова «Творческий путь Твардовского: Дома и дороги» (1981) оспаривает дочь поэта В.А. Твардовская, утверждающая, что, даже принимая во внимание цензурные условия времени выхода этой монографии, «нельзя не предположить, что о многом недавний заключённый (Македонов – Э.К.) не помнил или не хотел вспоминать». По её мнению, Македонов «явно недооценил» трудности пути раннего Твардовского: из всех претензий смоленской критики 1930-х годов к поэту Македонов исследователь упомянул только об упреках в излишнем прозаизме и недостаточном использовании метафор. Важно отметить, что Твардовская воспринимает Македонова как «ярого авербаховца». М.: Твардовская В.А. «Смоленская поэтическая школа» в контексте реальности... С. 10.

²⁵⁴ Македонов А.В. О советской поэтической классике, её друзьях и противниках; Твардовский и Солженицын как две стороны народного сознания и литературного процесса // Русская филология. Учёные записки кафедры истории и теории литературы СГПУ. Смоленск, 1997. С. 293-308.

судьбе сконцентрировались большие судьбы народные»²⁵⁵. В письме к В.С. Баевскому, говоря о замысле «книги о молодом Твардовском», Македонов признавался, что речь пойдёт об иллюзиях всего поколения: «я хочу показать драму и трагедию очень большого таланта на пути поиска правды, конкретной реализации светлого нового идеала, в который он поверил. И показать, как сквозь все иллюзии и навязанные схемы просвечивала и реальность порыва миллионов людей к новому, высшему типу общества <...>, просвечивала и суровая реальность уже выявившейся страшной сути сталинского обмана, лицемерия, реальная изнанка того, что было и на что надеялись»²⁵⁶. Македонов долго работал над книгой, дополняя, корректируя её. Многие, о чём хотел рассказать исследователь, по цензурным соображениям не могло быть напечатано в годы брежневского застоя. Около десяти лет рукопись «пролежала в столе». В 1990-е годы, после отмены цензуры, Македонов решился вновь попытаться удачу. Однако рукопись книги, уже подготовленная к печати, исчезла. В стране шла перестройка, и издательство, планирующее её выпуск, рухнуло²⁵⁷. Незадолго до смерти Македонов успел передать Баевскому материалы книги. Черновая рукопись объёмом около 400 страниц имела несколько слоев серьёзной авторской правки. Неимоверными усилиями она была приведена в порядок, и в 1996 году в смоленском издательстве «Эпохи Твардовского» увидели свет. Публикация книги приоткрыла завесу над некоторыми драматическими эпизодами не только в биографии Твардовского, но и в истории смоленской писательской организации. Перекликаясь с первой монографией Македонова о поэте, «Эпохи Твардовского» одновременно расширяют и углубляют наше представление о начальном периоде в творчестве поэта, свидетелем которого и отчасти участником был сам исследователь.

Македонов изучил основной корпус произведений Твардовского. Как и раньше, его внимание было сосредоточено на особенностях поэтики, а также этапах становления и развития мастерства писателя. Для Македонова было важным изменить представление о Твардовском только как об «удачливом эпигоне» Некрасова, работающим в русле старых добрых традиций.

Македонов всегда подчёркивал самобытность таланта Твардовского, его новаторский дух в сочетании с развитием традиций русской литературы. Экспериментируя, порой впадая в крайности, Твардовский выработал свой неповторимый, узнаваемый стиль. «В ряду других поэтов XX века, – настаивал Македонов, – Твардовский является в наибольшей мере “поэтом действительности”. <...> Сложные судьбы этого мира определяли непростой путь творчества, который не был непрерывно восходящей линией, – в нём были и фазы

²⁵⁵ Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от 20.10.83 // Личный архив В.С. Баевского.

²⁵⁶ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 194.

²⁵⁷ В.С. Баевский вспоминает: «Незадолго до смерти Македонов просил меня, чтобы я, когда его не станет, довёл дело до конца, и передал мне материалы, относившиеся к этой книге. Когда после его смерти я пришёл в издательство, мне показали шкаф, в котором когда-то лежала вместе с другими подготовленными к печати и эта машинопись, и объяснили, что при реформировании и слиянии издательства с другим всё содержимое этого шкафа без разбора было из него вывалено и сожжено. Шло к концу десятилетие перестройки. В этом издательстве перестройку восприняли по-своему». См. Баевский В.С. Кулацкий подголосок и враг народа... С. 19.

крутого подъёма, и фазы более медленного продвижения, иногда и заминок. Но самые сложности и зигзаги пути поэта также отражали реальные трудности пути народа и времени»²⁵⁸.

Следуя примеру Белинского, основателя теории реализма XIX века, Македонов пришёл к выводу, что в поэзии Твардовского постепенно выкристаллизовался новый тип реалистического искусства – «синтетический народный реализм». Избегая сравнений с методом социалистического реализма, исследователь рассматривал его в контексте классической литературы.

Исследователь выделил два основополагающих принципа «синтетического народного реализма» Твардовского.

1. Принцип народности, утверждённый Белинским как важный элемент реалистической поэтики. Теоретиками социалистического реализма смысл данного понятия был выхолощен, им зачастую прикрывали принцип партийности литературы. Македонов возвращается к определению Белинского: народность – это изображение событий с точки зрения народа и в интересах народа. Расширяя его значение, критик связывает народность, во-первых, с популярностью писателя среди читателей, а во-вторых, с чувством повышенной ответственности «за всё на свете / до конца» («За далью – даль», 1960). Твардовский для Македонова был по-настоящему народным поэтом, поскольку жил так, чтоб «быть всегда с народом, чтоб ведать всё, что станет с ним» («Нет, жизнь меня не обделила...», 1955).

2. Принцип художественного синтеза явлений, на первый взгляд, противоположных, – лирики, эпоса и драмы, субъективного и объективного начал, бытового и бытийного, частного и коллективного и пр. По мнению Македонова, с разной силой принцип проявился в творчестве многих поэтов XX века, осознавших неисчерпаемый потенциал художественной эклектики с её более смелой, чем ранее, ассоциативностью, позволяющей сочетать то, что раньше казалось несоединимым.

Принцип поэтического синтеза имеет диалектическую природу. Он универсален: действует на всех уровнях литературного текста – от тематики до звуковой организации. Одним из проявлений этого принципа Македонов считает возникновение в поэзии Твардовского нового типа эпоса, в котором через повествование о современной истории раскрываются перипетии прошлых и будущих событий. Ярким примером эпической поэмы нового типа Македонов считал «Василия Тёркина». Рассматривая его в контексте народных былин и гомеровской «Одиссеи», исследователь сосредотачивает внимание на кардинальных изменениях в облике эпического героя. В образе Тёркина, как и в авторском «я», концентрированно выражен принцип многоликости. Тёркин – образ собирательный, «Святой и грешный Русский чудо-человек», воплощение народного духа. И в то же время он – неповторимая индивидуальность, талантливый человек с поэтической душой. Впервые в истории эпоса, утверждает

²⁵⁸ Македонов А.В. Правда сущая и жизнь на земле // Твардовский А. Стихотворения и поэмы / Сост. М.И. Твардовской. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5-48. С. 48.

Македонов, героем становится «парень сам собой обыкновенный», а не избранник судьбы вроде былинных богатырей или Ахилла. Впервые он оказывается творцом судьбы, а не её орудием. Впервые чувствует свою ответственность за происходящее, несмотря на то, что не руководит ходом событий.

Взаимопроникновение лирического «я» и коллективного «мы», создание образа народа как отдельной личности приводит к возникновению *нового вида лирического текста*, в котором поэт умеет выразить «со-бытие» отдельных людей, объединённых единой целью. Выражение общности их разных судеб хорошо заметно во многих произведениях Твардовского, в частности, в стихотворении «Две строчки» (1943), которое Македонов считал маленьким шедевром.

Поэтический синтез проявляется и на уровне тематики. Македонов говорит о Твардовском, с одной стороны, как об одном из самых злободневных поэтов, отражающих современную жизнь во всей её конкретности, с другой, подчёркивает интерес Твардовского к философским проблемам, вопросам истории. Это приводит к соединению широкого круга фактов, к новым неожиданным сопоставлениям, к переосмыслению прежних тем. Так, в послевоенном творчестве Твардовского одновременно возникают темы восстановления разрушенного хозяйства страны и строительства собственной души. Именно в таком ключе Македонов интерпретирует поэму «За далью – даль», воспринимая её как повествование о выборе пути к внутренней свободе, которая единственно может обеспечить ответственность человека за свои дела, историю своего народа.

Поэтический язык Твардовского, по мнению Македонова, также синтетичен. Он сочетает в себе контрастные выразительные средства, слова с точным конкретным значением и экспрессивной образностью.

Анализируя творчество Твардовского в контексте поэтики «смоленской» поэтической школы, Македонов отмечал своеобразный характер интонации, доминантой которой, по его мнению, стал синтез душевного разговора и музыкально-песенной речи, позволяющей поэту «глубже войти во внутренний мир нового человека, выразить <...> всемирно-историческое, масштабное, как самое задушевное»²⁵⁹.

Работы Македонова разных лет позволяют сделать вывод о целостности поэтического мышления Твардовского, ключевых образах, принципах, которые, несмотря на постоянное развитие его поэтики, остаются неизменными. В центре поэтического мира Твардовского Македонов ставит образ «массового человека», чьё индивидуальное «я» сливается с коллективным «мы», но не растворяется в нём. Образ строится по принципу художественного синтеза, роль которого, на наш взгляд, Македонов постоянно подчёркивает на разных уровнях художественного текста, однако зачастую не называя его.

В исследованиях 1970-1980-х годов Македонов не пытается вписать Твардовского в канон социалистического реализма. Наоборот, рассматривая

²⁵⁹ Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960. 244 с. С. 28.

его творчество в контексте истории поэзии XIX – XX веков, исследователь приходит к выводу: Твардовский открыл новое течение в русской поэзии.

Не только поэзия, но и проза Твардовского интересовала Македонова. Он первым начал анализировать рабочие тетради Твардовского – «главную книгу» поэта. Выборочно дневники были опубликованы вдовой поэта в 1989 году²⁶⁰. Они дали возможность Македонову ещё раз подчеркнуть трудности, непростые повороты в жизненном и творческом пути Твардовского. Исследователю был чужд дух канонизации Твардовского, он не пытался завуалировать перед читателем ни его «сталинские иллюзии», от которых поэт (как и сам Македонов) в конечном счёте смог избавиться, ни его вынужденное признание себя «кулацким сыном» в 1931 году, ни «напряжение лжи и натяжек»²⁶¹, которое поэт испытывал долгие годы.

И опыт – наш почтенный лекарь,
Подчас – причудливо крутой –
Нам подносил по воле века
Его целительный настой.
(«По праву памяти»)

Рассматривая дневниковые записи Твардовского прежде всего с точки зрения взаимоотношений писателя и власти, Македонов подчёркивал процесс переоценки поэтом себя, общества, руководства страны. «Трагические тетради-дневники Твардовского <...> документ трагизма эпохи, <...> новое замечательное произведение борющегося, спотыкающегося, поднимающегося духа великого народного художника»²⁶².

Статья о трагических рабочих тетрадях Твардовского стала первой посмертной публикацией Македонова. При жизни автору не удалось её напечатать. Она смогла увидеть свет благодаря профессору В.С. Баевскому в первом томе «Русской филологии»²⁶³.

*

С конца 1950-х годов сквозной темой научных исследований Македонова становится поэзия Николая Заболоцкого. Македонов лично не знал поэта. Он впервые услышал о нём в юности от своего друга Александра Гитовича, который в конце 1920-х годов переехал в Ленинград и был очарован стихами Заболоцкого. Другой раз он обратил внимание на творчество поэта благодаря Войновскому-Кригеру, который показал Македонову опубликованное в 1947 году в журнале «Новый мир» стихотворение «Творцы дорог». В нём сквозь

²⁶⁰ Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953-1960) / Предисловие, публикация и примечания М.И. Твардовской // Знамя. 1989. № 7. С. 124-192; № 8. С. 122-181; № 9. С. 143-206.

²⁶¹ Там же... С. 172.

²⁶² Македонов А. Трагические рабочие тетради Твардовского / Публ. В.С. Баевского и Э.Л. Котовой // Русская филология. Учёные записки Смоленского гуманитарного университета / Сост. и ред. В.С. Баевский. Т. 1. Смоленск: Траст-Имаком, 1994. С. 348-365. С. 365.

²⁶³ Македонов А.В. Трагические рабочие тетради Твардовского...

дифирамбы освоению Севера слышится скрытый намёк на подневольный труд «творцов»²⁶⁴.

В «Очерках советской поэзии» статья «Пути и перепутья Николая Заболоцкого» стала прообразом будущей монографии Македонова «Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы». Изданная в 1968 году, она стала итогом многолетнего исследования, первым в советской науке опытом обстоятельного анализа сложных перипетий личной и творческой судьбы поэта²⁶⁵. Литературное сообщество одобрительно встретило книгу²⁶⁶, долгое время считало её важнейшим исследованием поэтики обериутов. Рецензенты отмечали академичность исследования Македонова: посвящённое творчеству одного поэта, книга в целом рассматривает историю советской литературы, касается общих проблем современной поэзии. Ефим Эткинд назвал монографию Македонова лучшей работой о Заболоцком²⁶⁷.

Монография Македонова была столь популярной, что в 1987-м году издательство «Советский писатель» приняло решение переиздать её, уже в дополненном виде. На неё продолжают ссылаться современные исследователи (О.Н. Мороз, Е.Н. Бондаренко и др.).

Македонов не только изучал своеобразие поэтики Заболоцкого, он публиковал архивные материалы, связанные с именем поэта (См. Приложение 1), вместе с его вдовой Еленой Владимировной Заболоцкой собрал и выпустил в свет книгу «Воспоминания о Заболоцком» (Москва, 1977).

В 1980 году постановлением секретариата Союза писателей СССР Македонов был включён в состав комиссии по литературному наследию Н.А. Заболоцкого.

*

В начале 1960-х годов в научное творчество Македонова входит поэзия Осипа Мандельштама. В период оттепели имя поэта, официально реабилитированного, оставалось в СССР неизвестным массовому читателю. Скупые публикации отдельных текстов не меняли ситуацию. Пробел восполняло Русское зарубежье. Событием стало первое научное издание в 1955 году в США «Собрания сочинений» Мандельштама под редакцией профессоров Г.П. Струве и Б.А. Филиппова.

Редколлегия серии «Библиотека поэта», понимая, что далее игнорировать творчество Мандельштама нельзя, решает издать томик его стихов. Македонову предложили стать автором вступительной статьи. Вероятно, он привлёк к себе внимание выступлениями на собраниях ленинградских писателей

²⁶⁴ Македонов А.В. «Не позволяй душе лениться...» // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. С. 431-460.

²⁶⁵ Вышедшая в 1966 году книга Андрея Туркова о Николае Заболоцком по сравнению с монографией Македонова была более краткой.

²⁶⁶ Турков А. Заслуженный успех // Новый мир. 1968. № 10. С. 260-261; Соловьёв В. Творчество большого поэта // Нева. 1969. № 12. С. 196-197; Эвентов И. Строчка о своей работе // Вопросы литературы. 1973. № 5. С. 305.

²⁶⁷ Эткинд Е. Словесная аналогия музыкально-симфоническому циклу. Поэма Н. Заболоцкого «Город в степи» // Эткинд Е. Материя стиха. Bibliothèque Russe de L'institut d'études slaves. Tome XLVIII. Paris, 1978. С. 479-490. [Reprint: Санкт-Петербург: Издательство «Гуманитарный союз», 1998].

в защиту Мандельштама, которого продолжали клеймить официозные критики. «Для меня это было, – позже признавался Македонов, – не только результатом многолетней любви к его творчеству, но и особым долгом по отношению к человеку, погибшему в сталинских лагерях»²⁶⁸. Кроме того, исследователь попытался самостоятельно опубликовать хотя бы некоторые из его стихотворений. Известно, что Македонов послал подборку стихов Твардовскому с предложением поместить их в «Новом мире». Тот вежливо отклонил это предложение, объяснив своё решение тем, что лучше дождаться выхода в свет книги Мандельштама, а пока прохождение его текстов через цензуру вызовет большие трудности.

Работая над вступительной статьёй, Македонов обратился в первую очередь к архивным материалам Института мировой литературы РАН. Благодаря Александру Гитовичу он познакомился с Анной Андреевной Ахматовой, которая в свою очередь представила его Надежде Яковлевне Мандельштам. Вдова поэта оказала ему неоценимую помощь, познакомив с неизвестными ранее материалами о жизни Мандельштама, с его рукописями. В результате Македонов анализировал даже те стихотворения, которые не были отобраны редколлегией для публикации. За сведениями и советом он обращался к В.Ф. Асмусу, Н.Я. Берковскому, М.А. Лифшицу, Э.Л. Миндлину, Н.Л. Степанову, А.Т. Твардовскому, Г.М. Фридлендеру, Е.Г. Эткинду и др.

Законченную работу Македонов сначала показал Анне Андреевне и Надежде Яковлевне. Она «им обеим понравилась, – вспоминал исследователь. – Вероятно, некоторое доверие ко мне объяснялось и моей биографией, биографией человека, также пострадавшего от сталинщины и к тому же занимавшего более или менее независимую позицию в литературных собраниях и дискуссиях»²⁶⁹.

Однако судьба этой работы оказалась многострадальной.

Летом 1962 года в соответствии с договором рукопись статьи «О поэзии Мандельштама» объёмом в 4,5 авторских листа была представлена в редколлегию. В первую очередь от автора потребовали сократить её вдвое, что далось Македонову с большим трудом. На этом претензии не закончились. Внутренние рецензенты П.П. Громов и Б.Я. Бухштаб как достоинство работы Македонова отметили «знание материала, тонкость и убедительность интерпретации ряда стихотворений, увлечённость автора своей темой», подчёркивали, что статья «является первым опытом исключительно трудной задачи, поскольку в советском литературоведении до сих пор нет работ, посвящённых творчеству

²⁶⁸ Македонов А.В. О письмах Надежды Мандельштам и по поводу // Всемирное слово (СПб.). 1992. № 2. С. 66.

²⁶⁹ Македонов А.В. О письмах Надежды Мандельштам и по поводу... С. 66. В разговоре с Михаилом Латмановым Ахматова по поводу готовящегося к изданию сборника стихов Мандельштама заметила: «И вводная статья, и комментарий в книге хороши. Вводную статью писал Македонов, комментарий Хазин». См.: Латманов М.В. Разговоры с Ахматовой / Предисловие, публикация и примечания А.Г. Тереховой // Русская литература. 1989. № 3. Е.Я. Хазин – брат Н.Я. Мандельштам.

Мандельштама»²⁷⁰. Среди недостатков Б.Я. Бухштаб главным назвал «приподнимание» Мандельштама. «Автор статьи, – писал он, – последовательно преувеличивает близость поэта к революционному мировоззрению, к основному потоку жизни советского общества, к ведущему направлению советской поэзии»²⁷¹.

В результате статья была возвращена Македонову для доработки в соответствии с замечаниями Бухштаба.

Македонова поддержала Надежда Яковлевна. В процессе работы между ними завязалась дружеская переписка, в которой она всегда интересовалась судьбой статьи: «Напишите мне, что нового с вашей статьёй – трудно вам приходится с редакторским аппаратом? Много отгрызают? Не пали ли вы духом? Не падайте» (17.06.1962); «Вы совершенно правы, что приспособливаете свою статью об О.М. к требованиям редакции. Самое главное, чтобы вышла книга. Вы помните, я даже беспокоилась, что вам трудно будет найти тот жёсткий тон, который потребуется для выхода книги. Ради Бога, найдите его. Но не выбрасывайте своих 6 листов; я уверена, что они вам ещё пригодятся! Для будущей работы. Пришлите мне всё, что сможете. Мне очень интересно прочесть» (3.07.<1962 >) ²⁷². Боясь, что издание сборника будет затянуто, Надежда Яковлевна выразила желание, чтобы Македонов подчеркнул лояльность Мандельштама по отношению к советской власти, «<...> в своём наброске своеобразного жизненного списка Мандельштама сама вставила сообщение о том, что Мандельштам считал себя “вольным другом большевиком”»²⁷³. В то же время вдова поэта советовала Македонову воздержаться от чрезмерных похвал поэту, пойти на некоторые уступки требованиям увеличить в статье критические замечания о нём: «Вы даже можете немного ругнуть его, лишь бы книга и предисловие скорее прошли в печать»²⁷⁴. Последним советом Македонов не воспользовался.

Переработанный вариант статьи Надежда Яковлевна, известная своей принципиальностью и требовательностью в отношении всего, что касалось памяти Мандельштама, оценила высоко: «Несомненно, это самое серьёзное и глубокое из всего, что пока написано об О.М., включая, разумеется, и всё, что пишут не у нас. У меня нет никаких возражений» (21.06.1963)²⁷⁵.

Надежда Яковлевна осознавала, что издание стихов Мандельштама намеренно затягивается, и даже начинала сожалеть о том, что не может забрать рукопись и передать её в другое издательство. В одном из писем осенью 1963 года она предсказывает: «<...> книга О.М. опять “отложена” лет на десять, я думаю. Почему книга отложена, мне вполне понятно. <...> Статья (Македонова. – Э.Л.) здесь ни при чем. Если когда-нибудь книга выйдет, то именно с этой статьёй. Дело, поймите, не в ней, а в Орлове, Люсечевском (так он?) и т.д.

²⁷⁰ Решение членов редколлегии «Библиотеки поэта» по поводу вступительной статьи А.В. Македонова к сборнику стихотворений О. Мандельштама [1966] // ЦГАЛИ СПб(б). Ф. 744. Оп. 1. Д. 259. Л. 4-11. Л. 4.

²⁷¹ Там же... Л. 5

²⁷² Мандельштам Н.Я. Письма к А.В. Македонову // Всемирное слово (СПб.). 1992. № 2. С. 62-65. С. 62.

²⁷³ Македонов А.В. О письмах Надежды Мандельштам и по поводу... С. 66.

²⁷⁴ Там же...

²⁷⁵ Цит. по: Баевский В.С. Кулацкий подголосок и враг народа: Двойной портрет... С. 37.

<...>»²⁷⁶. В другом письме Надежда Яковлевна продолжает эту тему: «Зачем им печатать Мандельштама? Они так старались, а он нет. Где же теперь справедливость, что его сейчас будут печатать и читать, а их нет... <...> Люди, которые сейчас у литературного корыта, не хотят и не могут терпеть соперников»²⁷⁷.

Только в 1965 году «Библиотека поэта» решила возобновить подготовку сборника Мандельштама и предложила Македонову вернуться к работе над статьёй. Она была направлена на отзыв ленинградским членам редколлегии: членам-корреспондентам АН СССР В.М. Жирмунскому, В.Г. Базанову, докторам филологических наук Б.И. Бурсову и И.Г. Ямпольскому, заместителю главного редактора «Библиотеки поэта» Б.Ф. Егорову. Новый вариант предисловия во всех отзывах был оценён как значительный труд, содержащий интересные и ценные наблюдения. В них говорилось, что Македонов, прекрасно владеет материалом, тонко анализирует идейно-сюжетную основу, ритмико-стилистическую фактуру отдельных стихотворений Мандельштама. Вступительная статья «<...> в основном вполне удовлетворяет своему назначению, – пишет В.М. Жирмунский. – А.В. Македонову удалось, как мне кажется, хорошо справиться со сложной интерпретацией содержания и формы поэзии Мандельштама, основных этапов её развития, её места в русской поэтической литературе своего времени. С этой точки зрения обращают на себя внимание в особенности страницы, посвящённые второму и третьему этапу творчества поэта <...>, и очень содержательное заключение <...>. Интересным и правильным представляется мне определение зрелой поэзии Мандельштама как “философской лирики” <...>, “разговора-раздумья” <...>, “разговора с веком” <...>, вырастающего из “своеобразных сюжетно-новеллистических очерков или портретов” <...> его ранних стихов. Чётко определено отношение Мандельштама к поэтическому слову, “предметному и вместе метафорическому”, “насыщенному максимально многозначительными связями, смыслами” <...>. Вместе с тем, давая высокую оценку художественному мастерству Мандельштама, А.В. Македонов отнюдь не скрывает глубоких противоречий и срывов его творчества, связанных с его модернистской основой. Ср., например, стр. 62: “Этот лаконизм сближений, эта ёмкость многозначных ассоциаций часто переходит и в некий лаконизм темноты, не только благодаря опусканию «подъёмных мостов» между ассоциациями, как в лирике 20-х годов, но и благодаря разрывам сознания, трагическим кошмарам, взрывам смятенного (подчас устранившегося) чувства-мысли”»²⁷⁸.

Однако другие рецензенты, Б.И. Бурсов и Б.Ф. Егоров, указали на те слабые стороны статьи, о которых писал Бухштаб. Главными из них было стремление объяснить трагические мотивы творчества Мандельштама предчувстви-

²⁷⁶ Мандельштам Н.Я. Письма к А.В. Македонову... С. 63.

²⁷⁷ Там же...

²⁷⁸ Жирмунский В.М. [Отзыв о вступительной статье А.В. Македонова к сборнику стихотворений О.Э. Мандельштама] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 744. Оп. 1. Д. 259. Л. 1-3. Л. 2.

ями «грядущих казней», «выяснить меру проникновения поэзии Мандельштама в нашу действительность»²⁷⁹, наконец, изобразить его если не «красным», то слишком «розовым».

Для Македонова, безусловно, было важным подчеркнуть необходимость поэзии Мандельштама для современного общества, многое в трагедии «поэта “порога”» исследователь объяснял исторической эпохой. Тем не менее сохранившаяся в РГАЛИ рукопись вступительной статьи Македонова позволяет сделать вывод о том, что первоочередным для исследователя было раскрытие секретов мастерства поэта. На разных уровнях художественного текста он показывает особенности «синтетического стиха» Мандельштама. «Особенно характерно для Мандельштама, – пишет Македонов, – стремление соединить различные пласты времени, “склеить «столетий позвонки»”, совместить их в едином поэтическом образе. С этим связана и особая роль реминисценций античности (в частности, тема “домашнего эллинизма”), а также и других историко-культурных пластов. Однако, в этом склеивании времён проявляются и иллюзорные попытки стать над временем, над “скучными ошибками веков”. Это приводит к, так сказать, перегрузке поэзии Мандельштама прошедшим временем, к одностороннему пафосу “узнавания” и ослаблению чувства созидательного, поступательного хода времени. Исходя из тех же стремлений, Мандельштам ищет синтетические интонации стиха, смело сплавляет разнообразнейшие речевые “лады” <...>, широко включает в лирическое стихотворение элементы реалистической прозы»²⁸⁰. Из исследований творчества поэтов XX века (от Твардовского и Заболоцкого до Евтушенко и Высоцкого) видно, что тенденцию художественного синтетизма, отмеченную в поэзии Мандельштама, Македонов считал общей для развития отечественной поэзии XX века, и таким образом творческие поиски Мандельштама оказались вписанными в литературный контекст эпохи.

В.М. Жирмунский в ряде случаев выразил несогласие с толкованием стихов Мандельштама, «в особенности там, где он (*Македонов – Э.К.*) пытается, иногда, как мне кажется, чрезмерно приблизить поэта и его творчество к нашей общественной современности». Однако рецензент посчитал невозможным «своими частными несогласиями нарушать цельность образа поэта, созданного или воссозданного <...> критиком»²⁸¹.

Редколлегия, учитывая огромную работу, проделанную Македоновым, предложила ему во второй раз коренным образом переделать статью, непременно руководствуясь замечаниями рецензентов. Македонов во время беседы с членами редколлегии в мае 1966 года постарался отстоять свою концепцию творчества Мандельштама и сразу не дал согласия на переработку статьи. «<...> я не хотел изобразить его (*Мандельштама – Э.К.*), – позже комментировал Македонов сложившуюся ситуацию, – “антисоветчиком” против его собственных взглядов и не хотел также ограничиться только формальным разбором стихов и

²⁷⁹ Решение членов редколлегии «Библиотеки поэта»... Л. 7.

²⁸⁰ Македонов А.В. «О поэзии Мандельштама» // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 6521. 73 л. Л. 68-69.

²⁸¹ Жирмунский В.М. [Отзыв о вступительной статье А.В. Македонова]... Л. 2-3.

оценкой их мастерства. Мне хотелось сопоставить путь Манделъштама с путями истории и всей нашей литературы»²⁸².

Тем не менее, взяв за основу отзыв В.Г. Базанова, в котором статья Македонова была подвергнута наиболее обстоятельному разбору, он в короткий срок представил новый, третий по счёту вариант статьи. Из переписки с Надеждой Яковлевной видно, что в процессе её создания он продолжал собирать сведения о Манделъштаме. Его волновал вопрос, на воспоминания кого из современников поэта можно опираться в своих исследованиях. Резко охарактеризовав некоторых мемуаристов, вдова поэта выделила М. Зенкевича, В. Жирмунского и П. Лукницкого.

В очередной раз статья Македонова была отвергнута редколлегией, по её мнению, пафос предисловия остался прежним, а стремление исследователя увеличить «доказательную базу» своей концепции привело к тому, что почти каждое положение было снабжено «многочисленными оговорками, запутывающими и без того сложную картину творческого развития поэта»²⁸³. Было принято решение поручить написание статьи Лидии Яковлевне Гинзбург.

Для Македонова это было потрясением. Н.Я. Манделъштам постаралась «примирить» его с Гинзбург: «Напрасно вы остерегаетесь Л.Я. Гинзбург – она не виновата в том, что произошло. И не хотела этого *из-за вас* (выделено Н.Я. – Э.К.), но её уговорили ради О.М. (Манделъштама – Э.К.). Она была бы вам рада»²⁸⁴. В письмах к Гинзбург Надежда Яковлевна тоже не раз добрым словом вспоминает Македонова²⁸⁵.

Македонов не жалел о потраченном времени. Позже в одном из интервью он признался: «<...> работая над статьей, <...> я получил так много информации, так много материала для размышлений, что одной статьей уже никак не мог ограничиться»²⁸⁶. При встречах с Надеждой Яковлевной и в письмах они продолжали обсуждать творчество Манделъштама, судьбу его многострадальной книги. Будучи «осторожным оптимистом», Македонов верил, что она скоро выйдет, и всячески пытался развеять сомнения вдовы. Не раз он советовал ей обратиться с письмом в вышестоящие инстанции с просьбой ускорить издание стихов Манделъштама. Надежда Яковлевна считала это бесполезным: кто станет слушать вдову опального поэта? Вот если бы международный скандал, как в случае с Пастернаком!

В последнем из её опубликованных писем к Македонову речь заходит о предстоящей тридцатилетней годовщине со дня гибели Манделъштама. Македонов, очевидно, предлагал поднять вопрос о необходимости официально отметить эту трагическую дату, что, возможно, помогло бы ускорить и издание сборника. Надежда Яковлевна спешила успокоить его разгорячённую голову:

²⁸² Македонов А.В. О письмах Манделъштам и по поводу... С. 66.

²⁸³ Решение членов редколлегии «Библиотеки поэта»... Л. 10.

²⁸⁴ Манделъштам Н.Я. Письма к А.В. Македонову... С. 65.

²⁸⁵ См.: Письма Н.Я. Манделъштам к Л.Я. Гинзбург // Звезда. 1998. № 10. С. 131, 134, 146.

²⁸⁶ Фоянков И.О. И снова пора надежд?... С. 9.

«вопрос бы хорошо поднять (публично), но не беспокойтесь – этого не отметят. Ваш оптимизм вас не покидает... Ну ничего... Стерпим. И не то терпели...»²⁸⁷.

Книга стихов Мандельштама была издана в серии «Библиотека поэта», как и предсказывала Надежда Яковлевна, через 10 лет – в 1973 году. Вместо Л.Я. Гинзбург, статья которой также не устроила редколлегию, автором предисловия стал А.Л. Дымшиц, постаравшийся обойти все острые углы.

Интерес Македонова к поэту был настолько велик, что он продолжил своё исследование, несколько раз безрезультатно пытаясь опубликовать работу о Мандельштаме. И только в 1985 году, когда началась перестройка, ему удалось поместить в свою книгу о поэтике русской лирики 1930-х – 1970-х годов небольшой параграф о поэзии Мандельштама тех лет²⁸⁸. Его намерение включить в сборник своих статей «Поэзия народного подвига» (М., 1986) работу о поэте вызвало сопротивление редколлегии издательства «Современник», по требованию которой раздел о Мандельштаме был изъят.

В 1991 году, в год столетнего юбилея поэта, Македонову повезло, и журнал «Русская литература» поместил его статью о поэтике Мандельштама, хотя и значительно сократив её (См. Приложение 1). В статье учтены основные труды отечественных и зарубежных учёных о поэтике Мандельштама, в том числе работы Л. Гинзбург, Вяч. Иванова, Ю. Левина, Е. Тоддеса, К. Тарановского, Н. Нилсона, Н. Струве и др. Рассматривая поэтику Мандельштама через призму авторского мировоззрения, Македонов создал концепцию философско-исторического синтеза в творчестве поэта. В результате контрастного соединения ощущений «катастрофического разрыва» и «всеобщей связи» бытия в поэзии Мандельштама появляется новая жанровая разновидность (философско-историческая лирика) и присущий ей новый тип лирического времени.

Статья 1991 года и скромная глава о поэте в книге о советской лирике связаны друг с другом общим предметом, методикой, целями исследования и пр. Повторение ряда выводов дают право рассматривать их как единый текст, являющийся «кратким конспектом» крупного научного исследования. Много лет скрупулёзно изучая творчество Мандельштама, Македонов признавался, что «имеющийся запас наблюдений и соображений легко позволит её (статью – Э.К.) развернуть в самостоятельную книгу»²⁸⁹. Однако выпустить монографию о Мандельштаме ему не удалось.

Македонов бережно хранил память о Мандельштаме. Он говорил о нём на Седьмом съезде писателей в 1990 году, противопоставляя поэта, его антисталинские стихи ура-патриотам, ратующим за национальную чистоту русской литературы, и напоминая о необходимости отметить приближающееся столетие со дня рождения великого русского поэта. Македонов продолжал бороться за издание полного собрания сочинений Мандельштама, поскольку

²⁸⁷ Мандельштам Н.Я. Письма к А.В. Македонову... С. 65.

²⁸⁸ Македонов А.В. «Народу нужен стих таинственно родной» // Македонов А.В. Свершения и кануны: о поэтике русской советской лирики 1930-1970-х гг. Л.: Советский писатель, 1985. С. 80-90.

²⁸⁹ Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от 11.10.1990 г. // Личный архив В.С. Баевского.

выпущенный в 1973 году в серии «Библиотека поэта» томик его стихов включал далеко не все произведения. И хотя он трижды переиздавался (1974, 1978, 1979), всё-равно оставался библиографической редкостью. Македонову казалось несправедливым, что творчество одного из лучших поэтов XX века до сих пор неизвестно читателю в полной мере. Он открыто настаивал на окончательном, без цензурных изъятий, возвращении Мандельштама.

*

Македонов интересовался современными поэтами в независимости от того, насколько они были известны, признаны, популярны, можно ли в их стихах увидеть близость к поэтике «смоленской» школы, к магистральному пути развития литературы или нет. Для него было важным показать многообразие развития отечественной литературы, осознать возможности поэтического слова.

Пройти мимо творчества Александра Гитовича Македонов не мог. Вместе они входили в литературную жизнь, посещая в Смоленске литературные вечера. Вместе вступали в САПП. Стихи Гитовича Македонов знал с 14 лет. После переезда Македонова в Ленинград их отношения вновь стали близкими. Именно Гитович познакомил Македонова с Ахматовой, с которой сам дружил более двадцати лет. Ахматова ценила Гитовича и как поэта, и как человека, который не только не прекратил с ней отношения во время травли, начавшейся в 1946 году, но и всячески старался поддержать и ободрить её. Гитович помогал Македонову и в работе над монографией о Заболоцком, поскольку был одним из близких друзей поэта. В распоряжение Македонова он передал письма Заболоцкого, которые тот опубликовал уже после смерти адресата (См. Приложение 1).

Критика редко баловала своим вниманием Гитовича, который писал с большими перерывами, уделял много времени переводам из китайской и корейской литературы. Поэтому, когда в 1962 году у него вышла книга стихов «Звезда над рекой» (1962), он предложил Македонову стать автором вступительной статьи. Критик первым попытался нарисовать общую картину внутренней эволюции поэта. Для него это было не столь трудно, поскольку за творчеством своего школьного товарища он следил с детства и помнил его первые стихи, опубликованные ещё в 14 лет в смоленской газете «Рабочий путь» (1 января 1924 года). Рассматривая развитие поэзии Гитовича в контексте советской литературы, отмечая в его ранних стихах влияние Н. Тихонова, отчасти Н. Заболоцкого, Македонов подчёркнул обретение поэтом собственного голоса в стихах последних лет, освобождение от следов «олитературённой романтики». Для Македонова было важным показать, чем поэт отличается от других, – «мужественным лаконизмом», «предельной спрессованностью и в то же время внутренней упругостью, сочетанием ясной идейной целеустремленности и психологической углублённости, трезвости и темперамента новой,

умудрённой опытом веры, гармонии “звука” и “рисунка мысли”»²⁹⁰). В библиографию работ о Гитовиче, как правило, включают более поздний очерк Македонова о поэте, помещённый в альманахе «День поэзии» (1979). Неопубликованной осталась статья «“Подвиг и награда” (о новых и старых стихах Гитовича)» (1968) и рецензия на книгу Дм. Хренкова «Дающий становится богаче» (1979), посвящённую поэту.

Об отношении Гитовича к Македонову и его работам можно узнать из стихотворения, увидевшего свет спустя два десятка лет после смерти поэта.

Воркута. Начальнику экспедиции
доктору геолого-минералогических наук
Адриану Владимировичу Македонову

Был бы я под немалой угрозой,
Если раньше писал бы туда,
Где, звеня кандалами мороза,
Ледяная лежит Воркута.

И где ныне – являя собою
Радикальный каприз бытия –
Ходит рядом не окрик конвоя,
А научная свита твоя.

Может, надо, пословице веря,
Нам учесть этот странный пример –
Как твоей помогали карьере
Те, кто слали тебя на карьер?

Там – где некуда больше податься –
Среди стужи, сводившей с ума,
Материал для твоих диссертаций
Поставляла природа сама.

Был твой путь неподкупен и долог,
И поэтому – веку под стать –
Лучше всех научился *геолог*
О поэзии нашей писать. (1962)²⁹¹

*

Один из учеников Гитовича, в своё время возглавлявшего при Ленинградском Доме писателей объединение молодых поэтов, Вадим Шефнер тоже заинтересовал Македонова-критика. В 1964 году в июньском номере «Нового мира» была опубликована его рецензия сразу на две книги Шефнера «Знаки земли» (1961), «Рядом с небом» (1962) и подборку его стихов, выпущенную в альманахе «День поэзии» (1963). Как обычно, Македонов стремился обозначить своеобразие автора, рассматривая его творчество через призму советской

²⁹⁰ Македонов А.В. Отвага, дружба, мастерство // Гитович А.И. Звезда над рекой. Стихи [сб.]. М., Л.: Советский писатель, 1962. 255 с. С. 3-14. С. 13.

²⁹¹ Гитович А. Стихи // Нева. 1989. № 3.

литературы. Он видел в лирике Шефнера рождение нового типа лирического «городского» или «индустриального» пейзажа. «Красота динамических конструкций»; «предметное» ощущение связи времён; неожиданные метафоры, образующие «мосты», соединяющие разнообразные события и явления; доверительный разговор с читателем «без выкрутас»; «гражданский дух» поэзии, выраженный в «предельном чувстве ответственности» лирического «я» и т.д. – каждое из этих замечаний о поэтике Шефнера может быть развёрнуто в отдельную работу. Рецензия воспринимается как сжатый конспект глубокого исследования, основная часть которого осталась скрытой. Критик предельно лаконичен, но позволяет читателю услышать голос самого поэта: он цитирует не только отдельные лирические фразы, четверостишия, но полностью приводит одно из лучших, на взгляд критика, стихотворение – «Отпечатки на угле».

Либеральные перемены хрущёвской оттепели, разоблачение прежней политики государства на XX съезда партии убедили «неисправимого оптимиста» Македонова в реальности поворота к построению социалистического общества с человеческим лицом. Он искренне считал, что искусство должно поддерживать в людях веру в возможность построения общества социальной справедливости, поэтому и от писателей ждал проявления гражданской позиции, создание «свободной лирики больших и глубоких мыслей, способной подлинно, “без украшений” отразить и выразить “цветущий мир” в его стремительном и целеустремлённом движении»²⁹².

*

Македонов-критик всегда много работал в жанре рецензии, поскольку живо интересовался поэтическими новинками. Молодые авторы могли рассчитывать на его поддержку, обстоятельный и доброжелательный анализ. Отзывы Македонова на произведения начинающих поэтов выходили в авторитетных изданиях, что сразу вводило их в круг чтения любителей поэзии. Так, в 1972 году в «Литературной газете» появилась его статья «Поиски глубины и глубина поисков» (1972), в которой критик наряду с уже известными поэтами М. Дудиным, Г. Горбовским, В. Соснорой, И. Маряловой называет имена тех, кто только входил в мир большой литературы. Он с уважением говорит о даровании Наталии Галкиной, Виктора Кудрявцева, Юрия Красавина и др.

Македонов имел своё представление о том, какой должна быть настоящая литература – талантливой, правдивой, гуманной, зовущей к достижению высших целей человечества. Он толерантно относился к творческим поискам самых разных поэтов, в том числе и тех, кто с трудом проходил через цензурные препоны, был далёк от канона социалистического реализма. К примеру, о Викторе Сосноре Македонов пишет как о поэте «глубокого дыхания», выделяющимся на фоне поэтической инфляции современной литературы, коловращения вокруг нескольких мотивов, варьирования «популярных стереотипов красот природы и любовных переживаний на фоне оных»²⁹³.

²⁹² Македонов А. Поэзии пристальный опыт // Новый мир. 1964. № 6. С. 230-233. С. 233.

²⁹³ Македонов А.В. Поиск глубины и глубина поисков // Литературная газета. 1972. 23 августа (№ 34). С. 5.

Одной из важных задач литературной критики Македонов считал определение стратегии развития поэтического таланта. В Ленинграде вокруг него всегда было много молодых поэтов. За советом или помощью к нему обращались и писатели из других мест, присылая и привозя ему на отзыв свои стихи. Македонов интересовался и литературной жизнью Смоленска, поддерживал начинающих Раису Ипатову, Владимира Тазова, Зеана Кагана и других талантливых авторов²⁹⁴. Он на всех находил время, писал отзывы и характеристики, давал рекомендации в члены Союза писателей, помогал опубликовать их произведения.

Как некогда Твардовский и Муравьёв, своим литературным наставником Македонова могли назвать многие поэты поколения 1960-1980-х годов. В таком ключе с душевной теплотой и благодарностью пишет о нём Ольга Бешенковская: «А я вспоминаю, как обрушила все свои 10 стихотомов на хрупкого, щуплого Адриана Владимировича Македонова, наделённого большой и нестигаемой личностью. <...> Я смотрела в его голубые, незамутнённые двоедушием, всегда любопытные до всего на свете глаза и немного обижалась на не слишком любезную поначалу супругу, которая явно ревновала его, их время – к нашему. Она-таки оказалась права. Потому что Андриан Владимирович всегда искал приключений на свою седую голову. В его академической книге, посвящённой русской поэзии, впервые в Ленинграде взошли наши имена... А до обломков самовластья было ещё далеко... И поневоле спрашиваешь себя: а вмешались бы здесь остепенённые коллеги в чью-то ещё не сложившуюся судьбу, рискуя своим личным благополучием? В экстремальной политической ситуации – допускаю. В вялотекущей повседневности – вряд ли. Как не клеймят позором, но и не поднимают с асфальта бездомных безработных. Их просто не замечают. Пожалуй, здесь было бы вопиющей невежливостью и нарушением демократии обратиться не в газету, а прямо, прилюдно, к оратору, одному из новоявленных зоологических патриотов: – Стидно, молодой человек. То, что вы говорите, – подло. А пост-80-летний Македонов в пост-коммунистическом Питере именно так и отреагировал. И Тамара Юрьевна Хмельницкая, тоже литературовед, тоже уже вся сморщенная, подпрыгнула на своём детском ботике и сверкнула на него влюблённо: “О, рыцарь духа...”»²⁹⁵. Для поэтессы Ольги Бешенковской Македонов наравне с Л.Я. Гинзбург, Т.Г. Гнедич, Г.С. Семёновым был тем, кто «как мог излучал тихий петербургский свет в городе Ленина <...>. Они не были ни борцами, ни храбрцами, но они сохранили ясный разум в духовном дурдоме, гордость породы в идеологическом бардаке, человеческий словарь – под аббревиатурами новояза...»²⁹⁶.

²⁹⁴ В письме к В.С. Баевскому, хранящемся в личном архиве профессора, Македонов дружески отмечал: «Что касается смоленских дел, то очень рад был узнать, что вторая книга у Ипатовой получилась. <...> Когда у Вас найдётся время, посмотрите всё же и книгу Тазова – представителя другого поколения, другой манеры <...>. Я дал ему рекомендацию в Союз, немножко болею и за его личную судьбу, может быть, при случае напишу о нём <...>» (29.10.1985).

²⁹⁵ Бешенковская О. Рыцари духа... С. 204-205.

²⁹⁶ Там же...

А.В. Македонову

Мы нараспев дышали Мандельштамом,
Почти гордясь припухлостью желёз...
И жизнь была бездарностью и срамом,
Когда текла без мужественных слез.
Оберегая праздников огарки,
Средь ослеплённой люстрами страны
В дни Ангелов мы делали подарки
Друзьям, что были дьявольски пьяны...
Так и взрослели: горечи не пряча,
Брезгливо слыша чавканье и храп;
И в нашу жизнь – могло ли быть иначе –
Вошли Кассандра, Совесть и этап...

«Рыцарь духа» всегда был готов поддержать талантливого писателя, если необходимо, встать на его защиту. Лагерный опыт не надломил его, не сделал более осторожным. Его не нужно было звать на помощь, он приходил сам, когда дело касалось принципов.

Так, Александр Кушнер с благодарностью вспоминал о том, как в 1985 году Македонов вступился за него в связи с разгромной статьёй о поэте, опубликованной в «Правде». Критик решился вступить в полемику и отправил в «Правду» открытое письмо. «Хотя бы для очистки совести, – так Македонов объяснял свой поступок в письме к В.С. Баевскому. – Не сомневаюсь, что моя реплика не будет напечатана, но надеюсь, что напишет ещё ряд людей, и совокупность писем может подействовать в какой-то мере <...> пример Кушнера разобран совершенно неверно, оценка его творчества решительно расходится с оценкой её и критикой и достаточно широким читателем, и сама методика разбора такова, что аналогичные упрёки можно предъявить любым классикам поэзии – от Пушкина до Ахматовой»²⁹⁷.

*

Изучение современной поэзии вызывало у Македонова двойственное впечатление: огромный поток публикуемых текстов производил удручающее впечатление падения общего уровня литературного мастерства. В 1968 году он принял участие в дискуссии о проблемах отечественной поэзии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы литературы». В неё включились известные поэты, писатели и литературные критики: А. Тарковский, Е. Винокуров, Н. Рыленков, С. Наровчатов, В. Огнев, А. Турков, Л. Озеров, Е. Осетров и др.

Инициатором разговора был Исаковский, который с возмущением писал о девальвации поэтического слова в современном искусстве, о той лёгкости, с которой раздаётся титул талантливого поэта: «Открывать, находить новые таланты возможно и нужно только так, как в Якутии находят крупные алмазы или как золотоискатели находят где-нибудь на Алдане золотые слитки. Это бывает не часто, но зато, если ты нашёл, то это уж будет настоящая находка, а

²⁹⁷ Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от 20.06.1985 г. // Личный архив В.С. Баевского. Об этом факте А.С. Кушнер вспоминает в письме к В.С. Баевскому (март 1996 г.). См.: Баевский В.С. Кулацкий подголосок и враг народа: Двойной портрет... С. 20.

не какой-нибудь мыльный пузырь. <...> литература наша сильна не количеством людей, принятых и принимаемых в Союз писателей, <...> литература сильна только людьми талантливыми, только качеством созданных этими людьми книг»²⁹⁸.

Македонов занял несколько иную позицию, исходя из того, что плохие стихи во все времена «плодились в изобилии», даже в периоды наивысших взлётов поэтического слова «бездарных виршей было хоть отбавляй». Он принял точку зрения Ахматовой, утверждавшей, что «такого высокого уровня поэзии, как сейчас <...> не было никогда» за последние полвека²⁹⁹. Затрудняясь назвать имена двух-трёх талантливых поэтов 1960-х годов, он выстраивает целую галерею только ленинградских авторов, благодаря которым современная поэзия переживает расцвет: А. Ахматова, С. Маршак, Н. Асеев, В. Шефнер, А. Гитович, плеяда молодых – А. Кушнер, В. Соснора, Л. Агеев, О. Тарутин, наконец, юная «поросль» – Р. Вдовина, Е. Кумпан и др. Новый подъём переживает творчество Твардовского, Я. Смелякова, развернулись таланты Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Д. Самойлова, Е. Винокурова и др. Македонов не забыл сказать и о возвращении из небытия поэзии Заболоцкого, Хлебникова, традиции которых прорастают новой жизнью в поэзии молодых авторов.

В то же время критик согласился с Исаковским: «видится в этом подъёме поэзии подчас нечто более внешнее, чем внутреннее, идущее больше вширь, чем внутрь. <...> Можно ли сказать: вот пришёл новый большой талант, равномасштабный, например, Твардовскому? И уж слишком часто в самоновейших поэтических напитках преобладают более или менее искусные коктейли из чужих голосов – и Блока, и Есенина, и Пастернака, и Мандельштама, и Багрицкого, и Ахматовой, и Заболоцкого, и Твардовского»³⁰⁰. Молодые поэты, по его мнению, пока не смогли достигнуть вершины мастерства старшего поколения. Но из этого Македонов делает вполне оптимистический вывод: есть ощущение предвестия нового принципиального скачка, подготовки «стартовой площадки», ощущение взлёта, который должен произойти.

Македонов не ограничивается общей оценкой состояния современной поэзии, он анализирует основные тенденции и принципы её развития (жанровый и тематический синтетизм; синтез лирического, повествовательного и сценического начал; принцип углублённости в себя; соединение принципов социальности, народности и гуманистического пафоса; лаконизм и экспериментальность; ёмкость поэтического слова; реалистическая символика; синтез ясности и «бессвязной связи» на основе единства общественного идеала т.д.). Критик очерчивает контуры эстетических поисков современных авторов, поскольку глубоко убеждён: подлинное искусство не может находиться в стадии стагнации, повтора, оно должно развиваться.

*

Македонов живо реагировал на творческие поиски писателей разных литературных течений: от поэтов военного поколения (К. Симонов, Ю. Друнина,

²⁹⁸ Исаковский М. Доколе? (о стихах и талантах) // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 67-86. С. 81.

²⁹⁹ Македонов А. Правда поэзии // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 86-97. С. 87, 86.

³⁰⁰ Там же... С. 87.

Д. Самойлов, О. Берггольц и др.) до представителей нового авангарда (А. Вознесенский и др.). Не осталась вне поля его зрения и бардовская поэзия. В письме к В.С. Баевскому Македонов поделился своим открытием Высоцкого: «я неожиданно для себя отвлекся на серьёзную статью о Высоцком, как лирике – в соавторстве с человеком, совсем не литератором, но крупным учёным – психологом и любителем поэзии, который привёз сюда (*Переделкино – Э.К.*) сборник Высоцкого “Нерв” и много магнитофонных записей песен Высоцкого. В своей книге о лирике, в главе о 70-х годах, я сделаю несколько страниц о Высоцком именно как о лирике <...>»³⁰¹. В монографии «Свершения и кануны» (1985) есть раздел не только о Высоцком, но и о Булате Окуджаве.

*

«Свершения и кануны» – итоговая книга Македонова о поэтике русской лирики 1930-1970-х годов. Одновременно с ней вышли сразу несколько научных монографий об особенностях поэзии советского периода. Некоторые исследователи выбрали путь обобщений. Так, доктор филологических наук профессор МГУ В. Зайцев в книге «Русская советская поэзия. 1960-1970-х годов» (1984) разграничил четыре стилевых тенденции в поэзии: реалистическую (Е. Евтушенко, А. Жигулин и др.), романтическую (Р. Рождественский, Н. Рубцов, Р. Казакова и др.), «романтико-реалистическую» (Д. Самойлов, Н. Ушаков и др.), «условно-фантастическую», иначе «сложно-ассоциативную» (А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, В. Соснора и др.). Предложенная типология сразу вызвала недоверие, поскольку творчество указанных поэтов трудно было отнести к одному стилевому течению.

В работах других исследователей история поэзии представлялась как панорама творческих индивидуальностей. К примеру, критик Александр Михайлов в книге «Сила и тайна слова» (1984) сознательно отказывается от «методологии обзорности», объединения поэтов в группы, течения и т.п., проведения прямых аналогий или противопоставлений, видя в таком подходе угрозу нивелирования авторского своеобразия.

Монография Македонова основана на совмещении двух противоположных методических подходов. Как и Зайцев, он рассматривает лирику в социально-историческом и литературном контексте с точки зрения развития её поэтики, но его типологический анализ не устанавливает столь жёстких рамок для понимания творчества того или иного автора. Например, в творчестве поэтов «тихой» и «эстрадной» лирики он видит не только контрастные, но и общие принципы. Для Македонова важнее определить в исторической перспективе основные мотивы, проблемы, тенденции лирической поэтики, в то же время, как и Михайлов, он признаёт необходимость выделения особенностей поэтического мира конкретных поэтов, благодаря новаторским поискам которых и происходит развитие лирического искусства. Аналитический обзор сочетается в книге Македонова с кропотливым анализом художественных текстов.

³⁰¹ Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от 28.05.1982 г. // Личный архив В.С. Баевского.

Критика восприняла «Свершения и кануны» как новую интерпретацию истории советской лирики и отдельных лирических текстов, преодолевающую сложившиеся стереотипы восприятия того или иного автора. Даже те, кто готов был в некоторых случаях поспорить с исследователем, соглашались: Македонов «исходит из конкретного стихового анализа, и это позволяет ему избежать односторонности в оценках и не увлекает на ложную дорогу выделения неких литературных сообществ»³⁰².

Книга Македонова пострадала от цензуры, задержавшей её выход на год. Особенно Македонов был огорчён судьбой раздела, посвящённого лирике Пастернака 1946-1953 годов. Уже в вёрстке, пройдя все стадии редактирования, он был ограничен анализом одного стихотворения «Марш», разборы других произведений, в том числе «Свадьбы», «Зимней ночи», которые Македонов считал шедеврами, были изъяты из окончательного текста монографии. Редакция, дирекция издательства ссылались на некое постановление вышестоящей инстанции о запрете на публикацию и анализ стихов Пастернака этого периода, даже тех, которые были опубликованы до того, как вышел в свет роман «Доктор Живаго». Македонов был возмущён: в то время, как на западе Пастернаку посвящали сотни исследований, в России не было опубликовано ни одной литературоведческой монографии о поэте; без анализа стихотворений из «Доктора Живаго» говорить об особенностях развития лирики было почти невозможно. Македонов оказался перед дилеммой: совсем задержать издание книги или обратиться за разъяснениями к высшим инстанциям и постараться отстоять монографию в полном объёме. Македонов дважды обращался к Первому секретарю ЦСП Г.М. Маркову за помощью, рассчитывая, что тот, кто в одном из своих выступлений назвал Пастернака в числе классиков советской поэзии, поможет разрешить ситуацию. Надежды не оправдались, ответа не последовало. Книга вышла в «обрезанном» виде.

В том же году стихотворения Пастернака, проанализированные Македоновым, были включены в двухтомное собрание сочинений поэта.

*

Изучение поэзии в работах Македонова 1960-1990-х годов было связано с решением теоретических проблем. Исследователь стремился проникнуть в творческую лабораторию писателя, понять природу художественного мастерства, осознать закономерности развития литературного процесса, наконец, обосновать принципы и подходы литературоведческого анализа.

Радикальные перемены в области эстетического знания, которые принёс с собой XX век, открывший имманентные законы искусства, не заставили Македонова отказаться от традиционного взгляда на литературное творчество. Он был сторонником концепции искусства как познания и воспроизведения постоянно развивающейся объективной реальности в форме второй субъективно-объективной действительности, в которой реализуется эстетический идеал.

В поздних литературоведческих работах Македонова заметно влияние

³⁰² Малыгин А. Преодолевая стереотипы // Литературная газета. 1985. 10 июля. С. 4.

учения Теяйра де Шардена об эволюционно-космическом христианстве, построенного на основе диалектической методологии. Благодаря ему Македонов начал воспринимать мир, в том числе и искусство, как устремлённое к совершенству поступательно развивающееся дифференцированное единство, в котором всё взаимно обуславливает друг друга и сохраняет при этом свои индивидуальные черты. Человеку, и особенно художнику, как существу мыслящему и способному творить, в мире отведена роль объединения, высшего синтеза всего существующего. Идеи, рождённые человеком, образуют ноосферу – «мыслящий пласт земли», «коллективный и постоянный организм», который находит своё завершение в «точке Омеге», Боге. Концепция Теяйра де Шардена подтвердила представления Македонова о том, что художественное произведение должно обладать определённым идеологическим наполнением, направляющим сознание людей в сторону осуществления реального идеала – эстетического и социального.

Постепенно Македонов выработал свою методическую систему, основанную на определённых критериях оценки литературного мастерства и принципах его анализа.

1. Мастерство писателя критик оценивал прежде всего с точки зрения целостности, содержательности формы художественного текста, соответствия идеи и средств художественной выразительности. «В искусстве – всё средства и всё цель»³⁰³.

2. Форма произведения, по мнению исследователя, должна не только соответствовать эстетическим нормам, способствовать их совершенствованию, но в то же время быть уникальной, неповторимой. В противном случае текст становится фактом не искусства, а публицистики.

3. Решающую роль в определении содержательности формы играет проверка контекстом. Эта традиционная для исследователей разных направлений установка была особенно дорога Македонову. Он готов был поддержать тех коллег, с которыми обычно полемизировал, если они следовали принципу целостного анализа произведения. Речь, в частности, идёт о Ю.М. Лотмане, который признавал эстетическую автономность любой стороны текста, но в то же время утверждал: «наблюдаемый феномен лишь одна из составляющих сложного целого. Она походит на наблюдателя, неизменно спрашивающего – „В какой ситуации?“ Ясно, что голый человек в бане не равен голому человеку в общественном собрании»³⁰⁴. Многих методических подходов структуралистов Македонов не разделял, но в данном случае он соглашался с ними.

4. В основе анализа Македоновым художественного текста лежат универсальные для научного исследования принципы диалектики (прежде всего, взаимосвязи и развития), которые позволяют увидеть многообразие, противоречивость явлений, рассмотреть их в статике и в динамике. Такой подход отличает работы Македонова от трудов других критиков, у которых он может присутствовать, но не доминировать как методическая установка.

³⁰³ Македонов А.В. Анализ художественного мастерства // Современная литературно-художественная критика: Актуальные проблемы. Л.: Наука, 1975. 264 с. С. 44-106. С. 65.

³⁰⁴ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с. С. 24.

5. Отстаивая принцип бесконечной многозначности художественного текста и, следовательно, относительности любой его интерпретации, Македонов соглашался с Ю.М. Лотманом, утверждавшим, что самое полное описание системы лишь приближает к её пониманию, создаёт область истолкования, в пределах которой лежат индивидуальные трактовки. Цель исследования – не в нахождении единственно возможного объяснения, а в определении области истинности, сферы возможных интерпретаций данного текста с позиций нового читателя. Македонов добавляет: «неисчерпаемость текста объясняется не только появлением новых читателей с их новым восприятием, но и прежде всего тем, что и для любых старых читателей новое перечтение и новый анализ подлинно художественного произведения всегда открывают в нём новые стороны, поскольку искусство и художественное мастерство < – > это также вторая действительность, также неисчерпаемая, также актуальная бесконечность, как и первая»³⁰⁵.

6. Безоговорочным для Македонова, сторонника научной критики, был принцип доказательности: «Поскольку всякий анализ мастерства включает в себя и его оценку, необходимо избегать и равнодушного, только констатирующего описания, и необоснованных, субъективистских оценок, того, что называется вкусомщиной»³⁰⁶. Лучший способ избежать субъективности в оценках – не только постулировать, но и аргументировать, подтверждать свои выводы авторским текстом; субъективные ассоциации, домыслы – признак ненаучности подхода. В этих целях исследователь постоянно прибегал к приёму цитации.

7. В то же время можно говорить и о принципе «сопереживания». Будучи преемником Белинского, Македонов полагал: «...высшая форма анализа мастерства <...> включает в себя соединение разума и чувства, как и в самом художественном творчестве, хотя этот анализ остаётся прежде всего научным творчеством. Система анализа мастерства сливается с системой самого мастерства»³⁰⁷.

8. При отборе авторов и текстов Македонов руководствовался принципом полноты охвата материала. Он считал, что любой писатель достоин изучения, даже у того, кто не включается критиками в круг талантливых литераторов, можно найти приметы мастерства. Анализировать необходимо все тексты, но в первую очередь те, в которых индивидуальность писателя воплотилась с наибольшей силой. Изучение периферийных с этой точки зрения произведений может помочь писателям в их совершенствовании.

*

Теоретический уровень обобщений говорит о том, что критика Македонова в эти годы приобретает научный характер, не утрачивая при этом своей полемичной направленности. Это подтверждают и его статьи, посвящённые вопросам эстетики и методологии литературоведческого анализа.

³⁰⁵ Македонов А.В. Анализ художественного мастерства... С. 103.

³⁰⁶ Там же... С. 84.

³⁰⁷ Там же... С. 67.

Опираясь на эстетику Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, учения В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского, Македонов вступал в спор с исследователями, чьи принципы анализа художественного текста казались ему неверными. Критика «по поводу», для которой литературное произведение было не целью, а средством, его не интересовала.

Македонов полемизировал с представителями структурно-семиотического направления: считал большой ошибкой сведение специфики искусства к особенностям разных знаковых систем (вербальной, иконической и пр.) и противопоставление его познанию как отражению действительности в художественных образах.

Отношение к семиотическим теориям Македонов выразил словами Николая Заболоцкого:

Системой выдуманных знаков
Весь мир вертится, одинаков,
Не мир – а бешенный самум,
Изображенье наших дум.

Македонов был знаком с разными вариантами семиотических и символических теорий – Ч. Пирса, Ч.У. Морриса, Э. Кассирера, С. Лангер, структуралистов Ц. Годорова, А. Греймаса, Р. Якобсона и др., имеющих разную философскую основу – от неокантианства до различных форм позитивизма. Среди работ отечественных семиотиков его внимание привлекли труды Юрия Михайловича Лотмана, поскольку в них детально описаны художественные знаковые системы и собраны воедино широко распространённые мнения учёных данного направления. Он с большим уважением относился к Лотману, что не мешало принципиальности оценок его трудов.

Важно отметить, что оба учёных исходят из представления об искусстве как способе художественного познания жизни, их исследовательские методы основаны на диалектическом подходе к явлениям духовной культуры. Принципиальная разница состоит в том, что Лотман определяет искусство как особый тип вторичных моделирующих знаковых систем, а Македонов полагает, что модель – неудачная замена понятию «художественный образ мира». Модель предполагает нечто доступное репродукции, а литературный текст – явление всегда неповторимое, как живой организм: в нём есть элементы моделирования художником действительности в соответствии с его эстетическим идеалом, но есть и то, что не моделируется, зачастую именно оно таит в себе главные секреты.

С этим связаны и претензии Македонова к методике литературного анализа структуралистов. Он находил у них опасные, на его взгляд, методические установки. Одна из них – отождествление идеи с формами её выражения. В работе Лотмана «Анализ поэтического текста. Структура стиха» (1972) Македонова заинтересовало отождествление «идейное содержание произведения –

структура»³⁰⁸. Эти понятия, утверждает Македонов, не идентичны. «Структура» – обязательное свойство формы, её внутренняя упорядоченность; это нечто инвариантное, сохраняющееся в процессе изменений. А «форма» – нечто более динамичное и включает в себя не только инвариантность, но и вариативность. Поэтому идея произведения, настаивает Македонов, немислима не только вне структуры, но и вне всех остальных свойств художественной формы. Вся «живая материя» литературного текста выражает его идею: «Всё здание, не только его план, конструктивный чертёж, но и все кирпичи, стёкла, металл, внутренняя и внешняя отделка, самый воздух, наполняющий комнату, тот ландшафт, в который здание вписано, положение здания в ландшафте. Идея здания есть общая закономерность этой целостности во всех её проявлениях. Идея художественного произведения – это то, что делает его единой системой образов в её своеобразной актуальной бесконечности, в которой в отличие от здания ничего нельзя заменить, как нельзя заменить в организме сердце или мозг. Более того, целостность искусства является ещё более строгой целостностью. В организме можно заменить ногу протезом, и он всё же останется организмом. Но в “Войне и мире” нельзя заменить главу, написанную Толстым, главой, написанной кем-то другим, хотя бы также гениальным художником. Протезирование здесь невозможно»³⁰⁹.

В практике структурализма делается упор на анализе повторяющихся элементов художественной формы, на поиск инварианта. Македонов видел в этом угрозу глубокому, целостному анализу текста, на его взгляд, такой подход приводит к игнорированию эстетической роли всех выразительных средств. Оказавшись «в плену модели», исследователь может упустить нечто существенное, как это произошло, по мнению Македонова, в анализе Лотманом поэзии Заболоцкого. Македонов постарался показать механизм «талантливой неудачи» исследователя.

Модель поэтического мира Заболоцкого, предложенная Лотманом, не устроила Македонова по ряду причин.

Так, Лотман строит анализ на выделении модельных оппозиций, зачастую элементарных (верх – низ, простор – теснота, далёко – близко и т.п.). Но, по мнению Македонова, в искусстве они перестали играть значительную моделирующую роль, поскольку действует принцип диалектической связи, единства противоположностей. Поэтому в ряде текстов Заболоцкого понятия, поставленные Лотманом в оппозиционные отношения (например, мысль (культура) – природа), порой синтезируются, что разрушает готовую схему. Поэт говорит о «думе / беспредельной полей и дубрав», человек у него может стать «нервной системой растений», а в камне лирический герой может видеть лик Григория Сковороды.

В большинстве текстов Заболоцкого Македонов не нашёл подтверждения семантики некоторых оппозиций, которую предложил Лотман. К примеру,

³⁰⁸ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с. С. 38.

³⁰⁹ Македонов А.В. Анализ художественного мастерства ... С. 72.

он возражает против моделиобразующей роли в поэзии Заболоцкого оппозиции «вверх – низ» и стремления «приписать» ей этическое значение «добра – зла». Она может встречаться у Заболоцкого как проявление традиционного сознания (издавна движение вверх ассоциируется с чем-то лучшим, чем движение вниз, а небо стало символом высшего бытия или мечты). Но в большинстве текстов Заболоцкого данной оппозиции либо нет, либо она имеет иное значение. «“Белая ночь” – что тут добро, что тут зло? – рассуждал Македонов, листая подряд стихотворения из двухтомника Заболоцкого. – “Низ”, где “любовь стелется под листьями”, или “верх”, где ракеты летят, “вертя бенгальским животом”? В “Вечернем баре” самый “верх” представлен “шаром крылатым” с именем Зингера, то есть предметным символом отнюдь не добра, а <...> Петербурга коммерческого. В “Футболе” нет ни “верха”, ни “низа”, и если что можно отнести к “добру”, то прежде всего “маму”, “в лиловом домике”. В стихотворении “Фокстрот” есть явный представитель “верха” – “парит по воздуху герой, / стреляя в небо пистолетом”. Неужели Ю. Лотман думает, что это возвышение на небеса представляет путь “блистательного франта” от зла к добру? <...> В “Бродячих музыкантах” самый высокий “верх” представляет “кошка, / как дух седьмого этажа”. В “На лестницах” “коты ревут... как дьяволы вверху”. Дьяволы – это как будто зло, и помещены они почему-то вверху, а не внизу. В “Прогулке” вся природа сравнивается с “высокой тюрьмой”. Высота здесь с добром тоже не ассоциирует. В стихотворении “Меркнут знаки зодиака” порыв снизу вверх выражен в полёте “прямо в небо” “толстозадых русалок” и ведьм»³¹⁰. В результате Македонов приходит к выводу: из-за стремления «уложить» поэта в стройные схемы оппозиций Лотман не смог проникнуть в глубины поэтического мира Заболоцкого.

Разработав общую модель художественного мира писателя, на следующем этапе исследования Лотман предлагает перейти к анализу конкретного текста путём его сегментации и сопоставления сегментов с целью выявления дифференциальных признаков, которые являются носителями значения. Комментируя такой методический ход, Македонов делает акцент на важной оговорке самого Лотмана: художественный текст – не копия общей системы. Значит нужен индивидуальный подход. Призывая всегда помнить об этом, критик одновременно подчеркнул традиционность принципов сегментации и сопоставления: в той или иной форме любой исследователь использует их для детального анализа художественного произведения.

Таким образом, главную причину «талантливой неудачи» Лотмана Македонов видит в методике структуралистского подхода. Изучая её, он принимает те приёмы и принципы, которые воспринимаются им как традиционные. Он не отвергает создания модели поэтического мира художника, скорее не соглашается с самим термином и предупреждает об опасности схематического подхода к тексту.

В работах западных структуралистов и отечественных филологов Македонов отмечает ещё один недостаток – стремление рассматривать форму как

³¹⁰ Македонов А.В. Анализ художественного мастерства... С. 92.

самодовлеющий и независимый мир неких «приёмов», а также механического, однозначного сведения каждого формального элемента к тому или иному компоненту содержания. Например, отсутствие или редкость глаголов в стихотворной речи некоторые исследователи воспринимают как показатель её созерцательности или статичности, а обилие глаголов – как гарант динамичности (Кристина Поморская и др.), другие, наоборот, доказывают, что отсутствие глаголов придаёт событиям динамичность.

Македонов поднимал также проблему поверхностного, неполного прочтения литературного текста, что ведёт к субъективным выводам. Подобный «недостаток» он отметил в работе А. Михайлова «Лирика сердца и разума» (1965), где высоко оценивалось стихотворение Леонида Мартынова «Вода благоволила литься!» (1946). Несмотря на искусное ритмико-интонационное построение, талантливо воссозданные образы и т.п., Македонов пришёл к выводу, что стихотворение вряд ли можно отнести к числу мастерски написанных, хотя бы потому, что его идея банальна. Стоило ли писать стихотворение, чтобы доказывать общеизвестную истину: дистиллированной воде «жизни не хватает»? Причину неуместных восторгов и субъективности выводов исследователя Македонов видит в его неверной мотивации: Михайлов откровенно любит поэзию Мартынова, и поэтому стремится подчеркнуть в ней только лучшее. Это мешает объективной оценке мастерства писателя, а значит и его творческому развитию.

Свой критический отзыв Македонов традиционно завершил собственным анализом текста и рекомендациями, в каком направлении можно продолжить исследование: выявить сильные и слабые стороны творчества поэта, сравнить использование им приёмов с тем, как их применяют другие авторы, и в итоге определить место писателя в общей картине развития русской литературы. Подобный алгоритм исследования характерен для работ самого Македонова.

Литературно-критические исследования Македонова конца 1950-1990-х годов не потеряли своего значения и на современном этапе. Верность гуманистическим принципам, глубина и убедительность научной аргументации остаются неизменными достоинствами его работ, которые не могут быть дискредитированы наличием отдельных штампов, рожденных эстетикой эпохи социализма.

3.3. Гражданская позиция. Участие в дискуссиях

Македонов, как и все члены его семьи, был человеком активной гражданской позиции. Он всегда интересовался жизнью страны. Порой писал статьи на общественно-политические темы³¹¹.

³¹¹ В 1930-е годы А.В. Македонову принадлежала статья «Обнищание масс и безработица в странах капитала», в 1950-е – «О законе стоимости и законе планомерных общественно-необходимых и общественно-полезных трудовых затрат при социализме» (1956) и «Ещё о законе стоимости и товарном производстве при социализме (Ответ рецензенту)» (1958; ЦГАЛИ СПб. Ф. № 744. Оп. 1. Д. 38, 39).

Несмотря на свою колоссальную занятость как геолога, критика и историка литературы, семейные проблемы, ухудшающееся с годами здоровье, Македонов, как и в молодости, не оставался в стороне от научных и околонаучных баталий. Остро ощущая несправедливость, он готов был заступиться за людей даже малознакомых, за писателей, чьё творчество было ему не близко. Так, в 1964 году Македонов близко к сердцу принял «дело Бродского», несмотря на то, что поэт не вызывал у него симпатии, а его стихи были далеки от литературных вкусов критика. Но остаться безразличным к судьбе публично «избываемого» поэта Македонов не мог. К тому же это вызывало в его памяти события 1930-х годов: травлю Твардовского и его самого. Он постарался привлечь внимание интеллектуальной общественности к судьбе Бродского. Хорошо известен факт его обращения к Твардовскому с предложением выступить в защиту молодого поэта. Твардовский испытывал давление «сверху», получая настоятельные советы В.С. Лебедева «не вникать в грязное дело», и, вероятно, учитывая отрицательные отзывы о Бродском некоторых новомирских авторов (М.И. Алигер, В.Ф. Панова, О.Ф. Берггольц)³¹², дал Македонову осторожный ответ: «Последнее твоё письмо, посвящённое известной (ныне и мне известной) истории с процессом над “тунеядцем”, мало чего по существу добавляет к тому, что я уже имел из разных писем и разговоров об этом деле. Хорошо, что ты видишь и ту сторону дела, которая заключается в противноватости облика этого молодого человека и его стихов, которые хоть и весьма, как говорится, квалифицированные, но порядочно от них пованивает. Конечно, это не резон, чтобы судить человека и присудить к 5-летнему сроку, но это уж внелитературная тема. Я буду ещё иметь возможность разузнать о подоплёке этого дела, но сейчас ещё мне не ясно, в чём она» (30.03.1964)³¹³.

Под влиянием суда над Бродским Македонов резко выступил на собрании ленинградских писателей против обвинительного приговора. Он был возмущён претензиями, высказанными в адрес свидетелей защиты Бродского – Владимира Адмони, Натальи Грудининой и Ефима Эткинда. В пылу дискуссии критик предложил вместо них привлечь к ответу судью Е.А. Савельеву, подписавшую постановление³¹⁴. В январе 1965 года на отчётно-выборном собрании ЛО ССП РСФСР, когда Александр Прокофьев был смещён с поста первого секретаря правления, Македонов оказался среди тех, кто вновь заговорил о «деле Бродского». Его волновал международный скандал, вызванный осуждением поэта, поскольку он явно повредит репутации страны и самой идее социализма³¹⁵. Македонов дал жёсткую оценку позиции секретаря комиссии по работе с молодыми авторами Е. Воеводина, который, как стало известно, от

³¹² Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов <Запись от 22 марта 1964 г.> // Знамя. 2000. № 11.

³¹³ Твардовский А.Т. Удел земной. Впервые – письма поэта к другу, критику А.В. Македонову / Ред.-сост. В.Д. Савченков. Починок, 1998. С. 15-16.

³¹⁴ Шнейдерман Э. Круги на воде: Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР // Звезда. 1998. № 5. С. 184-199.

³¹⁵ Из речи Македонов: «Я не буду касаться самого Бродского. Я после разговора с Некрасовым глубоко заинтересовался этим делом. Я знаю, что это человек запутавшийся, предполагал худшее, что он дерьмо, но ведь мы-то сами не должны вести себя плохо». См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 170-172.

лица комиссии представил на суде подложную характеристику на Бродского и его стихи. В действительности члены комиссии творчество поэта не обсуждали, поскольку он не был членом Союза писателей³¹⁶. Характеристика, представленная Воеводиным в суд, легла в основу обвинительного приговора. Македонов был поражён: «разве мелочью является то, что секретарь комиссии, работая с молодёжью, выступал с заведомо подложным заявлением на суде и его за это не только не выгнали из Союза, но даже дали какую-то должность? Ну что это такое, товарищи?»³¹⁷

М.Н. Золотонос, комментируя протоколы собраний ленинградских писателей тех лет, отдавая должное позиции «бродкистов», в то же время упрекает их в «тактическом лицемерии», которое проявилось, по его мнению, в отсутствии критики Даниила Гранина как председателя комиссии по работе с молодёжью. По его версии, Гранин был намечен на пост первого секретаря правления ленинградского отделения писателей, «вероятно, “бродкисты” знали об этом и решили, что критиковать Гранина невыгодно, несвоевременно, не нужно»³¹⁸. Столь однозначная оценка нуждается в подтверждении фактами: действительно ли каждый из присутствующих на собрании мог предположить, что Прокофьев будет смещён со своей должности, а Гранин займет его место, ведь даже для Прокофьева это стало полной неожиданностью.

*

В принципиальности Македонова в подобных делах не дают усомниться воспоминания тех, кто знал его лично или по отзывам друзей и коллег. «Бескомпромиссный человек не могучей внешности, – так характеризует Македонова А. Рубашкин, – становился “аки лев”, выступая на писательских пленумах и собраниях. Он громил литературных черносотенцев, называя чёрное чёрным»³¹⁹. «Реплики ленинградского литературоведа А. Македонова, – вспоминает Г. Свирский, – на обсуждениях в Союзе писателей становились известны всем <...>. Да и могли ли они остаться втуне, если даже в ухтинском концлагере в сталинские времена больной, обмороженный зэк Македонов посмел так завершить свою лекцию о Чехове: “Чехов умер в 1904 г. Свободным человеком. Если б он дожил до наших дней, он был бы вместе с нами. За лагерной «колючкой»... Я был в Ухте в 1970 году. Там и сейчас старые люди вспоминают о Македонове...»³²⁰.

Ефим Эткинд, крупнейший специалист в области стиховедения и теории перевода, вспоминает о Македонове как об одном из критиков, тоньше и проницательнее которых в отечественной литературе 1960-1970-х годов он не знал³²¹. Поддержка Македонова, как авторитетного исследователя, была важна

³¹⁶ Золотонос М.Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940-1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 880 с. С. 632.

³¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 499. Л. 172.

³¹⁸ Золотонос М.Н. Гадюшник... С. 633.

³¹⁹ Рубашкин А. «Я, разумеется, отказался»: К 90-летию Федора Абрамова // Звезда. 2010. № 1.

³²⁰ Свирский Г. На лобном месте: Литература нравственного сопротивления 1946-86 г. г. Лондон: «OVERSEAS», 1979. М.: «КРЮК», 1998. URL: <http://www.lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt> (дата обращения: 4.06.2015).

³²¹ Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика...

для Эткинда, когда в обстановке общей дискуссии о структурализме в Союзе писателей обсуждали подготовленную им к изданию книгу «Материя стиха», посвящённую новым методам анализа стихотворного текста. Македонов, несмотря на свое неоднозначное отношение к формалистической и структуралистской методологии, одобрил издание книги. Шёл 1970 год, когда под предлогом недостаточно партийного содержания, отсутствия классового подхода к литературе третировали неугодных авторов, препятствуя изданию их работ. «Материя стиха» увидела свет только через восемь лет во Франции, в России она вышла четверть века спустя, в 1998 году.

В обсуждении научных проблем Македонов стремился к конструктивному диалогу. Соблюдая правила профессиональной этики, он вёл разговор в рамках историко-литературных, эстетических и методологических проблем. Для него был важен поиск истины. Полемизируя с отечественными и зарубежными учёными структуралистско-семиотического направления, в то же время он поддержал Ефима Эткинда, работавшего в русле традиций русского формализма.

*

Македонов не остался в стороне и когда в конце 1960-х годов в прессе началась массированная атака на «Новый мир» Твардовского. Отношение к главному редактору либерального журнала значительно ухудшилось после его отказа подписать одобрение вторжения СССР в Чехословакию.

Цензура изматывала редакционный коллектив бесконечными запретами. Вопреки воли Твардовского из состава редколлегии выводились его сотрудники. В газете «Правда», органе ЦК КПСС, 27 января 1967 года была опубликована редакционная статья «Когда отстают от времени», в которой журнал был подвергнут резкой критике за то, что в нём подчёркиваются «теневые стороны жизни» советского общества, а на первый план выдвигаются «не те» персонажи – люди, общественно пассивные, обиженные судьбой.

Власть настойчиво искала повод для устранения строптивых демократов, но до поры до времени авторитет автора «Василия Тёркина» служил защитой журнала. Повод нашёлся, когда 29 июля 1969 года в журнале «Огонёк» (№ 30), который возглавлял Анатолий Софронов, было опубликовано «письмо одиннадцати» – «Против чего выступает “Новый мир”?»³²² Его подписали М. Алексеев, С. Викулов, С. Воронин, В. Закруткин, Ан. Иванов, С. Малашкин, А. Прокофьев, П. Проскурин, С.В. Смирнов, В. Чивилихин, Н. Шундик. Письмо выглядело как открытый донос на политически неблагонадёжных сотрудников журнала, прежде всего его критиков А. Дементьева, В. Лакшина, И. Виноградова, Ф. Светлова, Ст. Рассадина, В. Кардина и др. Имя Твардовского не называлось, но всем было очевидно: главной мишенью является он. В письме говорилось о том, что «Новый мир» «давно уже утратил представление

³²² А.М. Турков вспоминает: «Подписать-то они подписали, но... из опубликованных уже на рубеже веков мемуаров критика, в прошлом заведовавшего отделом в «Молодой гвардии», Виктора Петелина «Счастье быть самим собой» (М., 1999) сделалось известным, что первоначальный текст письма принадлежал перу его и нескольким другим коллегам тех же взглядов. Но, жалуется мемуарист, «мы остались в тени, а все подписавшие это “Письмо” впоследствии получили лауреатские звания Героев соц. труда». См. Турков А.М. Александр Твардовский. М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2010. 408 с.

о своём истинном месте в борьбе с чуждой идеологией», его критика проникнута «космополитическими идеями», она «явно приглушает и умаляет опасность враждебных идеологических влияний». Наконец, «прикрываясь трескучей фразеологией», журнал выступает против «таких основополагающих морально-политических сил нашего общества, как советский патриотизм, как дружба и братство народов СССР, как социалистическое по содержанию, национальное по форме искусство социалистического реализма»³²³.

За «письмом одиннадцати» в еженедельнике «Литературная Россия», газетах «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Ленинское знамя» и др. последовала череда обличительных статей и подобранных читательских откликов в адрес «Нового мира» и его главного редактора.

«Новомирцы» смогли дать достойный ответ своим «критикам» на страницах собственного журнала. Они напомнили о том, что большинство их оппонентов имели личные мотивы для неприязни, поскольку их произведения подвергались серьёзной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма.

«Новый мир» поддержали многие талантливые писатели. В редакцию журнала, в руководящие инстанции приходили письма К.М. Симонова, К.И. Чуковского, М.В. Исаковского, С.С. Смирнова, А.А. Суркова, В.Ф. Тендрякова, С.П. Антонова и др., но напечатаны они не были.

Македонов также безуспешно пытался опубликовать статью на страницах «Огонька», «Правды», «Литературной газеты». В личной переписке с Твардовским, который глубоко переживал невозможность публично дать ответ своим оппонентам, он старался поддержать дух товарища. Во время их последней встречи в 1970-м году Твардовский жаловался на то, что значительная часть интеллигенции в критические для «Нового мира» времена осталась в стороне.

Через несколько месяцев «сигнал одиннадцати» был «услышан» властью и меры приняты: Твардовского вынудили написать заявление об освобождении от занимаемой должности главного редактора «Нового мира». Журнал поменял свой курс. Отставка Твардовского знаменовала конец либеральной эпохи 1960-х.

Об обстоятельствах той травли Македонов вспоминает в статье «“Письмо одиннадцати” и судьбы Твардовского», которую ему удалось опубликовать на волне перестройки в 1989 году. Критик сожалел, что не все уроки из той позорной ситуации были извлечены, и сегодня есть люди, «путающие патриотизм и национализм, национальную гордость и национальное чванство»³²⁴, надеющиеся на реабилитацию сталинизма.

Основания для опасений у него были. Авторы «письма одиннадцати» и их единомышленники продолжали выступать с резкими обвинениями в адрес современной периодической печати.

³²³ «Против чего выступает “Новый мир”?» // Огонёк. 1969. 29 июля (30). С. 27.

³²⁴ Македонов А. «Письмо одиннадцати» и судьбы Твардовского // Сельская новь (Починок). 1989. № 46. С. 4.

Македонов приветствовал перестройку, видя в ней стремление устранить «деформации социализма», уничтожить «административную систему, показавшую убедительно всю свою опасность и даже пагубность для нашей страны и наших основных идеалов»³²⁵. Он надеялся, что перемены, происходящие в нашей стране, необратимы: «обратный ход всё же не состоится, какие бы ни были мелкие зигзаги, повороты на пути к полноте правды, необходимой для подлинной перестройки»³²⁶.

По свидетельству В.С. Баевского, Македонов «занимал последовательно и бескомпромиссно демократическую позицию и выражал её в устных и письменных выступлениях на писательских собраниях и съездах, в газетах литераторов и в общей печати. И к его голосу прислушивались»³²⁷.

Свою жизнь Македонов связывал с судьбой Союза советских писателей. Он был делегатом не только Первого съезда, но и других съездов писателей СССР и РСФСР. И цель своей литературной работы видел в «утверждении ценности и цельности нашей русской советской литературы»³²⁸.

На Седьмом съезде писателей РСФСР, прорвавшись к микрофону, 80-летний Македонов выступил с обличительной речью против национальной вражды, антисемитизма, который сквозил в речах некоторых делегатов. Ситуация сложилась нездоровая. Стоит отметить, что во время работы съезда в фойе продавались «Mein Kampf» Адольфа Гитлера и другие фашистские и профашистские издания. «Я думаю, что мы можем призвать ораторов к тому, чтобы извлечь какие-то уроки из прошлого, и к тому, чтобы наш Союз писателей России был достойным великого русского народа, которому политическое хулиганство и тем более антисемитизм, всякие расистские синдромы были всегда чужды! Это у нас считалось, у старой интеллигенции, в чьей семье я вырос, чем-то вроде дурной болезни. От этой дурной болезни, товарищи, мы должны быстро излечиться. <...> Через всю свою жизнь и работу я сохранил веру в силу России, в силу русского народа, и, как бы нас ни пугали, народ русский не погибнет! Незачем нас запугивать. У него силы огромные, нужно только, чтобы не помешали этим огромным силам некоторые чрезмерно крикливые фразы. Не надо бить себя в грудь, что я патриот, а доказывать делом, что ты – патриот. Как доказывал делом это Александр Твардовский, делом всей своей жизни!»³²⁹

Как и большинство русских интеллигентов, Македонов страдал от книжного дефицита советского времени (прежде всего научной литературы, которая необходима была ему для работы). В период брежневского застоя и первые

³²⁵ Македонов А. «Письмо одиннадцати» и судьбы Твардовского // Сельская новь (Починок). 1989. № 49. С. 4.

³²⁶ Стеклов М.Е. Взыскующий правды... С. 4.

³²⁷ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 206.

³²⁸ Македонов А.В. [Выступление на VII съезде писателей РСФСР] // Литературная Россия. 1990. 28 декабря (№ 52). С. 6.

³²⁹ Македонов А.В. [Выступление на VII съезде писателей РСФСР]...

годы перестройки на фоне издания в огромных количествах собраний сочинений «средних» писателей дефицит ощущался особенно остро. За книгами приходилось охотиться, разыскивать их в букинистических магазинах и пр. Собрать дома научную библиотеку было делом трудным. Рабочий кабинет Македонова был переполнен изданиями самой разной тематики. Книги были не только в шкафу, на полках и письменном столе, они стопками возвышались прямо с пола.

В период гласности Македонов решился поднять вопрос о недостатках системы «Союзкнига». Он предлагал опереться на мировой опыт, где при планировании тиражей издаваемых научных работ учитываются мнения самих учёных, компетентных специалистов, преподавателей вузов, а также результаты социологического изучения читательского спроса. В реформировании системы книгопечатания Македонов предлагал, во-первых, прибегнуть к практике малых, «пробных» тиражей изданий с возможностью их увеличения впоследствии, во-вторых, к ликвидации монополии «Союзкниги», созданию параллельной, конкурирующей книготорговой организации, как это принято в мировой практике, в-третьих, к замене в «Союзкниге» недостаточно компетентных товароведов, наконец, к материальному стимулированию работников книжной торговли в зависимости от конечного результата их труда. Предложения были даны вполне в духе перестройки, однако услышаны они не были. Статья Македонова, посвящённая столь актуальной проблеме, просто не увидела свет.

Македонов, борясь против цензуры, пользовался испытанным способом – самостоятельно размножал тексты и рассылал их знакомым. Так он поступил и со статьей «О советской поэтической классике, её друзьях и противниках» (1987), в которой призывал уничтожить цензуру не только как государственное ведомство, но и как систему произвольных запретов, рождающихся в недрах кабинетов высокопоставленных чиновников. Все издания, в которых Македонов пытался напечатать эту статью, ответили отказом. Разослав этот текст друзьям, он обратился с просьбой ознакомить с ним как можно большее количество людей. Таким образом Македонов стремился сознательно влиять на общественное мнение. Спустя десять лет, после смерти автора, В.С. Баевский опубликовал эту работу, хранящуюся в его личном архиве.

Статья была написана под влиянием Восьмого съезда писателей СССР, состоявшегося в июне 1986 года. Подводя итоги полувековой истории писательского союза, Македонов пришёл к выводу, что несмотря на трудности, зигзаги и противоречия (порой трагические) пройденного пути, русская литература не утратила свой огромный потенциал. Она создала советскую поэтическую классику. Однако многие произведения, являющиеся достоянием народа, до сих пор с трудом находят дорогу к читателю. На примере судьбы творческого наследия Твардовского (поэм «Тёркин на том свете», «По праву памяти»), Пастернака (лирики, романа «Доктор Живаго») и Мандельштама, признанных и изучаемых во всем мире поэтов, Македонов говорит о проблеме негласных запретов на публикацию или переиздание произведений, ставших классикой отечественной литературы, и научных работ о них. «Почему же эти

невидимки до сих пор невидимы и молчат? Не пора ли их показать нашему народу, общественности? Если они в состоянии честно дискутировать – пусть выскажут свою точку зрения! И пусть будет честная дискуссия»³³⁰. «Отчаянный оптимист» искренне верил в демократические перемены и настаивал на организационных выводах в отношении «невидимок и неслышимок».

В своё время освободившись от сталинских иллюзий, он до конца жизни оставался верен идеологии марксизма-ленинизма, видел в ней программу построения справедливого гуманного общества.

Любое нарушение прав человека Македонов воспринимал как отклонение от главного политического курса страны. В.С. Баевский вспоминает о том, как в 1989 году Македонов, возмущённый указом Президиума Верховного Совета СССР об ограничении права организовывать митинги и демонстрации, публично выражать своё мнение, не совпадающее с позицией правящих кругов, написал в газету «Правда» письмо протеста, в котором заклеил милицейскую расправу в Тбилиси. «Избиение мирных грузинских демонстрантов, – утверждал он, – лежавших на площади в начале избиения, силами войск МВД является подлинным злоупотреблением властью, преступлением и одновременно преступлением очень глупым. Ибо, если это избиение было направлено против каких-либо грузинских сепаратистов, по всем признакам очень немногочисленных (ибо я по характеру своей работы неоднократно имел дело с разными грузинами и знаю, что ни к какому сепаратизму они не были склонны), то это избиение на деле может именно возбудить грузинский сепаратизм и создать из дружественного нам народа – народ нам враждебный»³³¹. Газета отказалась печатать открытое письмо, и Македонов в очередной раз воспользовался услугами самиздата. Он рассчитывал, что его примеру последуют и другие неравнодушные: «Надеюсь, что я не один пишу такие отклики и что поток разумных откликов может получить поддержку ряда демократов на съезде депутатов, а некоторых и образумить»³³².

Гражданское мужество Адриана Владимировича Македонова в конце концов было оценено по заслугам. За месяц до смерти, 12 сентября 1994 года, Указом Президента Российской Федерации он был награждён орденом Дружбы народов «за большой вклад в развитие литературы, укрепление межнациональных культурных связей и многолетнюю общественную деятельность»³³³.

Те, кто хорошо знал Македонова, отзывались о нём, как об интеллигентном, исключительно эрудированном и порядочном человеке, болеющем за судьбы Родины. Душевная деликатность соединялась в нём с твёрдостью и ре-

³³⁰ Македонов А.В. О советской поэтической классике, её друзьях и противниках / Публикация В.С. Баевского и Э.Л. Котовой // Русская филология. Учёные записки Смоленского государственного педагогического университета / Сост. Л.В. Павлова. Смоленск: СГПУ, 1997. С. 293-302. С. 295.

³³¹ Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 207.

³³² Там же...

³³³ О награждении орденом Дружбы народов Македонова А.В. Указ президента Российской Федерации № 1855 от 12 сентября 1994 г. // Рабочий путь. 1994. 28 сентября. С. 1.

шимостью, когда дело касалось принципиальных вопросов. Македонов – «не-подкупный рыцарь истины, которому помогают в творческой работе два надёжных и неизменных соавтора – жизнь и правда»³³⁴.

³³⁴ Пашков Ю.В. Соавторы – жизнь и правда: К 70-летию А.В. Македонова // Рабочий путь. 1979. 23 мая (№ 118). С. 4.

